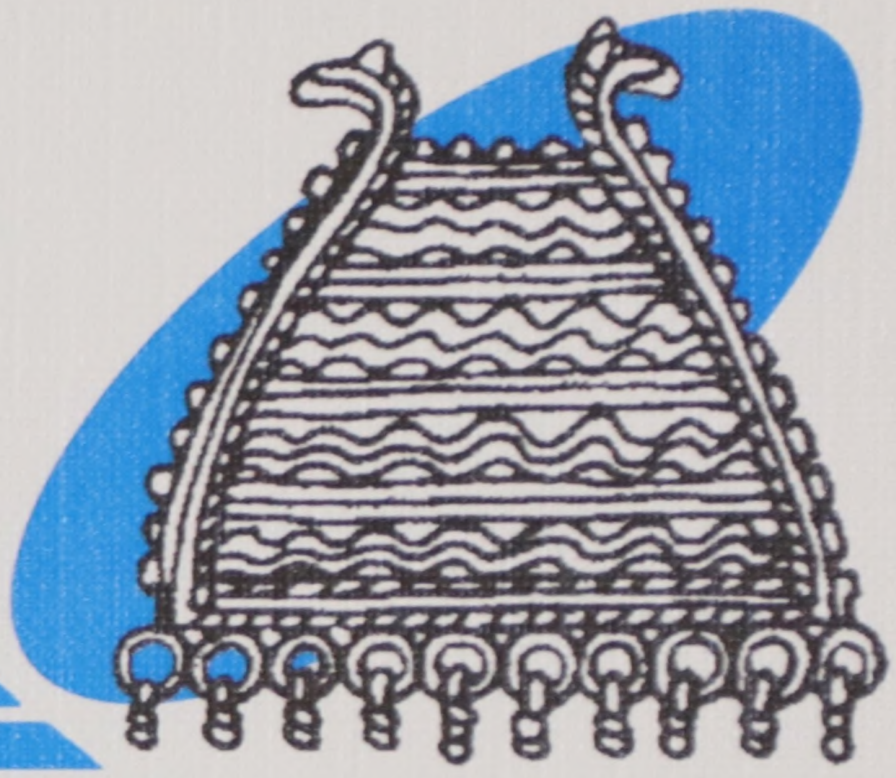
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2013

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2013, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н. Этнокультурная интеграция финно-угорских народов (конец XX – начало XXI вв.). 3
Гаврилова В.Г. Проблемы и перспективы языкового планирования в Республике Марий Эл. 15
Шляхова С.С. Иконичность редупликации в коми-пермяцком языке. 24
Михеев А.В. Обороноспособность Пайгусовского городища. 44
Сурнина Л.Е. Тема молодости в стихотворениях И.А. Куратова. 59

СООБЩЕНИЯ

Сахарова Л.Г. Религиозная жизнь вятских марийцев в 20-е – начале 30-х годов XX века. 70
Пенькова М.В. Фольклорные данные о Снухинском жертвеннике и его округе (по материалам экспедиции). 75
Зиявидинова О. С. Художественное воплощение темы человека и природы в очерковой прозе В.Т. Чисталёва. 84
Мамаева М.Н. Мелодико-композиционная структура напевов «сернурской» свадьбы. 89
Душенкова Т.Р. Реализация понятий «каргаськон» и «юриськон» в удмуртском языке. 100
Носкова Н.Ю. Использование прозвищ в мордовском языке: семантика и структура. 106

ПЕРСОНАЛИИ

Кузнецова М.Н. К юбилею Эдена Беке. 110
Востриков В.Г. К юбилею В.М. Васильева. 116
К юбилею А.Н. Турубанова. 120

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Водясова Л.П. Рец.: Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сб.избр.ст. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 244 с. 122
Попов Н.С. Рец.: Ошаев А.Г. Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.) – Йошкар-Ола, 2012. – 175 с. 125
Мокшина Е.Н. Рец.: Сушкова Ю.Н. Под небом Канады. Монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 304 с.: ил + цв.вкл. 128

ХРОНИКА

Пекшеева Э.И. Научно-практическая конференция «Марийский язык в компьютерных технологиях». 135
Ракын А.Н. Предстоящий XII Международный конгресс финно-угроведов. 138
Сведения об авторах 142

«Финно-угроведение», 2013, № 1

СТАТЬИ

Александр Маслихин,
Николай Гаврилов
Йошкар-Ола

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Научное управление национальными процессами предполагает необходимость всестороннего учета национальных особенностей (культурных, языковых и т.д.), национальной специфики народов. Ибо их игнорирование может приводить к различным конфликтным ситуациям, сепаратистским движениям – этому учит как прошлая история, так и современная. Правильная же, научно обоснованная национальная политика способствует прогрессивному развитию народов, их сплочению, укреплению единства многонационального государства. Следует особо подчеркнуть: негативные национальные проблемы в общественной жизни возникают не по вине самих народов, а по вине националистов-экстремистов, или государственных руководителей, несвоевременно разрешающих национальные проблемы.

Общественное развитие включает в себя процессы интеграции и дезинтеграции. В конце XX века, в связи со всемирной трагедией – развалом СССР, преобладали тенденции дезинтеграции. Но даже в масштабах бывшего СССР они не были всеобъемлющими. Одновременно имели место интеграционные явления.

В данном материале обращается внимание на интеграционные взаимодействия в рамках финно-угорского сообщества народов России. Российское государство как в 90-е годы XX века, так и в настоящее время не препятствует укреплению родственных связей между финно-угорскими народами. Более того, многие их начинания получают государственную организационную и финансовую поддержку. Правовой основой дальнейшей интеграции финно-угорских народов служит законодательство РФ, прежде всего Конституция Российской Федерации, Федеральный закон РФ от 17.06.1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

Важным условием формирования и упрочения содружества финно-угорских народов является их жизнь и развитие в полиэтнической среде, которую населяют свыше ста наций и народностей. Ведущая роль в общественной жизни России при-

надлежит русскому этносу, составляющему в России 111 миллионов человек (2010) или около 77,8 % населения страны (1). Русский народ никогда не жил по принципу «разделяй и властвуй», поэтому население страны с пониманием относится к интеграции финно-угорских народов. В формировании социокультурных связей между финно-угорскими народами существенная роль принадлежит представителям марийского этноса.

За последние десятилетия произошли большие качественные изменения в дружеских связях марийского этноса с родственными финно-угорскими народами. Следует напомнить: к финно-угорским народам России относятся манси, ханты, коми (коми-зыряне), коми-пермяки, удмурты, марийцы, финны, карелы, вепсы, ижорцы, эстонцы, мордва, водь, саамы, сету.

Вопросы истории, современного состояния и перспектив развития международного сотрудничества финно-угров отражены в трудах Н.Н. Гаврилова, П. Домокоша, К.И. Куликова, В.Д. Маслихина, К.Н. Санукова, А.Ф. Сметанина, В.А. Юрчёнкова и др. Ими подвергнуты исследованию основные проблемы финно-угорских народов России, предложены соответствующие пути решения (2, с. 9–13; 3, с. 28–34; 4; 5; 6, с. 10–21; 7; 8; 9).

С древнейших времен этническое развитие финно-угорских народов происходило разнообразно, их современное состояние имеет общие черты и существенные различия, что обусловлено широким спектром особенностей исторического, политического, социально-экономического, демографического, природно-географического развития.

Для научного анализа этнической ситуации у финно-угорских народов целесообразно выделить северо-западный (прибалтийский), центральный (поволжско-уральский), западно-сибирский регионы. Они, как известно, имеют много общего в своём развитии, в то же время у них имеются и определённые этнокультурные отличия, что находит отражение как в исследовательской работе, так и практических мероприятиях, программах.

Причиной своеобразия развития финно-угорских народов России является наличие ряда специфических этнокультурных признаков, сложившихся в ходе длительного исторического процесса и обуславливающих их особое положение в российском обществе в современных условиях. Эти народы входят в одну этноязыковую общность, имеют общие черты быта, культуры, примерно одинаковый уровень социально-экономических отношений. В течение длительного периода они испытывали воздействие политических, военных, социально-экономических и других факторов со стороны внешних сил, как и вся Россия. В дореволюционной России у них отсутствовали собственные административно-политические и культурные центры, будучи отчужденными от системы власти, они не имели длительного опыта государственного управления. Финно-угры в абсолютном большинстве до начала XX века занимались аграрной деятельностью. Общим было и то, что они не смогли создать консолидирующую национальную идеологию, многочисленную национальную интеллигенцию.

Царская Россия обеспечила для финно-угорских народов некоторые условия существования: была сохранена территория обитания, власть позволяла функционировать органам самоуправления. И если финские и угорские народы в условиях жестокой эксплуатации, экономического, религиозного, политического подавления, неграмотности в течение многих веков сумели сохранить себя как этносы, сберечь язык и культуру, то не последнюю роль в этом сыграли те условия, которые, хотя и в усеченном виде, были утверждены для них в царской России в качестве обыденного права.

Социализм для финно-угорских народов явился прогрессивно-историческим этапом. Советская власть создала государственность этих народов, осуществив право на самоопределение и приняв свод законов, защищающих их права. Национально-государственное строительство у каждого из народов с самого начала было направлено на создание административно-территориальных образований в виде автономных областей и округов. В результате за короткий промежуток времени финно-угорские народы осуществили культурную революцию, создали национальную интеллигенцию, частично урбанизировались, в основной своей крестьянской массе приспособились к условиям ведения коллективного хозяйства в колхозах и совхозах, сохранив и внедрив многие функции общинного управления. В их составе образовались три социально-классовые группы: крестьянство, рабочий класс, интеллигенция.

До середины XX века программной целью государственных образований финно-угорских народов было выравнивание экономического и культурного уровней развития.

Идеологические установки при формировании новой исторической общности – советского народа – отражали приоритеты общесоветского сближения народов, что шло параллельно с расцветом каждого из них. Одновременно имели место ассимиляционные процессы, национальный нигилизм. По итогам переписей 1939 и 1979 гг., т. е. за 40 лет, количество марийцев в республике увеличилось, хотя их физический прирост за этот период был несколько ниже, чем у представителей других народов, проживающих в республике. Подобный процесс произошел и в других финно-угорских государственных образованиях.

Начало «перестройки» и проводимых в последующем реформ всех сторон жизни российского общества в корне изменили общественно-политическое и экономическое положение финно-угорских народов. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (1993) эти и другие народы России сохранили свою государственность. Однако происходит, с одной стороны, последовательное сокращение функций национально-территориальной государственности, утвержденных при ее создании, с другой – осуществляется вымывание кадров коренных народов из представительных органов управления. Так, в нынешний состав Государственного Собрания Республики Марий Эл населением было избрано всего 21, 2% депутатов-марийцев.

За минувшие два десятилетия культурные, образовательные, научные, информационные связи между финно-угорскими народами получили такое развитие, что

сейчас можно говорить о сложившемся финно-угорском мире, который наполнен реальным содержанием, имеет тенденцию к углублению и расширению.

В развитии интеграционных связей финно-угров с конца XX века по настоящее время можно выделить два этапа. Первый этап (1990–2006) связан с установлением этнокультурных взаимодействий, а второй (2006 – наст. время) отражает расширение и углубление межэтнических контактов.

Марийский народ занял важное место в укреплении и развитии связей с финно-угорскими народами через своих энтузиастов – государственных деятелей, учёных-обществоведов. Большую роль в организации и развитии дружеских культурных связей финно-угорских народов стал играть созданный в 1990 году в городе Йошкар-Оле Фонд развития культур финно-угорских народов. Его Президентом с 1990 и по 2006 год был Н.Н. Гаврилов. Краткая история деятельности данного Фонда такова.

Зарождение Фонда связано с начальным этапом «перестройки» и «реформ» в СССР. Первое заседание состоялось 6 октября 1990 года, в нем приняло участие около 300 человек со всех финно-угорских регионов Союза ССР. В первый состав правления Фонда вошли энтузиасты финно-угорского движения.

По инициативе Фонда в финно-угорском мире стали проводиться важные культурные мероприятия: конгрессы, конференции, фестивали, семинары, встречи делегаций.

Так, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Правительства Марийской республики Фонд впервые провёл в 1990 году международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов, который стал традиционным и популярным. Под эгидой Фонда состоялось 13 фестивалей в регионах проживания финно-угров.

Столица Республики Марий Эл г. Йошкар-Ола стала местом проведения крупных международных финно-угорских конференций: по проблемам этнопедагогики в 1991 году, фольклористики в 1992 году. Кроме того, возникли и стали укрепляться связи Марийского государственного университета (МарГУ), Поволжского государственного технологического университета, Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской (ныне в составе МарГУ) с зарубежными учебными и научными учреждениями США, Швеции, Финляндии, Венгрии, Эстонии и др. Под непосредственным руководством правительства республики прошли две Российско-Американские региональные конференции, посвящённые актуальным проблемам: «Российско-Американское сотрудничество. Образование и перспективы развития» (1997) и «Университеты как центры развития региона» (1999). В них приняли участие американские учёные и сотрудники посольства США в России, а также учёные вузов Йошкар-Олы, Москвы, Казани, Чебоксар, Кирова, Нижнего Новгорода, Ижевска. Всё это свидетельствует о том, что Республика Марий Эл стала важным научным центром финно-угорского мира, и её научные достижения доходят до многих цивилизованных стран Европы и США.

Фонд инициировал создание ассоциаций финно-угорских библиотек, национальных музеев, центров народного творчества.

Большим и знаковым событием в активной деятельности Фонда является создание центров национальных культур. Так, по развитию связей с марийцами, компактно проживающими в Кировской, Нижегородской, Свердловской, Пермской областях, Башкирской, Татарской, Чувашской, Удмуртской республиках, были организованы марийские культурные центры. Данные центры уделяют внимание развитию марийского языка и марийской литературы, работе марийских школ, их снабжению учебниками на марийском языке из Республики Марий Эл. В свою очередь, в самой Республике Марий Эл были тоже открыты центры национальных культур. Первыми были организованы центры удмуртской культуры (1993), татарской (1995), чувашской (1995). Затем приступили к деятельности в Марий Эл республиканские центры русской (1997), марийской (1999) культур. Для глубокого и всестороннего анализа этнических проблем народов, проживающих в республике, Правительством Марий Эл были организованы научно-практические конференции по проблемам дальнейшего развития удмуртов, татар, чувашей, русских, марийцев.

Правительством Республики Марий Эл была создана Комиссия по разработке концепции национальной политики Республики Марий Эл. В 1997 году она была разработана и принята; в том же году в целях её реализации был создан Межведомственный координационный совет из представителей заинтересованных министерств и ведомств, общественных национальных формирований. С участием правительства проходят Всемарийские съезды [III (1992) – IX (2012)], имеющие большое значение для экономического и культурного развития марийской нации.

Активная и плодотворная деятельность правительства республики и Фонда развития культур финно-угорских народов в 90-е годы XX века перешагнула не только границы Марий Эл, но и финно-угорского мира России. Стали налаживаться контакты с организациями и учреждениями культуры, образования, науки, органами средств массовой информации Венгрии, Финляндии, Эстонии. Ежегодно талантливая молодёжь из финно-угорских регионов России направляется в лучшие университеты Тарту, Таллинна, Будапешта, Хельсинки, Турку.

Начало XXI века ознаменовалось периодом усиленного вовлечения России в процессы глобализации. Происходит смена стиля общественно-политической и экономической жизнедеятельности, осуществляется острейшая борьба противоположностей, схватка нового со старым, прогресса с регрессом, созидания с разрушением. В процесс глобализации помимо воли и желания вовлечены огромные массы людей, целые народы. При этом не все народы, относящиеся к финно-угорскому сообществу, обладают критической массой сопротивления, чтобы выстоять и оградить себя от этих сложностей общественной жизни.

На отчётно-выборной конференции Фонда развития культур финно-угорских народов 19 октября 2001 года констатировалось следующее: «За десять лет наши народы узнали исторические пути, культурное своеобразие, единые языковые и этнические корни наших родственных народов. О проблемах финно-угорской общно-

сти сейчас говорят на кафедрах вузов и в школьных классах, на страницах газет и журналов, в передачах радио и телевидения. Тысячами человеческих нитей, дружеских и деловых контактов скреплены наши народы. Мы стали гордиться своей принадлежностью к единой финно-угорской семье» (3, с. 186).

Активная деятельность Фонда, инициатива восточных финно-угорских народов и их национальных организаций вызвали повышенный интерес к этническим родственникам в Финляндии, Венгрии, Эстонии. Там возникли общества и учреждения по связям с родственными народами на востоке – общество М.А. Кастрена в Финляндии, общество имени Антала Регули в Венгрии, целевое учреждение «Финно-Угрия» в Эстонии. Они содействуют развитию связей между родственными народами в области культуры и информации. Со всеми этими общественными организациями Фонд активно сотрудничал. Так, в 2002 году Фонд при поддержке профессора Сомбатхейского педагогического университета Яноша Пустаи провел в Марий Эл очередные курсы летнего университета «Хунгарология»; в 2003 году при участии общества М.А. Кастрена организованы молодёжные литературные курсы.

Фонд с 1991 года стал инициатором подготовки и реализации проектов по информационному сотрудничеству финно-угорского мира. В этом отношении были организованы телевизионные фестивали, встречи финно-угорских журналистов, посещение финскими журналистами поволжских народов. В 1995–2008 годах в г. Йошкар-Оле издавался информационный бюллетень «Финно-угорский вестник» на русском и английском языках. Работу вестника возглавляла международная редакционная коллегия. Вышло в свет более 30 номеров журнала. Он содействовал формированию финно-угорского информационного пространства. Сейчас задачу информирования о всех мероприятиях в финно-угорском мире выполняет сайт Международного консультативного комитета финно-угорских народов. Его адрес: http://www.fucongress.org/.

В апреле 2001 года состоялся первый этап международного семинара «Финно-угорские СМИ в XXI веке», а 18–19 октября 2001 года успешно прошел второй этап этого семинара «Финно-угорский мир в сети Интернет». Участники семинара говорили о том, что финно-угорские народы России, участвуя в движении за укрепление и развитие российской государственности, стремятся наладить конструктивное сотрудничество с родственными народами, проживающими за границей нашей страны. Тем самым Фонд внёс посильный вклад в укрепление многовековых связей России с Венгрией, Финляндией и Эстонией.

В 1993 году в г. Йошкар-Оле был образован научный центр финно-угроведения (НЦФУ) при Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). С 1994 г. институт стал издавать журнал «Финно-угроведение». С 2000 г. журнал издается 2 раза в год.

Совместно с Консультативным комитетом Фонд успешно провёл международный симпозиум «Финно-угорский мир и XXI век» (1998), получивший большой и положительный резонанс в финно-угорском мире, в работе которого приняли участие около 600 человек из всех финно-угорских регионов мира. Успешно прошла и

другая совместная акция международного семинара «Финно-угорский фактор в современном мире», который был проведен в марте 2000 года. Большое содействие в его организации оказала Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Успешно прошел Международный финно-угорский конгресс историков (2003). В августе 2005 года в г. Йошкар-Оле состоялся X Международный конгресс финно-угроведов. В нем приняли участие представители 16 стран мира. Конгресс способствовал продолжению конструктивного сотрудничества на благо народов всего финно-угорского мира. Профессор А.В. Маслихин выступил с докладом «Методология исследования марийского народа» на секции Финно-угры: особенности общественного развития и этнического самосознания (теория и практика) (10, с. 66–67).

Учёные и известные специалисты в области международных отношений убедительно доказали в своих докладах и сообщениях, что финно-угорский фактор является фактором стабильности на нашем континенте, способствующим укреплению взаимопонимания и мира в Европе.

В Республике Марий Эл деятельность Фонда нашла поддержку ряда обществ: «Марий Эл – Суоми», «Марий Эл – Эстония», «Марий Эл – Венгрия». Совместными усилиями в Марий Эл стали проводиться дни родственных финно-угорских народов, национальные праздники Венгрии, Финляндии и Эстонии, тематические выставки, посвященные культурной жизни этих стран, презентации книг.

В 2002 году проведён Международный финно-угорский театральный фестиваль «Майятул».

Интеграция финно-угорских народов осуществляется не только через разнообразные общественные организации, но и посредством организации и проведения всероссийских и всемирных съездов.

I съезд финно-угорских народов России состоялся в мае 1992 года в г. Ижевске. В 2009 году в Саранске состоялся IV съезд финно-угров Российской Федерации. Участниками съезда стали 144 делегата и 87 наблюдателей. Работа съезда проходила по секциям «Общество и право», «Язык и образование», «Культура и СМИ», «Экология и здравоохранение», «Межрегиональные и международные этнокультурные связи». На съезде прозвучали важные факты и цифры. Так, М. Мосин заявил: «Всё большее признание в российской и мировой цивилизации приобретают культурные ценности финно-угорских народов России. В результате целенаправленной и разноплановой работы общественное движение финно-угорского мира выработало необходимые навыки и приобрело определённый опыт». В. Кирдяшов отметил: «Этнополитика ставит вопрос о выработке таких механизмов решения этнических проблем, которые не были бы связаны с территориальным фактором, а соединили бы представителей этого этноса, где бы они ни проживали. И таким механизмом является Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Он не совершенен, но он работает. Это прорыв в этнополитике Российского государства!» (11, с. 2–3).

Ещё на I съезде финно-угорских народов России было принято решение о проведении Всемирного конгресса финно-угорских народов. Его участники обратились к парламентам и правительствам Венгрии, Эстонии и Финляндии, государств СНГ, других государств, где проживают финно-угорские народы, с просьбой принять участие в его подготовке и проведении. Это решение 29 июня 1992 года было одобрено постановлением Верховного Совета Российской Федерации.

Ныне во всемирном финно-угорском движении принимают участие двадцать четыре народа, из них девятнадцать – российских. Консультативный комитет финно-угорских народов является постоянно действующим исполнительным органом Всемирного конгресса финно-угорских народов. Это очень авторитетная международная организация.

Состоялось шесть всемирных конгрессов финно-угорских народов. Последний был проведен в г. Шиофок (Венгрия) 7 сентября 2012 г. В его резолюции было подчёркнуто: «Современный, всё более динамичный глобализирующийся мир предъявляет нам как старые, так и вновь возникающие вызовы. Продолжаются сокращение численности большинства наших народов, а также аккультурационные и ассимиляционные процессы, снижается уровень владения родными языками. Экономическая и общественно-политическая нестабильность в ряде стран и регионов мешает последовательно решать цели и задачи, стоящие как перед движением в целом, так и перед конкретными народами. Многим нашим народам необходимо активизировать усилия по включению в общемировые процессы мобильности, модернизации и информатизации для сохранения своей идентичности и для дальнейшего развития» (12, с. 47).

В начале XXI века Правительство России при участии Министерства регионального развития, Министерства культуры РФ создали два национально-культурных центра финно-угорских народов: в Сыктывкаре был создан Федеральный центр, а в Саранске – Поволжский. В результате перераспределения финансирования в 2008 году Фонд развития культур финно-угорских народов в г. Йошкар-Оле перестал существовать.

В 2007 году в Саранске состоялся Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!» В его мероприятиях приняли участие Президент России В.В. Путин, Президент Финляндии Т. Халонен, Премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань. С 2008 года в Саранске при государственной поддержке издается «Финно-угорская газета» (9, с. 163).

Финно-угорские СМИ на современном этапе активно используют интернет-ресурсы. В 2007 году был открыт сайт www.finnougoria.ru, он стал полномасштабным порталом по организации межкультурных коммуникаций с целью формирования единого информационного пространства в финно-угорском мире.

Важным слагаемым продвижения финно-угорских культурных ценностей стало появление интернет-телевидения. Телесайт размещает материалы, предоставляемые региональными телекомпаниями. Различные события финно-угорского мира: фестивали, конференции, выставки и т.д. можно просмотреть по адресам: www.finnougoria.tv и www.fuseetv (13, с.108).

В 2005 году Марийский государственный университет стал инициатором учреждения Ассоциации финно-угорских университетов. В нее входят Сыктывкарский, Марийский, Мордовский, Петрозаводский, Удмуртский, Югорский государственные университеты (Россия); Университет Западной Венгрии, Университет Восточной Финляндии. Так, в 2009–2012 годы были проведены международные конференции и симпозиумы по финно-угорской проблематике в Ижевске, Йошкар-Оле и Саранске, международные конкурсы «Мисс студентка Финно-Угрии» (МарГУ) и «Универвидение» (СыктГУ), реализован международный научно-образовательный проект по созданию терминологических словарей по 10 школьным предметам, инициировано придание статуса ВАКовского издания журналу «Финно-угорский мир» (МордГУ) (14).

При Мордовском государственном университете организован межрегиональный Центр финно-угроведения, научным изданием которого стал журнал «Финно-угорский мир». Финно-угорский центр РФ в Сыктывкаре издает журнал «Финноугория. Этнический комфорт» (9, с.168).

В 2007 и 2010 годах в Йошкар-Оле состоялось два форума «Финно-угорский этнокультурный проект: расширение границ». Стратегической целью форума является стимулирование развития проектной деятельности и содействие расширению географии реализации социально значимых инициатив в области этнокультурного развития российских народов и регионов. При открытии II форума было зачитано поздравление полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе Григория Рапоты. В нём было сказано: «Главный принцип российской этнокультурной политики – единство во множестве. Государство заинтересовано в сохранении всего многообразия национальных культур народов России, ибо в этом многообразии – сила и творческий потенциал нашей страны с ее многовековой историей» (15).

В начале XXI века финно-угорское движение распространило свою деятельность на детей и молодёжь. Так, ежегодно проводятся международные лагерные смены детей финно-угорских народов (Республика Марий Эл, Эстония и др.), фестивали бардовской песни «JulaВИЙ», межрегиональные конкурсы красоты «Мисс Финно-Угория», «Звезда Севера». На межэтнической основе стала работать Молодежная ассоциация финно-угорских народов. Во многих субъектах РФ с компактным проживанием финно-угров стали проводить слёты молодёжи. Так, в Республике Марий Эл состоялось три всероссийских слёта марийской молодежи. В ночных клубах проводятся марийские дискотеки, развивается альтернативная марийская музыка, проводятся флэш-мобы и другие социальные акции. В октябре 2008 года в финском городе Ювяскюля проходил IX Российско-финляндский культурный форум «Будущее сегодня и сейчас: культура, молодежь, образование». В нем приняло участие более 340 человек. В результате форумной деятельности появилось 135 проектов, направленных на создание единого пространства культуры, науки и образования (13, с.74–75, 92).

Межкультурные связи финно-угорских народов способствовали развитию научных исследований в области финно-угроведения. По нашему мнению, в научных исследованиях финно-угроведов необходимо определить этно-культурный потенциал народов, сделать прогноз тенденций и вероятных изменений их положения в перспективе.

Модернизационные процессы в России ныне охватывают практически все стороны жизни общества: экономическую, социальную, политическую и духовную. Российская Федерация – многонациональное государство, объединяющее более ста народов со своими особенностями исторического развития, национальной культурой, традициями и языками. В настоящее время наступил новый этап в развитии народов, в укреплении их связей во всех сферах общественной жизни, в том числе и культурной.

Известно, что любой малый этнос в условиях современной России может существовать и развиваться при наличии ряда основных условий и факторов жизнеобеспечения: территории и экологической среды; самоорганизации или самоопределения; экономической основы жизнеобеспечения; свода нормативных и законодательных актов, охраняющих этот народ от внешнего и внутреннего агрессивного воздействия и определяющих его правовой статус; наличия этнической или конфессиональной идеологии; сословной достаточности народа, соответствующей данной общественно-политической формации.

В то же время в связи с усилением военно-промышленного комплекса, освоением месторождений нефти и газа и других природных богатств, на территорию проживания этих народов произошел приток большого количества представителей других народов, произошло снижение удельного веса коренных народов в пределах государственных образований.

Средства массовой информации в ряде субъектов РФ стали высказывать озабоченность по поводу разработки идеологии, включающей деэтатизацию (разгосударствление) национальных регионов. При этом «сторонники глобализации по-американски» нивелируют особенности и чеченцев, и чукчей, и финно-угорских народов.

Между тем именно в нынешний период должна быть повышена роль государства в осуществлении национальной политики в полиэтническом сообществе, каковым традиционно является Российское государство.

Как отмечается, Россия сегодня находится на перепутье. Вопрос времени – либо она пойдет по пути совершенствования государственности коренных народов на основе принципов подлинного федерализма, обеспечивающих необходимое сочетание самостоятельности регионов с целостностью Российского государства и способствующих национальному развитию и межнациональному сотрудничеству народов всей России, следовательно, и расцвету ее, либо она вновь станет унитарным государством с авторитарной системой управления и подавит всякое национальное в угоду торжествующему олигархическому капитализму.

Можно согласиться с утверждением, что при всём своеобразии финно-угорские народы являются россиянами и в полной мере разделяют историческую судьбу всех народов. Чтобы решать свою судьбу, они должны консолидироваться с ними и осуществлять самоорганизацию в русле общедемократических процессов в России. Они могут и должны использовать весь опыт саморазвития, имеющийся в различных национальных республиках. Так, в Республике Коми принят ряд законов, обеспечивающих правовые гарантии коренному народу. Здесь действует закон о статусе съезда коми народа. Его решения рассматриваются на правительственном уровне, по ним разрабатываются государственные планы, осуществляются конкретные мероприятия.

Несомненно, программной задачей финно-угорских народов является использование международно-правовых норм, особенно деклараций ООН, под которыми подписывалась наша страна. Чрезвычайно важным документом является также конвенция №169 Международной организации труда о коренных народах. Одним словом, в ходе этнической самоорганизации финно-угорских народов России в современных условиях следует выработать новые тактические и стратегические планы борьбы за существование.

Общепризнанным фактом является и то, что региональное развитие наших республик тождественно общероссийскому развитию. Народы Коми, Карелии, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл всем ходом своего исторического развития доказали, что укрепляя и развивая всестороннее сотрудничество и дружеские связи финно-угорских регионов и всех народов, их населяющих, они объективно способствуют внутрироссийской консолидации и укреплению российской государственности.

Население финно-угорских регионов объективно заинтересовано в укреплении страны в целом и укреплении единства территориальных сообществ, ибо только при этом можно наиболее полно и эффективно реализовать их социальные, культурные и национальные интересы. Сотрудничество наших народов, регионов и стран должно иметь гуманитарный характер и оставаться в пределах научной, культурной, этнической сфер, не претендуя на изменение государственных границ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Русские // Материал из Википедии – свободной энциклопедии http://ru.wikipedia.org/wiki/ – 20 ноября 2012 г.

2. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош / Пер. с венг. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993.

3. *Куликов К.И.* Проблемы самоопределения финно-угорских народов России в современных условиях // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы Межд. науч. конф. – Сыктывкар, 2000.

4. *Сануков К.Н.* Финно-угры и финно-угроведение. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2012.

5. Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние: Материалы Всерос. науч. конф. / Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН; Редкол.: М.В.Таскаев (отв. ред.), И.Л. Жеребцов, А.А. Попов, Е.Н. Рожкин, А.Ф. Сметанин, В.В. Якоб. – Сыктывкар, 2010.

6. *Попов А.А., Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л.* Роль академического финно-угроведения в формировании современного этнокультурного комплекса на Севере (на примере Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН) // Этнокультурные аспекты социальной стратегии России (интересы и уклад жизни народов Севера, финно-угорское измерение российской политики). – Сыктывкар, 2008.

7. Финно-угорские народы России: генезис и развитие / Под редакцией В.А. Юрчёнкова. – Саранск, 2011.

8. *Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д.* Диалектика общего и особенного развития марийского народа в многонациональном обществе. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002.

9. *Сануков К.Н.* Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2011.

10. *Маслихин А.* Методология исследования марийского народа // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика, антропология, этническая история. III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005.

11. Шумбрат, Финно-Угрия! Тау, Мордовия! // Марий сандалык – Марийский мир. Специальный выпуск. Декабрь 2009.

12. Резолюция VI Всемирного конгресса финно-угорских народов // Марий сандалык – Марийский мир. №3. – Йошкар-Ола, 2012.

13. Финно-угры России: от съезда к съезду (2005–2009). – Саранск: Красный Октябрь, 2009.

14. Сайт Ассоциации финно-угорских университетов // Сайт Марийского государственного университета http://new.marsu.ru/mafu/news.php?ELEMENT_ID=19962 – 20 ноября 2012

15. Поздравление полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе Григория Рапоты участникам Второго Межрегионального форума «Финно-угорский этнокультурный проект» 26 апреля 2010 г. http://gfi.gov12.ru/newsline-detail.htm?news_start=80&news_id=1028&news_start=80& – 20 ноября 2012.

Alexander Maslikhin, Nikolai Gavrilov

ETHNIC AND CULTURAL INTEGRATION OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES (THE END OF XX – BEGINNING OF XXI C.C.)

The article is devoted to ethnic and cultural integration of the Finno-Ugric peoples of the modern stage. The role of the Fund of culture of Finno-Ugric peoples Development, representative of the intelligentsia of the Mari ethnic group in the development of cultural relations with other Finno-Ugric communities of Volga region, of Russia, the «far abroad». National population of the Finno-Ugric regions is objectively interested in building and strengthening the overall unity of territory.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Валентина Гаврилова
Йошкар-Ола

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Одной из центральных проблем макросоциолингвистики является языковая политика. Существует обширная литература по данному вопросу, но до настоящего времени нет единого понимания терминов «языковая политика» и «языковое планирование». Статья ставит целью рассмотрение некоторых основных подходов к определению данных терминов, выяснение основных этапов языковой политики, выявление проблем и обозначение перспектив языкового планирования в Республике Марий Эл.

Теоретический аспект. Термины «языковая политика» и «языковое планирование» зачастую используются как синонимы, кроме них встречаются термины «языковое строительство», «языковое обустройство», «языковая нормализация» (1, с. 105). Термины «языковая политика» и «языковое строительство» больше характерны для отечественной социолингвистики. Зарубежные исследователи предпочитают термин «языковое планирование». Некоторые ученые разграничивают эти понятия. Согласно распространенному в отечественной социолингвистике мнению, языковая политика является неотъемлемой частью национальной политики государства (2, с. 6; 3, с. 19; 4, с. 163). Н.Б. Вахтин и Е.В. Головко считают, что языковая политика государства есть часть общей политики государства, политика «в отношении языков, которые имеют хождение на его территории»; языковое планирование понимается ими как практическое осуществление, «реализация языковой политики», а языковое строительство – как третий этап языкового планирования (4, с. 163, 167). Э. Хауген понимает языковое планирование довольно широко, как «один из видов человеческой деятельности, некий вид управления (или манипулирования) языком» (5, с. 443–444). Он утверждает, что языковое планирование может быть «абсолютно неформальным, но может быть организованным и преднамеренным, может осуществляться как частными лицами, так и официальными учреждениями. Далее Э. Хауген добавляет, что языковое планирование – это один из видов языковой политики (5, с. 469).

Рассмотренные две точки зрения в целом совпадают, термины «языковая политика» и «языковое планирование» соотносятся как целое и часть. Созвучным

последнему пониманию является определение, данное Р.Т. Беллом, рассматривающим языковое планирование как любое сознательное и целенаправленное воздействие на язык не только государств, партий, но и отдельных частных групп или лингвиста-прикладника (3, с. 246). В этом случае понятие «языковое планирование» оказывается шире понятия «языковая политика». Известные отечественные социолингвисты А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский используют термин «языковая политика», представляемый как «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой, для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм одного и того же языка» (6, с. 117). Ученые видят назначение языковой политики прежде всего в регламентации функционирования языков или подсистем языка. Схожей точки зрения придерживается Н.Б. Мечковская, понимающая под языковой политикой как воздействие общества в многонациональном и / или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками (государство и его компетентные органы, различные комитеты, лингвистические центры и т.д.) (7, с. 117). Иной подход содержит дефиниция В.А. Аврорина, определившего языковую политику как комплекс мер государства, направленных не только на функциональную сторону языка, но и опосредованно на структурную сторону языка (2, с. 10). Так, мордовский исследователь А. Феоктистов предполагает появление кардинальных изменений не только в социально-функциональной дифференциации, но и в структуре обеих форм мордовского языка в условиях массового билингвизма и при подавляющем превосходстве неродного языка (8, с.185). Необходимо признать, что основополагающими в определении языковой политики и языкового планирования являются наличие языка или языков как объекта, сознательность и целенаправленность деятельности, наличие концепции и программы практических мер, участие государства, а также общественных групп и частных лиц как субъектов этой деятельности. Языковая политика определяется нами как обязательный компонент национальной политики государства, направленный на регулирование языковой жизни общества. На наш взгляд, такое понимание языковой политики подходит как к лингвистически и этнически гетерогенным, так и к гомогенным обществам. В условиях глобализации многие страны становятся многоязычными, что требует разумной, взвешенной языковой политики. Языковая политика осуществляется в большинстве стран мира именно на уровне государственных органов. В.А. Аврорин писал, что удельный вес стихийных процессов в области функционального развития языка постепенно сводится к минимуму (2, с.10). Языковая политика – это прежде всего совокупность идеологических принципов, концепция или общий подход к решению языковых проблем. В основе концепции могут быть различные направления: от языкового нигилизма до языкового плюрализма. Языковое планирование, в свою

очередь, предполагает комплекс практических мер по реализации концепции, регулирующей языковые вопросы общества*.

Реализация языковой политики проводится в несколько этапов. Э. Хауген выделяет следующие этапы языкового планирования: сбор материала в широких масштабах, рассмотрение альтернативных планов действия, принятие решений и, наконец, их внедрение самыми различными способами (5, с.444). Н.Б. Вахтин и Е.В. Головко выделяют три основных этапа языкового планирования: отбор языка, определение отношения к языкам меньшинств и собственно языковое строительство в виде создания алфавита, правил орфографии, развития терминологии, школьного преподавания, издания литературы (4, с. 167). Классификация Э. Хаугена подходит как развитым, так и развивающимся моно- и многоязычным странам. Вторая классификация подходит развивающимся и лингвистически гетерогенным странам и регионам. В целом мнение исследователей об этапах языкового планирования совпадает. На наш взгляд, необходимым условием языкового планирования является языковое законодательство, т.е. наличие законодательно закрепленной концепции в виде актов, касающихся статуса, функционирования языков или подсистем языка. Выработку общей концепции можно назвать одним из этапов языкового планирования, но до этого должно быть проведено изучение исторически сложившейся (стихийно или под влиянием предшествующего языкового планирования) языковой ситуации. Социолингвистическая информация чрезвычайно важна при выявлении проблем и выработке практических мер, составляющих языковую политику государства (9, с. 60). На основе выработанной концепции разрабатывается комплекс практических мер по урегулированию языковых вопросов. В целом возможно выделение следующих этапов языковой политики: изучение языковой ситуации, выработка общей концепции и программы действий, закрепленных законодательно, реализация данной программы. Н.Б. Мечковская правомерно считает, что одним из компонентов языковой политики являются экономические меры (7, с. 120).

Другой аспект языкового планирования касается того, насколько язык планируем. Языковое планирование не затрагивает самой структуры языка/языков, а занимается в основном социальными функциями и взаимодействием языков или подсистем языка.

Языковая политика и языковое планирование в Республике Марий Эл. Языковое планирование в Республике Марий Эл направлено на преодоление языкового нигилизма и повышение статуса марийского языка. Главным отличием языкового планирования в таких гетерогенных языковых сообществах, как Республика Марий Эл, является определение функциональных отношений между представленны-

---

* Безусловно, языковое планирование не ограничивается только действиями государства, возможно и индивидуальное языковое нормирование, например, в марийском языкознании огромную работу по кодификации языка проводил В.М. Васильев, лексический состав языка обогатил известный марийский поэт В. Колумб, на современном этапе большой вклад в создание терминологии на марийском языке внес И.Г. Иванов, их деятельность не противоречила языковой политике, проводящейся в соответствующие моменты.

ми языками, дифференциация использования языков в различных сферах. В основе двухкомпонентного языкового законодательства Республики Марий Эл лежит принцип двуязычия, призванный обеспечивать коммуникацию на двух языках: русском и марийском (луговом и горном). В целом языковое законодательство в своей основе как бы демократическое и перспективное, т.е. ориентировано на изменение языковой ситуации. На деле оно остается декларативным, поскольку практическое расширение функций марийского языка не предвидится в ближайшем будущем. В настоящее время марийский язык выполняет функцию государственного лишь формально (10, с. 15). Реальная языковая ситуация не соответствует заявленной концепции. Рассмотрим причины сложившейся ситуации.

Важным критерием для понимания этноязыковых процессов в республике является состояние самого языка, спектр выполняемых им функций (11, с. 28). Наряду со статусным планированием параллельно необходимо вести корпусное планирование, занимающееся вопросами внутреннего обустройства марийского языка. Функциональная вторичность марийского языка объясняется недостаточным развитием терминологии на марийском языке, неразработанностью функциональных стилей, способных обслуживать различные коммуникативные сферы, поэтому несоответствие уровня развития марийского языка предполагаемым социальным функциям приводит к диглоссной ситуации, т. е. к неравномерному использованию двух государственных языков Республики Марий Эл. Декларирование языка как государственного требует большой терминологической работы, иначе бессмысленно это декларировать (12, с. 153). Учеными проведена определенная работа по созданию терминов на марийском языке, но их внедрение кажется ирреалистичной идеей в связи с полным отсутствием преподавания дисциплин естественного цикла на марийском языке и с негативным отношением самих носителей языка.

Нами был проведен опрос для проверки гипотезы о негативном отношении к терминам химии и физики на марийском языке и к обучению этих предметов на марийском языке. Были опрошены учителя физики и химии школ республики, студенты физико-математического и биолого-химического факультетов Марийского государственного университета, учащиеся 11 классов Куракинской средней школы Параньгинского района, Конганурской и Юледурской средних школ Куженерского района Республики Марий Эл. Выборочная совокупность составила 113 человек, из них: 47,7% учителей, 52,3% студентов и учащихся. На вопрос о необходимости терминов химии и физики на марийском языке положительно ответило только 18,6% учащихся и студентов и 22,2% учителей. Установки учащихся и учителей о возможности преподавания физики и химии на марийском языке существенно отличаются: 24% учителей признают возможным обучение на марийском языке и только 6,8% учащихся и студентов согласны с этим мнением. В отношении необходимости преподавания этих дисциплин на родном языке респонденты единодушны: лишь 3,4% учащихся и студентов и 3,7% учителей положительно ответило на данный вопрос. Соотношение ответов о возможности и необходимости обучения физики и химии на марийском языке см. рис. 1.

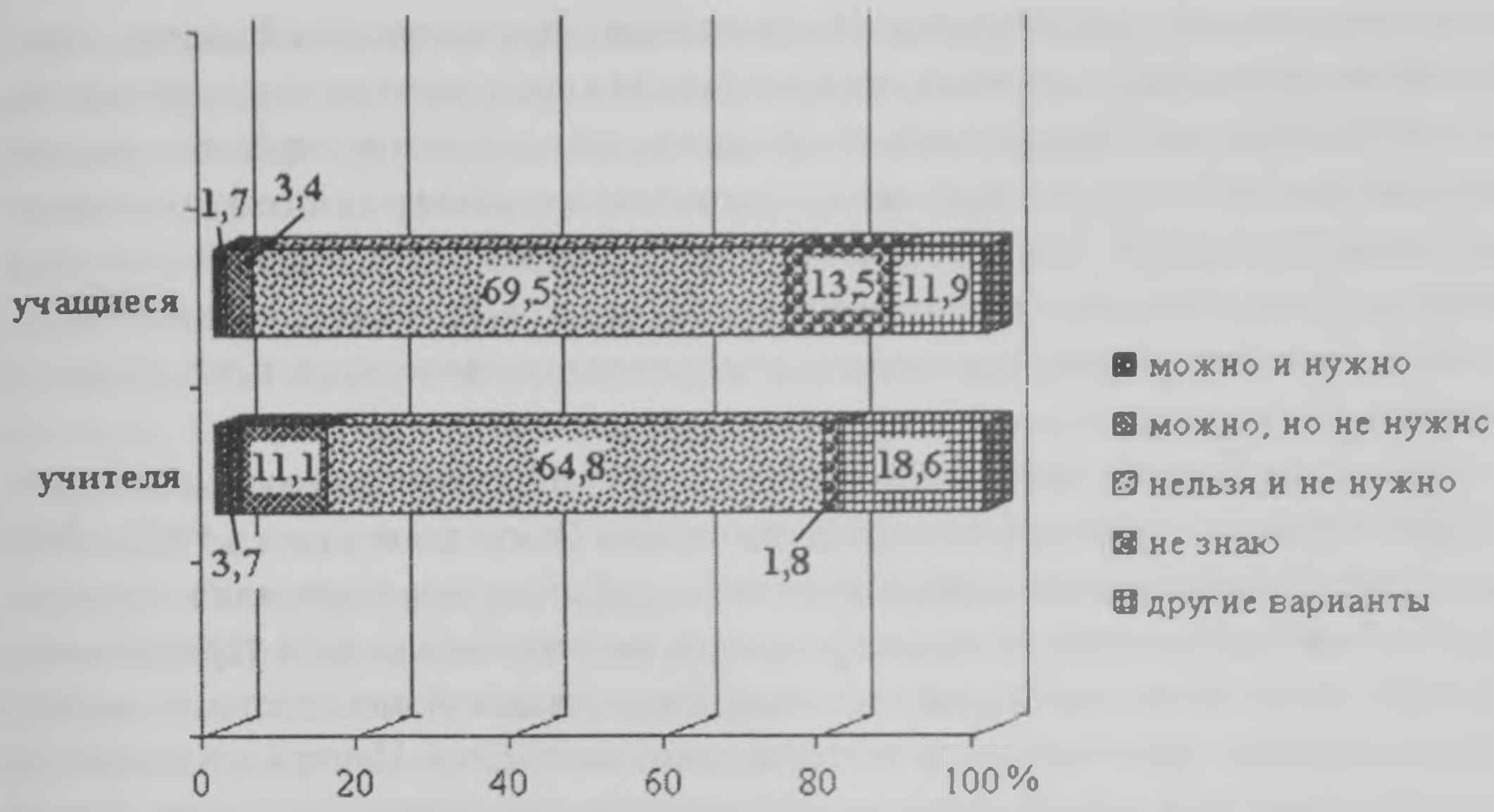

Рис. 1. Соотношение ответов о возможности и необходимости преподавания физики и химии на марийском языке

Данные опроса, а также многочисленные беседы автора по теме обучения на родном языке подтверждают гипотезу о том, что сами носители марийского языка психологически не готовы к кардинальным изменениям в социально-функциональной дифференциации русского и марийского языков. На наш взгляд, непрестижность обучения на родном языке имеет объективную причину: непонятно, на каком этапе образования должно начинаться и заканчиваться обучение на родном языке, поскольку языком высших учебных заведений является русский язык. Преподавание этих дисциплин даже на начальном уровне невозможно из-за трудностей разного порядка: отсутствия учебников, преподавателей, желания у учащихся, у учителей; опасений по поводу сдачи ЕГЭ, карьерных ожиданий родителей, престижности русского языка. Вероятно, правы те исследователи, которые утверждают, что в современных государствах строго одноязычное обучение на материнском языке для меньшинств нереально (13, с. 200). Интересен тот факт, что об этой проблеме еще в 1927 году писал Д.Е. Поливанов. Он отмечал, что студенты национальных меньшинств получают образование как представители русского языка, грамотность на русском языке выше, чем на родном, а в устной беседе они не могли на своем языке изложить «темы, возвышающиеся над уровнем обывательской беседы» (14, с. 82). Эта проблема не решена и актуальна также в настоящее время.

Как пишет К.Ю. Замятин, в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации* критерием оценки эффективности языковой политики является «удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей граждан полиэтничной России», предлагающим идти от спроса к предложению. Исследо-

---

* Одобрена приказом Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201.

ватель подчеркивает, что заложенный в Концепции индивидуальный подход, основанный на спросе, подразумевает снижение уровня предложения до уровня спроса. Констатируется, что исторически на сегодняшний момент в республиках сложилась ситуация, когда существующее предложение изучения родного языка превышает спрос (15, с. 353). Таким образом, существующее на сегодняшний день законодательство, касающееся преподавания языка/языков, больше направлено на сохранение языковой компетенции и не способствует расширению социальных функций миноритарного языка.

Другой проблемой, влияющей на функционирование марийского языка, является неустойчивость орфографии марийского языка. Вышедшие в свет в 1992 и 2011 годах орфографические словари «Марий орфографий мутер» породили много споров. Изменение некоторых правил орфографии, введение новых слов-терминов восприняты как явление, меняющее весь язык. В прессе появились статьи, подвергающие сомнению правомочность деятельности лингвистов. Наукой доказано, что терминология, письмо, орфография и нормативно-стилистическая система языка допускают сознательное воздействие людей, потому что в самом своем зарождении наиболее прямо связаны с сознательно-культурным и искусственным началом в языке (7, с. 141). Споры касаются в основном слитного или раздельного написания словосочетаний/сложных слов и оформления окончаний заимствований из русского языка. Применяемые принципы, лежащие в основе разграничения словосочетаний и сложных слов, не всегда позволяют с точностью установить статус таких единиц, что вызывает непонимание и негативное отношение к новой орфографии. Напротив, принцип, лежащий в основе правописания окончаний заимствований из русского языка, логичен и ясен. В целом появление нового орфографического словаря должно позитивно отразиться на развитии марийского языка.

Если правила письменного литературного лугово-марийского языка выработаны в определенной степени, то практически не ведется работа по кодификации норм разговорного литературного языка. Можно назвать лишь книгу А.Н. Куклина «Олык-эрвел марий орфоэпий», получившую неоднозначную оценку среди лингвистов. И.С. Галкин считает, что автор характеризует фонетику марийского языка, но мало говорит о нормах произношения (16, с.125). Безусловно, необходимо продолжить выработку орфоэпических правил, начатую орфоэпической комиссией под руководством профессора Л.П. Грузова.

Следующим моментом, влияющим на языковое планирование в республике, является спор о двух литературных языках. Л.А. Абукаева констатирует, что марийский язык, имеющий две литературные нормы, не может на сегодняшний день играть абсолютно ведущую роль, встав над территориальными и социальными образованиями (17, с.174). Определение статуса двух языковых образований также способствовало бы регулированию языковой жизни республики.

Последовательность языкового планирования не гарантирует воплощения той или иной намеченной программы и концепции. Для успешного проведения языко-

вой политики необходимо учитывать и социально-психологический фактор. В условиях двуязычия в Республике Марий Эл повышение статуса марийского языка возможно только при высоком национальном самосознании марийского этноса, желании самих носителей использовать язык во всех сферах общественной жизни. Я. Пустаи пишет, что закон не запрещает пользование родным языком. Идентификация с родным языком и его употребление – это вопрос этнического самосознания (18, с. 9). Другой аспект проблемы – отношение русскоязычных жителей к языкам. Как отмечает Н. Зайцева, говоря о дву- или многоязычии, подразумевается наличие данной черты у представителей тех народов, которые не доминируют в государстве, то есть являются национальным меньшинством (19, с. 300). Характеризуя модели языкового законодательства, распространенные в Российской Федерации, Ю.В. Михальченко видит залог успешной реализации языковых законов в изменении социальной психологии и ценностных ориентаций русскоязычных обществ в разных регионах России, поскольку они сохраняют одноязычную ориентацию (20, с.150). Такого же мнения придерживается М.В. Дьячков, считающий становление обоюдного функционального двуязычия одной из важнейших и неотложных задач современной языковой политики (21, с.100). Как пишет известный социолингвист В.М. Алпатов, одноязычная часть населения, нередко составляющая большинство, вообще не замечает существования языковых проблем внутри своей страны, но двуязычные граждане гораздо более к ним чувствительны (13, с.197). Расширение функций марийского языка невозможно в условиях одностороннего марийско-русского двуязычия, поэтому социально-психологический аспект может оказаться решающим в вопросе взаимодействия русского и марийского языков.

Функциональной доминантой социально-коммуникативной системы Республики Марий Эл является русский язык. Языковые проблемы в Республике Марий Эл в основном связаны с функционированием марийского языка как государственного, что обусловлено его исторически сложившимся развитием. Статус марийского языка позволяет использовать его во всех общественных сферах, но реальная языковая ситуация свидетельствует о функциональной вторичности марийского языка. С сожалением приходится констатировать, что, будучи активными билингвами, сами мари не видят необходимости функционального перераспределения русского и марийского языков. Использование марийского языка в различных коммуникативных сферах зависит также от интенсификации работы ученых по созданию функциональных стилей марийского языка. Расширение функций марийского языка невозможно без двустороннего билингвизма, когда повседневной нормой языкового поведения будет не только марийско-русский, но и русско-марийский билингвизм. Готовность общества и функциональная развитость марийского языка являются непременными условиями того, что марийский язык будет соответствовать статусу государственного и будет средством не только внутриэтнического, но и межэтнического общения в Республике Марий Эл.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гак В.Г.* К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5.

2. *Аврорин В.А.* Ленинские принципы языковой политики // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2.

3. *Белл Р.Т.* Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. – М., 1980.

4. *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социолингвистика и социология языка. – СПб., 2004.

5. *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике: Социолингвистика. – М., 1975. – Вып. VII.

6. *Швейцер Д.А., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. – М., 1978.

7. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М., 2000.

8. *Феоктистов А.* О контактно обусловленных преобразованиях в лексике и грамматике мордовских языков // Языковые контакты Поволжья. – Турку, 2002.

9. *Шабыков В.И.* Отношение молодежи Республики Марий Эл к языкам (к вопросу о социолингвистических проблемах модернизации образования) // Марийцы: Проблемы социального и национально-культурного развития. – Йошкар-Ола, 2000.

10. *Куклин А.Н.* Языковая картина мари в полиэтническом Урало-Поволжье // Марийцы: Проблемы социального и национально-культурного развития. – Йошкар-Ола, 2000.

11. *Григорьева Р.А.* Функционирование марийского языка в условиях двуязычия в сельской местности Марийской АССР // Археология и этнография марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – Вып. 18.

12. *Мусаев К.М.* Провозглашение государственных языков и проблемы терминологии языков народов Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.

13. *Алпатов В.М.* Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000.

14. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.

15. *Замятин К.Ю.* Языковая политика в области образования в Республике Коми // Инновации в сфере национального образования: Материалы Междунар. конф. «Инновационные проекты в сфере национального образования». – Сыктывкар, 2011.

16. *Галкин И.С.* Рецензия: Куклин А.Н. Олык-эрвел марий орфоэпий // Финно-угроведение. – 2003. – № 2.

17. *Абукаева Л.А.* Национальное самосознание и культура речи мари // Язык и этнос. – Казань, 2002.

18. *Пустаи Я.* Двуязычие – бич или благословение // Финно-угорский мир. – 2011. – № 1.

19. *Зайцева Н.* Двуязычие в культурном пространстве малочисленного народа // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом регионе пограничного региона. – Петрозаводск, 2005.

20. *Михальченко Ю.В.* Концепции законов о языках в республиках Российской Федерации: Проблемы социально-лингвистической адекватности // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.

21. *Дьячков М.В.* Языковая политика в современной России // Социологические исследования. – 1993. – № 9.

Valentina Gavrilova

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF LANGUAGE PLANNING IN THE REPUBLIC OF MARI EL

Article is devoted to the problems and prospects of the designation of language planning in the Republic of Mari El. Language legislation in the country at its core is a democratic and perspective, i.e. focused on changing the language situation. Actually, it is declarative, since the expansion functions of the Mari language is not expected in the near future. Polls show, that themselves Maris did not see the need of functional redistribution of the Russian and Mari languages. The use of the Mari language in different communicative spheres also depends on the intensification of the work of scientists to create functional styles of the Mari language. Expanding the functions of the Mari language is impossible without bilateral bilingualism, when the norm of everyday language behavior will not only Mari-Russian, but also the Russian-Mari bilingualism.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Светлана Шляхова
Пермь

ИКОНИЧНОСТЬ РЕДУПЛИКАЦИИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ*

В последнее десятилетие интерес к редупликации во всем мире вспыхнул с новой силой (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и др.; библиографию см. в 13). Большинство исследователей непосредственно связывают иконизм и редупликацию. Особенно много редупликаций в алтайских, корейском, африканских и многих других языках агглютинативного и корнеизолирующего строя, а также в японском, китайском, иранских и других языках.

По мнению некоторых лингвистов, «европейские языки примерами редупликации не изобилуют» (14, с. 9), однако многочисленные случаи повторов, отмеченные в европейских языках, говорят о редупликации как устойчивом языковом механизме. Согласно Э. Сепиру, «нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации» (15, с. 82). Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку (16, 17, 18, 19).

Достаточное количество работ посвящено разного рода редупликациям и в финно-угорских языках, активное изучение которых относится к 60-м гг. XX в. Однако гораздо раньше Д. Фокош поставил проблему функционирования в финно-угорских языках так называемых этимологических фигур, представляющих собой повтор тождественных основ слов. В статье «Die etymologischen Figuren der finnish-ugrischen Sprachen» (1932) Д. Фокош классифицирует этимологические фигуры и утверждает, что в финно-угорских языках они являются одним из наиболее распространенных стилистических средств усиления высказывания и в некоторых случаях можно определить влияние индогерманских языков на развитие этого явления (20).

В.И. Алатырев, исследуя междометно-наречные повторы в удмуртском языке, выделяет *деформированные* (компоненты повторов отличаются по звуковому составу) и *недеформированные* редупликации (21, с. 226). К.Е. Майтинская на ши-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)» (проект № 008-П) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет».

роком материале финно-угорских (венгерского, эрзянского, удмуртского, марийского и др.) языков выявляет модели редупликации, утверждает их древнейший статус: «общие схемы большинства моделей, вероятно, уже существовали в языке-основе». Автор отмечает функции **усиления качества, типичности, количества** или **степени** этих форм (22, с. 134). Р.А. Заводова, анализируя мордовские изобразительные слова, рассматривает редупликацию (повтор) как способ словообразования (удвоение основы) и указывает на семантику **многократности** и **удлиненности** звукового восприятия редупликаций (23). М.Д. Имайкина в классификации наречно-изобразительных слов мордовского языка особо выделяет удвоенные единицы (24). А.П. Феоктистов вслед за Д. Фокошем подвергает анализу повтор тождественных основ слов – этимологических фигур на эрзянском и мокшанском материале: приводит подробную классификацию повторов, проводит параллели с другими финно-угорскими языками и отмечает общую стилистическую функцию употребления повторов – выражение **эмфазы** (25, 20). Редупликации в марийском языке рассматривает Ф.И. Рожанский (26).

В финно-угроведении большое внимание уделяется различного рода звуковым повторам (аллитерации, ассонансу, рифме), среди которых как особый вид выделяется звукоподражание (*эхо-редупликативы*). Внимание языковедов именно к этим видам звукового повтора было обусловлено материалом исследования – фольклорными и литературными текстами (27, 28, 29, 30 и др.).

М. Садениеми на материале карело-финского эпоса «Калевала» предлагает типологию финских аллитераций, в том числе количественный анализ консонантных созвучий (30). Э. Лаугасте рассматривает аллитерацию и ассонанс как один из важнейших компонентов финской, водской, карельской и эстонской народной поэзии (29). В.В. Сенкевич-Гудкова, исследуя поэтическую структуру саамской лирической песни-йойки, выделяет словесные, а также фонетические повторы (аллитерацию), которые оценивает как высокую ступень в развитии поэтики (31). М.И. Малькина анализирует звуковую структуру мордовского стиха на уровне рифмы и отмечает ее существование в виде аллитераций и ассонансов (32). Различного рода звуковые повторы (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм и др.) исследуются в сакральных текстах (заговорах, молитвах) марийского языка и карело-финских рун (33, 34).

Интерес специалистов к древним текстам не случаен. Показательна в этом отношении гипотеза М. Иип, которая предложила считать редупликацию грамматикализацией рифмы, точнее, наиболее грамматикализованным концом следующей шкалы: песня, стихи < языковые игры < ономатопоэтические образования < редупликация с иконическим значением < редупликация с неиконическим значением (17). Таким образом, в основе поэзии – редупликация, которая является признаком иконичности.

Материал финно-угорских языков часто включается в типологические изыскания звуковых повторов. Так, Н.В. Липатова сопоставляет звуковые повторы в эрзянском и немецком языках (20), Ф.И. Рожанский в типологическое исследование

редупликаций наряду с африканскими бамана, догон, сонгай, фула, канури включает и материалы хакасского и мордовского языков (19, 35).

Следует различать редупликации (к.-п. *ылын-ылын, лозось-лозось, куж-каж*) и парные слова (к.-п. *шумӧн-гамӧн, папкӧ-куритӧ, шваткӧны-кыйӧны, дедтӧ-бабтӧ*). В образованиях обоих типов действуют одни и те же модели, характерные для данного языка (17). В русском языке, как и в других восточно-славянских языках, парные слова (*жили-были, ели-пили*) и редупликация (*тук-тук, тары-бары*) типичны для фольклора, диалектной и разговорной речи. В коми-пермяцком языке эти формы стилистически и жанрово менее ориентированы.

Парные слова также изобилуют различными повторами. Термин *парные слова* для коми-пермяцкого языкознания ввела в научный оборот А.С. Кривощекова-Гантман, в коми-зырянском и удмуртском языках подобные формы слов принято называть *сложными словами*: *гатш-гатш таравны* 'упасть навзничь' (досл. 'навзничь, навзничь упасть'), *бӧрӧн-бӧрӧн петны* 'задом выйти' (досл. 'задом, задом выйти'), *лӧзся-лӧз* 'синий-синий', *сёйӧмӧн-сёйны* 'часто ругать, ненавидеть' (от *сёйны* 'есть, кушать', досл. 'поедая поедать') и т.п. Парные слова легко трансформируются в одиночные слова и могут употребляться в иной форме. Найти эквивалентный перевод таким словам не всегда удается.

В последние десятилетия появилось множество исследований, посвященных парным словам и редупликативам в различных языках (17, 18, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54 и др.), в которых в той или иной степени рассматривается вопрос об их иконичности. Проблемы редупликации (история изучения, понятие, функции, семантика, типы, разграничение сходных с редупликацией явлений) подробно представлены в ряде работ (16, 17, 18, 19 и др.).

Грамматическая фоносемантика, развивающаяся на стыке грамматики, фонетики и семантики, рассматривает взаимодействие и корреляцию фоносемантических и грамматических категорий и постулирует правомерность распространения фоносемантических принципов на грамматические объекты (56, 57, 58 и др.). Значимость грамматического уровня в звукоизобразительной системе языка настолько велика, что Я. Малкил предлагает термин *морфосимволизм* в противоположность термину *фоносимволизм*: в первом случае имеется в виду символика грамматических форм, а во втором – символика звуков (58, с. 46).

В XX в. связь смысла и звука исследовали Р. Якобсон, О. Есперсен, Р. Пиаже, Д. Фёрс, Д. Болинджер, И. Фонадь, Е. Курилович, Р.У. Уэскотт и многие другие лингвисты, которые искали ее в «универсалиях», то есть в универсальных связях между звуком и смыслом, существующих во всех языках (или хотя бы в очень многих). Они пытались выявить общечеловеческие биологические основания языков, не зависимые ни от каких грамматических правил, изменяющихся в историческом времени и географическом пространстве; они искали в звуке глубокие психологические символы, связывающие язык и мышление, и обнаружили такую связь.

В общем виде смысл обнаруженных общностей часто сводится к артикуляторно-акустическим закономерностям: «во многих языках есть схожие смысловые различия между звуками, в частности, произносимыми с языком вверху и впереди рта в сравнении со звуками с языком в нижнем и заднем положении. Верхние передние звуки имеют смысловой оттенок здесь и сейчас, соответствуют непосредственно-присутствующим объектам и действиям, обращению к себе, основным формам слов, инфинитиву и настоящему времени. Нижние задние звуки соответствуют удалённым объектам и действиям. Передние звуки, отмечал Р. Уэскотт, произносятся с прикрытым ртом, а задние – с открытой полостью рта; полость может напоминать человеку о пещере, пространстве и о различии концепций здесь-сейчас от далекое-прошлое» (59).

Важнейшим направлением развития грамматической фоносемантики является установление фоносемантических универсалий. Если в современных индоевропейских языках действие звукосимволизма в сфере грамматики весьма ограничено, то в языках других семей, например, в ряде языков Африки и Азии, как показывают исследования российских (60, 61, 62) и зарубежных (63) лингвистов, символизация грамматических значений – широко распространенное явление. Возможно, она была характерна и для индоевропейских языков на ранней стадии их развития (достаточно вспомнить гипотезу о звукосимволическом происхождении индоевропейского аблаута, высказанную Дж. Орром и Э. Прокошем) (58, с. 46).

Как фоносемантические универсалии квалифицируются корреляции семантической категории множественности (повторности, многократности) звука и действия и *RL*-формантов (форманты с сонантами *r; l*) (56, 64) или редупликации (18, 19, 56, 60).

М. Лауден с помощью статистического анализа обнаружил, что в сильных глаголах германских языков передние гласные чаще встречаются в формах настоящего времени, а задние – в формах прошедшего времени. Такое распределение гласных коррелирует с обозначением ближнего и дальнего дейксиса (ср. рус. *здесь-там*, нем. *hier-dort*) (58, с. 46). Семантика «пролонгированности / непролонгированности», «мгновенности / немгновенности» действия оказывается связанной с видовременными категориями глагола (56). Как универсальная тенденция рассматривается оформление императива в максимально краткой форме и пр.

По мнению В.В. Левицкого, зависимость между фонетической мотивированностью и принадлежностью слова к определенному морфологическому подклассу (части речи) изучена еще недостаточно (58, с. 104).

Дж. Вейс (65) установил, например, что звукосимволические свойства в английском языке в большей степени присущи глаголам. Ж.-М. Петерфальви (66) не обнаружил существенных различий в степени фонетической мотивированности существительных, прилагательных и глаголов во французском языке.

По данным Л.А. Комарницкой, в английском языке глаголы и прилагательные обладают большей фонетической мотивированностью, чем существительные.

В немецком языке глаголы и прилагательные мотивированы, по наблюдениям В.И. Кушнерика, меньше, чем существительные. Н.Л. Львова на материале начальных звукосочетаний в английском языке установила, что существительные мотивированы в большей степени, чем глаголы (66). О.В. Найдеш, напротив, выявила, что глаголы и прилагательные в немецком языке содержат начальные сочетания фонем намного чаще, чем существительные (68). Все сказанное позволило сделать вывод о том, что принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень фоносемантичности слова; этот признак носит, по-видимому, вторичный характер и сопряжен с семантическим статусом слова (58, с. 104).

В число проблем фоносемантики входит и вопрос о словообразовательной продуктивности звукоизобразительной лексики, а также о денатурализации языкового знака в ходе морфологического словообразования и конверсии. Большинство исследований, так или иначе связанных со звукоизобразительной лексикой, посвящено прежде всего изучению словообразовательного потенциала звукоподражательных слов (69, 70, 71, 72, 73, 74 и др.), что впрочем мало проясняет природу грамматического звукосимволизма.

Однако анализ действия механизмов морфологического и конверсионного словообразования позволил заключить, что в процессе данных видов словообразования примарная фонетическая мотивированность практически никогда не исчезает полностью. Наиболее ярко отприродная связь между звуковой стороной слова и его значением выступает в результате редупликации и конверсии. Примарная мотивированность также прослеживается в словосложении и аффиксации (57).

При изучении фоносемантических аспектов грамматики следует учитывать отдельные грамматические закономерности того или иного языка. Так, В.В. Левицкий замечает, что «было бы, например, нелепо исследовать символические свойства немецкого звука [a], а тем более, делать заключения о больших символических свойствах немецкого глагола по сравнению с немецким существительным на том основании, что в словах-глаголах звук [a] встречается чаще (пусть даже существенно чаще), чем в словах-существительных. Сама постановка задачи в данном случае неверна, т.к. звук [a] будет встречаться заведомо чаще в глаголах, ибо этот звук является составной частью немецких глагольных префиксов *be-*, *ge-*, *ver-* и т.д. и немецкого суффикса инфинитива *-en*» (58, с. 103).

Звукосимволизм в грамматике и словообразовании коми-пермяцкого языка отчетливо прослеживается в явлениях аффиксации, редупликации и повтора, конверсии и словосложения. Следует сказать, что исследования по грамматике и исторической грамматике в финно-угроведении дают весьма ценную информацию для грамматической фоносемантики.

Редупликация является специфической чертой звукоизобразительных слов. «Среди всех признаков звукосимволического слова с диахронической точки зрения наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным для их распознавания

является редупликация. Как структурный признак она труднее всего поддается «маскировке» (18, с. 81). Ср.: к.-п. *больс-больс* 'буль-буль'; *бор-бор* 'подражание глухому журчанию ручья; бурление'; *дзурлик-дзурлик* 'подражание скрипу'; *кальс-кальс керны* 'звякнуть, лязгнуть'; *пур-пур лэбзьыны* 'порхать (о птицах)'; *пуыс ризь-вазь порис* 'дерево повалилось с треском'; *сюра-сяра керны* 'стучать, постукивать' и т.п. «Относительно звукосимволических слов с редупликацией можно сделать вывод, что их семантика должна определяться иконичностью редупликации и иконичностью самих звуков» (18, с. 70–71).

«В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью» (57). Исследователи единодушно указывают на иконический характер редупликации: «семантика редупликации является в значительной степени иконической и универсальной» (17). «Формальные и функциональные параметры редупликации в русском и английском языках могут быть признаны универсальными и генетически примарными» (54).

Д.В. Бубрих утверждает, что в редупликативах (в том числе и коми-пермяцких) гласный повтора всегда ниже по подъему гласного основания, который бывает верхнего подъема, и объясняет это тем, что «повтор производится в обстановке ослабления напряженности артикуляции, и подъем языка, падая, приближается к подъему, характерному для простого крика» (75, с. 87). «Наиболее существенным следствием из иконичности редупликации становится размытость значений, заметно затрудняющая типологическое сопоставление редупликации в разных языках» (19, с. 204).

Парность и редупликации – один из важнейших принципов существования коми-пермяцкого языка, поэтому, на наш взгляд, этот язык наиболее «очевиден» в сфере звукоизобразительности. «Современный коми-пермяцкий язык немыслим без изобразительных слов» (76, с. 40), большинство из которых являются редупликациями.

Несмотря на то что редупликация как таковая редко являлась предметом специального рассмотрения, в пермистике накоплен огромный материал, который требует обобщения и осмысления в отдельном исследовании. Едва ли найдется какая-либо работа по диалектологии, грамматике, лексикологии или синтаксису на материале пермских языков, где бы не употреблялись термины *редупликация* или *повтор* (76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89 и др.).

Так, В.М. Лудыкова, описывая синтаксис имени прилагательного в коми языке, отмечает невероятное разнообразие редупликативов в различных финно-угорских языках (88). Автор пишет, что во всех пермских языках **высокая степень качества** выражается при помощи редупликации. При повторении прилагательные сочетаются либо в основной форме (к.-з. *немыд-немыд* 'темная-темная'; к.-п. *ыджыт-ыджыт* 'большой-большой'; удм. *юг-юг* 'светлая-светлая'), либо предшествующее прилагательное принимает падежный показатель.

В.М. Лудыкова выделяет следующие типы прилагательных-редупликативов в пермских языках:

1) с суффиксом элатива *-ысь*: *пемыдысь-пемыд* букв. ‘из темной темная’ (к.-з);

2) с падежным формантом преклюзива *-ся*: *бурся-бур* ‘очень хорошая’ (южные диалекты к.-з., к.-п.);

3) с показателем аблатива: *дуналэсь дуно* букв. ‘ценнее ценного’ (удм.);

4) с формантом *-а*: *бура бур* ‘очень хороший’ (к.-з. диалекты);

5) с каритивным суффиксом *-там*: *гырысьтам-гырысь* ‘очень крупный’ (к.-з. диалекты);

6) с послелогами *киньдзи* (вым.), *киння* (лл.), *выло* (скр., нв., вв.): *мича киньдзи мича* ‘очень красивый’, *бур киння бур* ‘очень хороший’, *бур выло бур*;

7) с союзами *да, и*: *кузь да кузь* ‘очень длинный’ (удм.), *дзор и дзор* (к.-п.);

8) с удвоением препозитивов: *гыл-гыл гылыд* ‘очень скользкий’ (удм.) и др.

Автор замечает, что выражение **интенсификации качества** редупликацией свойственно и другим финно-угорским языкам: мокш. *aksa-aksa* ‘белый-белый’, мар. *tura-tura* ‘крутой-крутой’ и т.д. При этом предшествующее прилагательное также может принимать падежные показатели. В мордовских языках, как и в удмуртском, оно оформляется суффиксом аблатива: *ocudotj da oc'us'* ‘очень старый’, в финском и карельском – генитива: фин. *suuren suuri* ‘очень большой’, кар. *pienem pieni* ‘очень маленький’, в венгерском – адессива: *szebbnel szebb* ‘очень красивый’, в мансийском, как и в коми языке, – элатива: *s'olznnzl s'olzn* ‘очень богатый’ и т.п.

В.М. Лудыкова к коми **интенсиву** относит и редупликацию существительных, в которых «налицо **оценка качества** со стороны говорящего субъекта, причем всегда положительная». Предшествующее существительное принимает падежный показатель элатива: *батьсьыс бать* ‘очень хороший отец’ (*букв.* ‘из отца отец’), *дворечсьыс двореч* ‘очень хороший дворец’ (*букв.* ‘из дворца дворец’). Подобные повторы характерны и для других родственных языков. Так, в финском языке **усиление** понятия, обозначенного существительным, регулярно выражается путем использования того же существительного в родительном падеже множественного числа: *salinen sali* ‘лучший зал’ (*букв.* ‘залов зал’), *tuhmuuden tuhmuutta* ‘большая глупость’ (*букв.* ‘глупости глупость’). В венгерском языке первый компонент имеет форму дательного падежа существительного или номинатива множественного числа, передающую **притяжательность**: *felesegek felesege* ‘лучшая из жен’ (*букв.* ‘жена жен’). В подобных конструкциях имеет место отношение **усиления качества, типичности, количества** или **степени**. В.М. Лудыкова заключает, что редупликация является древним способом выражения интенсива (88).

А.А. Шибанов, проанализировав удмуртские наречия, отмечает «образование наречий синтаксическими способами, а именно: путем повторения или удвоения основ». Среди таких единиц выделяются:

1) наречия-повторы: а) образованные путем повтора одной и той же формы простых наречий (в том числе недифференцированных слов в значении наречий и изобразительных слов): *кытй-кытй* ‘кое-где, местами; иногда’, *вылэтй-вылэтй*

‘высоко’, *мырдэм-мырдэм* ‘еле-еле’, *ӟёог-ӟёог* ‘быстро’, *куажыр-куажыр* ‘с хрустом’, *гудыр-гудыр* ‘с грохотом, грохоча’, *бульыр-бульыр* ‘булькая’ и др.; б) образованные путем повтора существительных и числительных в форме творительного падежа: *кесэген-кесэген* ‘отрезками, кусками’, *кырымен-кырымен* ‘по горсточке, горстями’, *чурен-чурен* ‘в ряд, рядами’, *парен-парен* ‘парами’, *гуӵыкен-гуӵыкен* ‘глотками’, *куинен-куинен* ‘по трое’, *сюэн-сюэн* ‘сотнями, по сотне’ и др.; в) образованные от простых наречий, второй компонент которых фонетически видоизменен и служит для усиления наречного значения: *кырыж-мерыж* ‘криво-косо’, *уриберu* ‘поспешно, спешно, очень быстро’, *чукин-бекин* ‘вразвалку’, *кымин-гопин* ‘вразвалку’ и др.;

2) наречия-повторы, образованные от основ: а) с антонимичным значением: *солань-талань* ‘туда-сюда’, *отын-татын* ‘там и сям, кое-где’, *отысь-татысь* ‘оттуда-отсюда’, *туннэ-ӵуказе* ‘на днях, сегодня-завтра’, *мыдлань-азьлань* ‘взад-вперед’, *отчы-татчы* ‘туда-сюда’ и др.; б) с антонимичным значением, оба компонента которых восходят к форме творительного падежа: *кузен-вакчиен* ‘неровно, неодинаково (по длине)’, *уен-нуналэн* ‘ночью и днем’, *ӟытэн-ӵукен* ‘по утрам и вечерам’, *кужен-вамен* ‘прямиком, напрямик’, *толэн-гужемен* ‘зимой и летом’, *пичиен-бадӟымен* ‘от мала до велика’ и др. (89, с. 13–14).

А.А. Шибанов также выделяет «наречные выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’, *бӧрсьысь бӧрсе* ‘друг за другом’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно’, *лысьтыз вылаз* ‘друг за другом’, *дырыз дыръя* ‘вовремя’, *арысь аре* ‘из года в год’ и др.» (там же, с. 16). Автором отмечается факт образования **усилительной степени (интенсива)** удмуртских наречий посредством редупликации основы прилагательного: *ӟеч-ӟеч малпаны* ‘хорошенько подумать’, *умой-умой валаны* ‘хорошо-хорошо понять’, *юг-юг гӧртыны* ‘покрыться белым-белым инеем’ и др. (там же, с. 21).

Таким образом, в пермских языках редупликации изучены весьма основательно в рамках разноаспектных исследований.

По мнению Э. Сэпира, Э. Кассирера и Дж. Хаймана, редупликация служит для воспроизведения на экспрессивном уровне характеристик обозначаемого объекта, например, **множественности, повторения, увеличения размера** или **интенсивности** и т.д. Повторение звука или слога внутри слова иконически воспроизводит идею повторяющегося движения или действия. Значения этого типа выявлены М. Граммоном в словах: *palper, tinter, murmurer, monotone, repeter* и т.д. Р. Якобсон и Л.Р. Во приводят повторение с целью воспроизведения множественности в сомалийском глаголе *feu-feu* ‘глодать со всех сторон’ от *feu* ‘глодать’. Д.Э. Вули иллюстрирует иконическое значение редупликации в языке тай, с помощью которой образуется множественное число (*deg* ‘ребенок’, *deg-deg* ‘дети’), выражается **интенсивность качества** (*dii* ‘хороший’, *dii-dii* ‘прекрасный’) или **длительность** (*boj* ‘часто’, *boj-boj* ‘постоянно’) (90).

Обычно редупликацией (узкое понимание) считается «морфонологическое явление, состоящее в структурно значимом повторе последовательностей фонем. Эти цепочки фонем представляют единицы разных уровней: словоформы (рус. фольк. *шахнул, махнул*), морфемы (рус. *тик-так*) и субморфы (*шани-мани* ‘еле-еле’)» (17).

В широком понимании термин *редупликация* употребляется как синоним *повтора*, и тогда выделяют фонетическую (полную, частичную, дивергентную), морфологическую, лексическую, синтаксическую и семантическую (91, 92) редупликации. Так, семантический анализ редупликации существительных в разговорном русском языке (*такая девочка-девочка, прям лето-лето*) показывает, что удвоенные существительные могут нести значение **прототипа, коннотации, уточнения, детерминатива, усиления** и **положительной оценки** (93).

Однако «определение редупликации, основанное на семантике, заведомо исключает из этого понятия редупликацию в семантически «вырожденных» текстах, прежде всего в фольклорных (*сахар-махар, квашня-машня* в считалках и т.п.)» (17). Кроме того, «повторы высшего уровня включают в себя повторы низших уровней. Так, фонетические повторы неизбежно содержатся в повторах морфологического и лексического уровней, морфологические – в повторах лексического уровня, лексические повторы – в повторах синтаксического уровня, лексические – в повторах семантического уровня» (94, с. 18).

Ф.И. Рожанский по уровню редуплицированного сегмента различает *фонемную, слоговую, морфемную* и *лексемную* редупликации (19, с. 194). Ф.Р. Минлос считает, что «слоговую (а также фонемную) редупликацию правильнее рассматривать как частный случай редупликации некоторого фрагмента мотивирующей основы (заданной в морфологических терминах), причем в общем случае такой фрагмент нужно определять в более общих терминах, чем «фонема» или «слог» (95).

«В момент создания звукоподражательного или образоподражательного слова редупликант не корень и не часть уже существующего корня, а звуковой комплекс, не являющийся двусторонней конвенциональной единицей. Точно также и в ранних детских словах, образованных при помощи редупликации, редупликант сам по себе не является морфемой, а ничего не обозначающим звуковым комплексом. Только целое ономатопоэтическое слово, образованное при помощи редупликации, становится двусторонней, знаковой единицей» (18, с. 70).

В коми-пермяцком языке выделяются *незначащая* или *пустая* (с которой не связано никакое значение, формальная операция повтора) и *значащая* редупликации (96, с. 60). Незначащей редупликацией чаще всего являются звукоподражательные (*чилык-чолык* ‘звуки при доении коровы’), *тірс-торс* ‘звук при ходьбе на каблуках’), а значащей – парные (*сьокытыс-гажтомыс* ‘тяжесть-грусть’) и звукосимволические (образоподражательные) (*шув-пав пырны* ‘шумно, неожиданно войти’) слова.

В то же время «информативная ценность редупликатива достаточно велика, что объясняется сочетанием формальной оболочки слова, зачастую имеющей звукоизобразительный или звукоподражательный характер, и семантического значения редупликатива, которое в свою очередь складывается из денотативного значения и широкого коннотативного спектра (эмоционально-оценочного, экспрессивного)» (54).

На наш взгляд, любая редупликация является значащей, т.к. имеет разного рода коннотации, в том числе и на уровне оттенков смысла. Так, вариативность гласных в к.-п. *чильк-чольк* отражает неоднородность звучания падающей в ведро струи молока, а буквальный повтор «в сочетании *ковс-ковс юны* 'пить большими глотками (взахлеб)' ... образно уточняет лексическое значение глагола *юны* 'пить', передает характер движений органов глотания» (76, с. 41).

К структурным признакам звукосимволических слов относят *удваивание* согласных (удлинение, геминация) и *удлинение* гласных. Как отмечает Дж. Малкил, сочетание редупликации (у автора: повторение анлаутного консонанта в последующем слоге) и геминации средисловного консонанта в интервокальной позиции можно рассматривать как свидетельство звукосимволизма (97, с. 30).

В пермских языках также отмечается редупликация гласных (удлинение) и согласных (геминация). По наблюдениям В.М. Лудыковой, удлинение отдельных гласных фонем в коми языке может служить средством **интенсификации признака**: *гӧ-ӧрд* 'очень красный' (букв. 'кра-асный'); *сьӧ-ӧ-дкы-ыд* 'очень тяжелый' (букв. 'тя-а-же-олый') и т.п. Особенностью удорского диалекта является не только удлинение гласного, но и последующего согласного (геминация): *гыыррис'* 'очень крупный', *сыылла* 'очень жирный'. Подобный способ выражения степени качества характерен и для других родственных языков: мар. *ку-угу* 'бо-ольшой', кар. *pert'i* 'очень большой' (88).

Фонемная редупликация (в терминах Ф.И. Рожанского), или удлинение гласных и геминация согласных, не является типичным для коми-пермяцкого языка и связана, на наш взгляд, с авторской (исследователя, писателя) графической фиксацией: *ба-а, бля-а* 'блеяние овцы', *ыр-р-ыр-р* 'хрюканье свиньи', *и-ив* 'ржание лошади', *эр-р-р* 'ворчанье собаки', *ып-п* 'подражание выстрелу' (фиксация А.С. Кривощековой-Гантман); *Ном тшыгувьяс лӧгасис и мымда вын пондiс горӧтлыны: дзин-н!* (Л. Нилогов) 'Комар с голоду рассердился и изо всех сил стал кричать: дзин-н!'; *Мы-ы... мы-ы-ы кыліс бӧра кусттэз сайын* (В. Исаев) 'Му-у... му-у-у послышалось опять за кустами'; *Ы-ымм только лэбтiсӧ киэзнысӧ отирыс* (М. Лихачев) 'Дружно подняли руки люди'; *Камгӧны черрез, / Горалӧ вӧр. / Ужгӧмӧн чагыс / Койӧ кыдз шер. / Камгӧны черрез, / Кам, кам! / Ымьялӧ говкыс – / А-а-аимм... / Пила чижгӧ, / Паськалӧ шум. / Копыртӧ юрсӧ / Пӧрись пожум. / Ризьӧтӧ, пӧрӧ – / Куж-кажжж* (М. Лихачев) и др. Звукосимволизм подобного приема – **длительность** и **интенсификация** действия.

Редупликация может быть *точной* (в этом случае имеет место точное копирование слова или его части) или *неточной* (копируемая часть претерпевает неко-

торые изменения, называемые дивергенцией). «Как правило, дивергенция заключается в изменении гласного (или гласных) или согласного. Случаи одновременного изменения гласного и согласного значительно более редки, хотя тоже встречаются. Дивергенция гласных может затрагивать одну или несколько фонем. Дивергенция согласных в редуплицированных сегментах распространена несколько реже, чем дивергенция гласных» (19, с. 198). В работах по редупликации чаще встречаются термины *полная* и *неполная* редупликация.

Для коми-пермяцкого языка одинаково актуальны *точная*, или *полная*, (*тяптяп* 'кое-как, небрежно', *вирс-вирс* 'шмыганье носом', *вак-вак* 'ха-ха', *гырчиг-гырчиг / гичыр-гичыр* 'скрежет зубов') и *неточная*, или *неполная*, (*тюпки-тяпки* 'кое-как, небрежно', *тюп-тёп* 'кап-кап', *чижа-важа / чижи-важи / чиж-важ* 'быстро, мигом', *чулля-чалля* 'неровный', *йирка-ёрка* 'стук, грохот') редупликации.

Вариативность гласных и согласных в коми-пермяцких редупликативах подробно описала А.С. Кривощекова-Гантман, отмечая основные формальные позиции:

1) без изменения звукового состава (*жын-жын, сунбан-сунбан, кыш-кыш*). Между повторяющимися изобразительными словами может стоять союз *да*: (*гым да гым, швыр да швыр-р*);

2) изменяется гласный (*люш-ляш, бута-бата*);

3) изменяется начальный согласный и гласный (*леш-вош, кыш-паш, ризя-вазя, трина-брана*);

4) состоящие из двух различных корней (*ризя-вопка, зыр-бут, гыма-йирка*).

Для автора морфологический статус фоносемантических маргиналий не вызывает сомнения: она называет их изобразительными корнями, а также «корнями знаменательных слов (глагола или имени)», которые «употребляясь с глаголами, очень часто, помимо изобразительного значения, обозначают **мгновенность действия**»: *трек* (ср. *трекнитны* 'встряхнуть'), *лег-лег* (ср. *легны* 'трястись'), *бӧр-бӧр* (ср. *бӧр* 'задняя сторона, назад'), *нить* (ср. *нитьыг* 'скользкий') и др. (76, с. 50–52).

Некоторые исследователи различают редупликацию и *апофонию* (неточную, неполную редупликацию). «Сходным с редупликацией приемом комбинационного выражения символических значений можно считать апофонию: повторение частично тождественных звуков (или комплексов), в которых варьируется либо только гласный элемент (*zigzag*), либо согласный (англ. *hub-bub* 'суматоха'). Эта форма обычно иконически передает понятия **беспорядочности, смешения, груды, противоположных сил и направлений**» (90). Ср.: к.-п. *тульк-мельк, тульки-мельки, кульк-мельк* 'изображение падения кувырком'; *тюпки-тяпки, тяп-тяп, тяп-ляп* 'кое-как, небрежно' и др.

Подобные слова со значением **неопределенной совокупности** встречаются в русском языке: *тары-бары, шуры-муры, фигли-мигли, гоголь-моголь, шурум-бурум* и т.п. (некоторые из них заимствованы). В русском языке с формой «фокус-покус» приема связывается семантика **снижения, дискредитации** описываемого предмета (98, с. 168). Ср.: фр. *chari-vari* 'кошачий концерт', 'гам', *pele-*

mele ‘всякая всячина’; англ. *wish-wash* ‘бурда’, ‘болтовня’, *riff-raff* ‘сброд’, ‘шпана’ (примеры А. Реформатского).

Ср. **пейоративную** семантику в коми-пермяцких редупликациях: *Сыбӧрын ряк-ряк пондіс горӧтлыны* ‘Потом стал кричать неистово’; *рыз-рыз серӧмтчыны* ‘засмеяться менее громко (часто в ироническом смысле), заржать’; *быз-быз, быз-баз* (передает образ неожиданно появившегося предмета, нередко имеет отрицательный смысл): *Чочком сюрӧн, быз-быз, кыдз видзчисьтӧм гӧсь, мыччисис тӧлісь* (М. Лихачев) ‘Белым рогом, неожиданно, как непрошеный гость, появился месяц’; *шурум-бурум пасьтасьны* ‘одеться в лохмотья’; *тяп-ляп керны* ‘плохо, небрежно что-нибудь сделать’; *летки-петки ветлӧтны* ‘ходить оборвышем’; *сунньӧн-санньӧн вашӧтны* ‘дать в шею, вытолкнуть, выгнать’ и пр.

Слоговая редупликация (в терминах Ф.И. Рожанского) в коми-пермяцком языке встречается нечасто и преимущественно в детской речи, в «чистоговорках»: *Ті-ті-важ коті, ми-ми-виль пими* ‘Вы-вы – старую обувь (носящие), мы-мы – новые валенки’; *бебей* ‘сопли’, *би-би* ‘машина, трактор’; табуированное *няняэз* ‘женская грудь’ (ср. в американском сленге *пуатпуат* ‘женская грудь’) и пр. В этих примерах остается неясным, чем же являются компоненты *ті, ня, би* – слогами, корневыми морфемами или просто детской лепетной речью (в случае «чистоговорки»), что заставляет присоединиться к позиции Ф.Р. Минлоса: такой фрагмент нужно определять в более общих терминах, чем «фонема» или «слог» (95).

Морфологическая аномальность изобразительных слов приводит и к проблемам в определении частеречного статуса, синтаксической функции и морфемной редупликации этих единиц. А.С. Кривощекова-Гантман предлагает рассматривать эти слова только в контексте тех единиц (чаще глаголов), с которыми они употребляются, и не выделять их в качестве самостоятельных членов предложения. По мнению А.С. Лобановой, последняя позиция не всегда себя оправдывает. Довольно часто изобразительное слово самостоятельно, требует отдельного вопроса, т.е. может выступать в функции члена предложения. Ср.: *Пуэс ризя-вопка пӧрисӧ* ‘Деревья с шумом (ризя-вопка) упали’; *Сумкасӧ тірки-торки кыскис джоджжӧттяс* ‘Сумку неуклюже, тяжело (тірки-торки) тащил по полу’ и т.п. Здесь изобразительные слова – наречия и употребляются в функции обстоятельства.

Морфемная редупликация также весьма редко встречается в нашем материале: *мурамарасьны* ‘мурлыкать’, *боболь* ‘барабашка’.

Однако весьма интересной представляется *двуязычная (билингвальная) морфемная* редупликация в коми-пермяцком языке. В северных районах встречается этнографизм *ушкиэз* (выступает только в данной форме, формы единственного числа не имеет), так называют пельмени из сушеных грибов, употребляют их вместе с бульоном. Здесь обращает внимание следующее: 1) основа русского происхождения, но по значению идентична исконному компоненту *пель* ‘ухо’ (ср. *пельнянь* ‘пельмень’); 2) в компоненте *ушки* уже присутствуют показатель и семантика множественности (*и*), но добавляется еще исконный суффикс множественного числа *-эз* (двойная нагрузка множественности); 3) имена существительные во множе-

ственном числе с суффиксом -эз в родном языке всегда имеют форму единственного числа, а здесь только плюралиа (пример А.С. Лобановой).

В коми-пермяцких диалектах в составе слова могут повторяться и суффиксы: *кытӧныын* – лит. *кытӧн* 'где' (*-ӧн* < *-ын* показатель местного падежа + еще один суффикс местного падежа *-ын*, в итоге в составе слова два суффикса местного падежа); *сэтчинын* – лит. *сэтчин* (*-ин* < *-ын*) и др. (пример А.С. Лобановой). Семантической нагрузки двойные суффиксы не несут (незначащая редупликация).

Наиболее частотной для коми-пермяцкого языка является *лексемная* редупликация, причем типичен повтор собственно изобразительных слов (в терминологии А.С. Кривощековой-Гантман, изобразительных корней). В морфологически «полноценных» словах редупликация практически отсутствует, ср.: *лун-лун* 'день деньской'; *кав-кав, ляв-ляв, тяв-тяв* 'лай собаки' > *кавгыны, лявзыны, тявгыны* 'лаять'; *крив-крув* 'крик журавля' > *кривзыны* 'курлыкать (о журавлях)'; *эр-р-р* 'ворчанье собаки' > *эргыны-видчыны* 'ругаться, подобно ворчанью собаки'; *бор-бор* 'глухой звук течения слабой струи воды' > *боргыны* 'с шумом течь; журча бежать (о воде)'; *буз-буз* 'буль-буль' > *бузгыны* 'идти по воде, издавая глухой плеск', *бузнитны* 'издавать плеск (бросив в воду что-либо)'; *варк-варк* 'подражание кипению чего-нибудь густого' > *варкйыны* 'клокотать (при кипении)' и пр.

«При этом чаще всего глаголы образуются от одиночных изобразительных корней. В том случае, когда изобразительное слово состоит из повторяющихся корней, глагол обычно образуется от одного из таких корней, например: *кыш-пыш – кышӧтны* 'издавать шорох, шуршание', *ризя-вазя – ризьӧтны* 'издавать треск (сучьев)', *чиж-важ – чижӧтны* 'трещать (о блинах), визжать (о пиле)'.

В некоторых случаях производящим элементом могут стать оба компонента изобразительного слова, например: *трин-бран – тринӧтны, бранӧтны*, оба глагола обозначают 'звенеть с оттенками значений, зависящих от высоты гласного (*тринӧтны* обозначает более высокий звон, а *бранӧтны* – более низкий звон)'.

В редких случаях глаголы образуются от обоих повторяющихся изобразительных слов сразу: *ышки-пойкиасьны* 'тяжело дышать (от *ышки-пойки* 'изображение одышки')', *гигинь-гогинявны* 'проводить зигзагообразную линию' (от *гигинь-гогинь* 'изображение зигзагообразного движения') (76, с. 55).

На лексическом уровне в коми-пермяцком языке также наблюдается *двуязычная (билингвальная) редупликация*. Наибольший интерес вызывают слова типа *гуяма* 'овощная яма' (где *гу* 'яма', досл. 'яма + яма'), *ӧшка-пороз* 'бык' (где *ӧшка* 'бык', досл. 'бык + бык') и др., в которых присутствуют русский и исконный компоненты. Русский аналог не усиливает и не изменяет семантику (незначащая редупликация). На наш взгляд, эти факты обусловлены тем, что редупликация является весьма частотным способом словопроизводства в пермских языках (88, 89), т.е. эти языки в словообразовании по-прежнему тяготеют к иконичности.

Из приведенных выше примеров видно, что для коми-пермяцкого языка типичной является *редупликация* (двукратный повтор), гораздо реже – *триплликация* (трехкратный повтор), практически не встречается большее число повторений. Ср.:

Вдруг та-та-та-та... пондіс косявны-лыйны броневик вывсянь пулемёт, сы бӧрсянь лэбтісис сярзьыны мӧдік... Дзин-н... дзин-н... дзин-н... только мунӧны Мирош боköт пуляэз... пач... пач... пач... потӧны нія, кӧдна инмасӧ пуӧ (М. Лихачев) ‘Вдруг тра-та-та-та... стал стрелять с броневика пулемет, за ним затрещал другой... (*дзин-н* – подражание свисту пуль) свистят около Мироша пули... (*пач* – подражание разрыву пуль) с шумом разрываются те, которые попадают в деревья’.

Семантика коми-пермяцких редупликативов в целом совпадает с семантикой славянских (17, 18), африканских (19) и финно-угорских (22, 23, 24, 26, 75, 88, 89) редупликативов. Кроме вышеперечисленных смыслов *длительности и интенсификации, мгновенности действия, семантики беспорядочности, смешения, груды, противоположных сил и направлений, неопределенной совокупности, пейоративной семантики*, для коми-пермяцкой редупликации характерна количественная семантика:

1. **Мультипликативность** и **итеративность** (повторяемость, многократность): *турки-тарки* ‘топот, стук по лестнице’, *ӧввӧ-ӧввӧ* ‘баю-бай (звук укачивания)’, *тірки-торки / тір-тір* ‘шум, грохот’, *чав-чав* ‘шум, треск’, *тучи-тачи* ‘звук стука ботинками об пол при пляске’, дет. *бекыль-бекыль / бекыр-бекыр* ‘забодаю-забодаю’ и пр.

2. **Диминутивность** (уменьшительность): *сюг-сюг* ‘еле-еле’, *тур-тур мунны* ‘еле держаться на ногах’ и пр.

3. Типичны значения с признаком **интенсивности**:

а) абсолютная **интенсивность**: *туча-пача / туч-пач керны* ‘лупить, колотить’, *чижа-важа / чижи-важи / чиж-важ* ‘быстро, мигом, моментально’, *сунньӧн-санньӧн вашӧтны* ‘дать в шею, вытолкнуть, выгнать’, *басӧк-басӧк* ‘красивый-красивый’;

б) **аугментативность**, усиление интенсивности, увеличительность: *чик-чок пырны* ‘быстро войти’, *быз-быз мыччисьны* ‘появиться неожиданно’, *ёт-ёт кынтны* ‘сильно заморозить’, *ляп-ляп коддзыны* ‘совсем опьянеть’, *ляп-ляп код / люш-ляш код* ‘совершенно пьяный’, *тон-тон кын* ‘очень мерзлый’. Для передачи понятия исключительно большей меры качества используется своеобразное повторение прилагательных, при котором первое прилагательное оформлено в сравнительном падеже, а повторное прилагательное выступает в своей исходной форме: *ыджытся-ыджыт* ‘большего-больший’, *югытся-югыт* ‘светлого-светлый’;

в) **аттенуативность,** уменьшение интенсивности. «С одной стороны, мы имеем дело с количественными характеристиками (исходное действие более сильное, результирующее – более слабое), с другой стороны, аттенуативное действие – это некоторое неполноценное действие по сравнению с обычным» (19, с. 204): *тюрлик-тюрлик мунны* ‘идти, прихрамывая’, *тюрликасьны-мунны* ‘идти, балансируя’, *быгыль-быгыль* ‘ходьба мелкими шагами’, *жерк керны ӧм* ‘приоткрытый рот’ и пр.

4. **Мгновенность**: *шурк-шарк* ‘быстро, стремительно, со стуком, с шорохом’, *чиж-важ* ‘быстро, мигом, моментально’; *бӧр-бӧр* (ср. *бӧр* ‘задняя сторона,

назад'): *Бӧр-бӧр тарӟіс порог дорӟаняс да вижлокӧн горӧтӟіс Сюлепеткин* (М. Лихачев) 'Назад к порогу покатился Сюлепеткин и дико кричал'; *лег-лег* (ср. *легны* 'трястись'): *Председатель кутіс Ганялісь кисӧ да размӧд лег-лег керис* 'Председатель взял руку Гани и несколько раз потряс'. Такие корни, употребляясь с глаголами, очень часто обозначают мгновенность действия.

Таким образом, редупликация в коми-пермяцком языке связана со следующей семантикой:

1) беспорядочность, смешение;

2) снижение, дискредитация, пейоративность;

3) количественная: а) мультипликативность и итеративность (повторяемость, многократность); б) диминутивность (уменьшительность); в) интенсивность: аугментативность (усиление интенсивности, увеличительность) и аттенуативность (уменьшение интенсивности);

4) мгновенность, неожиданность.

На наш взгляд, вопрос о функционировании звукосимволизма в сфере грамматических значений в финно-угорских языках заслуживает специального изучения.

СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский язык
вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
вым. – вымский диалект коми-зырянского языка
дет. – детская речь
кар. – карельский язык
к.-з. – коми-зырянский язык
к.-п. – коми-пермяцкий язык
лит. – литературный язык
лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка
мар. – марийский язык
мокш. – мокшанский язык
нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
нем. – немецкий язык
рус. – русский язык
скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
фольк. – фольклорное
фр. – французский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Abraham W.* Intensity and diminution triggered by reduplicating morphology: Janus-faced iconicity // Studies on Reduplication. – Berlin/New York, 2005.

2. *Dressler W.U., Dziubalska-Kołaczyk K., Gagarina N., Kilani-Schoch M.* Reduplication in child language // Studies on Reduplication. – Berlin/New York, 2005.

3. *Hurch B.* Introduction // Studies on Reduplication. – Berlin/New York, 2005.

4. *Inkelas S., Zoll C.* Reduplication: Doubling in Morphology. – Cambridge, 2005.

5. *Kawahara S.* Locality in echo epenthesis: Comparison with reduplication // NELS 34: Proceedings of the 34th Meeting of North East Linguistic Society. – 2004.

6. *Kawahara S.* Copying and spreading in phonological theory: Evidence from echo epenthesis // University of Massatchusetts Occasional Papers in Linguistics: Papers in Optimality Theory III. Amherst, MA: GLSA Publications, 2007.

7. *Klein H.B.* Reduplication revisited: Functions, constraints, repairs, and clinical implications // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2005. – V. 14.

8. *Lieber R.* Review of The Phonology and Morphology of Reduplication by Erik Raimy // General Linguistics. – 2004. – V. 42, 1–4.

9. *Lleó C.* Homonymy and reduplication: On the extended availability of two strategies in phonological acquisition // Journal of Child Language. – 1990. – V. 17.

10. *Nelson N.A.* Asymmetric Anchoring. Ph.D. dissertation, The State University of New Jersey, Rutgers. – 2003.

11. *Travis L. deMena.* The syntax of reduplication // NELS 31: Proceedings of the 31st Annual Meeting of the North East Linguistic Society. – 2001.

12. *Wang Shih-Ping.* Corpus-based approaches and discourse analysis in relation to reduplication and repetition // Journal of Pragmatics. – 2005. – V. 37.

13. *Inkelas S.* The dual theory of reduplication // Linguistics. – 2008. – V. 46-2.
URL: http://linguistics.berkeley.edu/~inkelas/Papers/InkelasLinguisticsOffprint.pdf (19.07.2011).

14. *Hinton L., Nichols J., Ohala J.* Sound-symbolic processes // Sound Symbolism. – Cambridge, 1994.

15. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. А.Е. Кибрика. – М., 1993.

16. *Крючкова О.Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4.

17. *Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2004.

18. *Колева-Златева Ж.* Славянская лексика звукосимволического происхождения. -- Дебрецен, 2008.

19. *Рожанский Ф.И.* Редупликация как объект типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистич. исслед. РАН / Отв. редактор Н.Н.Казанский. Т. VI. Ч. 3. Матер. Седьмой конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей. – СПб., 2010.

20. *Липатова Н.В.* Повторы на звуковом (фонетическом) уровне в эрзянском и немецком языках (Типологический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2004.

21. *Алатырев В.И.* Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Уч. зап. ЛГУ. № 105. – Л., 1947. – Вып. 2.

22. *Майтинская К.Е.* Структурные типы удвоений (повторений) в финно-угорских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.-Л., 1964.

23. *Заводова Р.А.* Изобразительные слова в мордовских языках // Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. – Саранск, 1962. – Вып. 23.

24. *Имайкина М.Л.* Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: дис. … канд. филол. наук. – Тарту, 1968.

25. *Феоктистов А.П.* Структурные типы и семантические обертоны бахуврихи композит и этимологических фигур // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10–15.8.1995. – Jyvaskyla, 1996.

26. *Рожанский Ф.И.* Редупликация в марийском языке // Лингвистический беспредел: сб. ст. к 70-летию А.Н. Кузнецовой. – М., 2002.

27. *Kuusi M.* Kalevalaisen runon alkusointuisuudesta // Virittäjä. – 1953.

28. *Leino P.* Strukturaalinen alkusointu suomessa. – Helsinki, 1970.

29. *Laugaste E.* Eesti alliteratsioonist ja assonantsist // Keel ja kirjandus. – Tallinn, 1962.

30. *Sadeniemi M.* Die Metrik des Kalevala-Verses // Folklore Fellows Communications. – Helsinki, 1951.

31. *Сенкевич-Гудкова В.В.* Поэтическая структура саамской лирической песни-йойки // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. – Саранск, 1972.

32. *Малькина М.И.* Мордовское стихосложение. – Саранск, 1990.

33. *Глухова Н.Н.* Язык марийских заговоров и молитв: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 1997.

34. *Семенова М.Ю.* Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002.

35. *Рожанский Ф.И.* Редупликация: Опыт типологического исследования. – М., 2011.

36. *Алиева Н.Ф.* Удвоение как грамматический способ (на материале языков Юго-Восточной Азии) // Морфема и проблемы типологии. – М., 1991.

37. *Anagbogu Ph.N.* The Semantics of Reduplication in Igbo // Journal of West African Languages. – 1995. – V. 25 (1).

38. *Adewole S.M.* Reduplication in Yoruba // Linguistique Africaine. – 1997. – V.18.

39. *Сонамдоржийн Н.* Лексико-грамматические особенности парных слов современных монгольских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Батор, 1999.

40. *Kouwenberg S., LaCharite D.* Iconicity in Caribbean Creole Reduplication: Inflection versus Derivation // Actes de l'ACL congrus annuel. – Ottawa, 1999.

41. *Kouwenberg S., LaCharite D.* The iconic interpretations of reduplication: issues in the study of reduplication in Caribbean Creole languages // European Journal of English Studies. – 2001. – 5.

42. *Моисеева И.Ю.* Коммуникативная функция языка и проблема понимания художественного текста (на материале семантической редупликации во французском языке): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

URL: http://www.osu.ru/sites/lab-philology/docs/Moiseeva_kanddiss.pdf (09.07.2012).

43. *Ондар Н.М.* Парные слова в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кызыл, 2004.

44. *Kulikov L.I.* Reduplication in the Vedic verb: Indo-European inheritance, analogy and iconicity // Studies on Reduplication. – Berlin, 2005.

45. *Maas U.* Syntactic Reduplication in Arabic // Studies on Reduplication. – Berlin, 2005.

46. *Зубаилова Р.М.* Образование сложных слов в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005.

47. *Артамонова М.В.* Парные именования в древнерусском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2005.

48. *Levkovych N.* Totale Reduplikation im modernen Hebrдischen // Wiederholung, Parallelismus, Reduplication. Strategien der multiplen Strukturanwendung. (Diversitas Linguarum 16). – Bochum, 2007.

49. *Шибасова Н.Л.* Типология парных слов: На материале некоторых финно-угорских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.

50. *Stolz Th.* Total reduplication vs. echo-word formation in language contact situations // Language Contact and contact Languages. – Amsterdam/Philadelphia, 2008.

51. *Рожанский Ф.И.* Редупликация в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания. – М., 2000.

52. *Рожанский Ф.И.* Редупликация и названия животных в африканских языках // Вопросы языкознания. – 2007. – №2.

53. *Рожанский Ф.И.* Редупликация как словообразовательное средство в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. – М., 2008.

URL: http://mandelang.kunstkamera.ru/files/ mandelang/rozhansk1.pdf (12.10.2011)

54. *Мехеда М.И.* Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании (на материале русских и английских редупликативов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2010.

55. *Атышева Н.Х.* Классификация редупликации. 2010 // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов.

URL: http://www.jurnal.org/ (19.07.2011).

56. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. – Л., 1982.

57. *Петухова Е.В.* О сохранении примарной фонетической мотивированности языкового знака в процессе морфологического словообразования и конверсии // Сб. тр. Второй Междунар. науч.-практ. конф. «Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе». – Курск, 2001. URL: http://www.rspu.edu.ru

58. *Левицкий В.В.* Звуковой символизм: Мифы и реальность. – Черновцы, 2009. (Электронный вариант рукописи).

59. *Прокофьева Л.П.* Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов, 2007.

60. *Газов-Гинзберг А.М.* Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. – М., 1974.

61. *Журковский Б.В.* Идеофоны: сопоставительный анализ (На материале некоторых языков Африки и Евразии). – М., 1968.

62. *Журинский А.Н.* Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания (в применении к идеофонам в языке эве) // Проблемы африканского языкознания. – М., 1972.

63. *Вестерман Д.* Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках // Африканское языкознание. – М., 1963.

64. *Бартко Н.В.* Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.

65. *Weiss J.H.* The Role of Stimulus Meaningfullness in Phonetic Symbolism Response // Journal of General Psychology – 1964. – V. 70.

URL: http://amikhalev.ru/ (19.07.2011).

66. *Peterfaivi J.* Recherches expérimentales sur le symbolisme phonettque. – P., 1970.

URL: http://amikhalev.ru/ (19.07.2011).

67. *Львова Н.Л.* Дослідження звукосимволічних зв'язків між англійськими початковими приголосними сполученнями та морфологічними категоріями // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія: Всеукр. зб.н. пр. Г94 – Черкаси, 2005.

68. *Найдеш О.В.* Розподіл фонестемної лексики за морфологічними підкласами // Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць. Германська філологія. – Чернівці, 2008. – Вип. 407.

69. *Кривощекова-Гантман А.С.* Изобразительные слова // В помощь учителю. – Кудымкар, 1962.

70. *Кривощекова-Гантман А.С.* Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.-Л., 1964.

71. *Юсип-Якимович Ю.В.* Моделювання системи звуконаслідувальної лексики. Семантика. Фонетика. Словотвір. – Ужгород, 2006.

72. *Суббота К.А.* Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразования (на материале казымского говора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2009.

73. *Хабибуллина О.А.* Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Уфа, 2003.

74. *Филимоненко С.А.* Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.

75. *Бубрих Д.В.* Грамматика литературного коми языка. – Л., 1949.

76. *Кривощекова-Гантман А.С.* Собрание сочинений в 2 томах. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – Т. 1.

77. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. – М., 1952.

78. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. – М., 1967.

79. *Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. – М., 1971.

80. *Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976.

81. *Жилина Т.И.* Лузско-летский диалект коми языка. – М., 1985.

82. *Тараканов И.В.* Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке. – Ижевск, 1998.

83. *Ушаков Г.А.* Синтетические способы выражения компаративных отношений в современных пермских языках // Congressus septimus Internationalis Fenno-ugristarum. 3 C. Sessiones sectionum Dissertationes. Linguistica. – Debresen, 1990.

84. *Сорвачева В.А., Безносикова Л.М.* Удорский диалект коми языка. – М., 1990.

85. *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск, 1998.

86. *Ефремов Д.А.* Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002.

87. *Пономарева Л.Г.* Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002.

88. *Лудыкова В.М.* Синтаксис имени прилагательного в коми языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Сыктывкар, 2006.

89. *Шибанов А.А.* Наречия в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2011.

URL: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/7216/Shibanov.doc?sequence=1 (09.07.2012).

90. *Михалев А.Б.* Теория фоносемантического поля. – 1995 // URL: http://amikhalev.ru/ (19.07.2012).

91. *Шехтман Н.А.* Семантическая редупликация и проблема тезауруса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1977.

92. *Моисеева И.Ю.* Коммуникативная функция языка и проблема понимания художественного текста (на материале семантической редупликации во французском языке): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

URL: http://www.osu.ru/sites/lab-philology/docs/Moiseeva_kanddiss.pdf (09.07.2012).

93. *Гиляров К.А.* Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета. – 2010.

URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/15.htm (09.07.2012).

94. *Головкина Н.Т.* Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964.

95. *Милос Ф.Р.* Рец. на кн.: «Ф.И. Рожанский. Редупликация. Опыт типологического исследования. – М., 2011». – 2011.

URL: http://fbmk.livejournal.com/342865.html (09.07.2012).

96. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения. – М., Вена, 1998.

97. *Malkiel Y.* Diachronic Problems in Phonosymbolism. Edita and Inedita, 1979–1988. – Amsterdam/Phyladelphia, 1990. – V. 1.

98. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

Svetlana Shlyakhova

ICONICITY OF REDUPLICATION IN THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE

The article is devoted to iconic reduplication in the Komi-Permian language. It establishes that reduplication in the Komi-Permian language connected with the following semantics: the haphazardness, mixing; decrease, discredit; frequency of occurrence, the recurrence; intensity, strengthening the intensity and decrease of intensity; momentariness, surprise.

Алексей Михеев
Йошкар-Ола

ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ ПАЙГУСОВСКОГО ГОРОДИЩА

Городище расположено в 260 м к востоку от с. Пайгусово Горномарийского района Республики Марий Эл на мысу коренной террасы, образованном при слиянии двух небольших ручьев, впадающих в р. Пингель (правый приток р. Сумка, правый приток р. Волга). У местных жителей этот мыс именуется «Карман нер» (крепость на мысу), а один из ручьев известен как «Карацан ангыр» (ручей Карацана, где Карацан имя собственное). Площадка городища имеет подтреугольную форму, вытянута с северо-востока на юго-запад, пологата в западном направлении. Длина площадки 54 м, ширина у вала 44 м. Над поймой ручья городище возвышается на 16–18 м. С напольной стороны (северо-восточной) имеются вал кокошниковидной формы длиной – 40 м, шириной в центральной части до 12 м, высотой – до 3 м и ров шириной – 20 м, глубиной от уровня поля – 2 м. Поверхность городища задернована низкой травой и свободна от леса. Отдельные деревья растут только по склону с северо-западной стороны.

Городище у с. Пайгусово было известно еще И.А. Износкову как место, где приносились жертвоприношения (1, с. 8). Как «Укрепление близ д. Карманер» оно упоминается в работе С.М. Шпилевского (2). В 1958 г. городище осматривалось разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции (МАЭ), была выполнена зачистка обнажений (3, с. 246), а в 1959 году МАЭ произвела рекогносцировочные раскопки. Двумя раскопами было вскрыто 189 кв. м (4, с. 212). Небольшой раскоп (16 кв. м) был заложен в 1979 году Т.Б. Шикаевой (Никитиной). В 1987 году были проведены еще одни исследования, в результате которых вскрыто 360 кв. м (5, с. 119). Всего за годы исследования МАЭ вскрыта площадь равная 565 кв. м в северо-западной и западной частях городища, то есть площадки, примыкающие к наиболее пологому склону и вдоль юго-западной части вала.

В результате проведенных на городище исследований на мысу и вдоль северо-западного склона площадки были зафиксированы остатки оборонительных сооружений в виде углистых канавок, столбовых ям и ярко-оранжевой глины (5, с. 120, 127), которые свидетельствуют об укреплении склонов стеной. По мнению исследователей, здесь же в северо-западной части «жилой» зоны городища были обнаружены остатки металлургического производства (5, с. 119), а так же клеть-амбар (6, с. 53).

Главная цель любой военной акции сводится в конечном счете к захвату ресурсов и ценностей. По материалам раскопок видно, что ценность могли представлять изделия из металла (льячки и тигли – признак, указывающий на ювелирное производство), продовольствие (наличие клети-амбара говорит о зерне, животные – сырые и кальцинированные кости найдены в ямах во множестве). Для обоснования приведенного высказывания обратимся к материалам синхронных могильников. По материалам могильников середины – второй половины I тыс. н.э., захоронения с льячками встречаются довольно редко. Так на Безводнинском могильнике известно всего одно (7, с. 175), на Желтухинском – 2 (8, с. 51), по 1 на азелинских Мари-Луговском и Рождественском (9, с. 168; 10, с. 7). Собственно говоря, это справедливо вообще для любых захоронений с каким-либо производственным инвентарем (шилья, молоточки, наковаленки, щипцы и т.п.). Ценность могли представлять и люди, как предмет купли-продажи в рабство. То есть агрессоры, назовем их условно ***ватага***, в этом случае, должны не только захватить городище, но и сохранить как можно больше ценностей. Ресурсом, между тем, является и земля (шире – территория). Тогда целью будет еще и уничтожение городища, если невозможен его захват.

Сделаю несколько необходимых отступлений, которые понадобятся для полноценного анализа обороноспособности городища у с. Пайгусово.

Первое касается вооружения ватажников и защитников, которое по своему набору, вероятней всего, мало отличалось. Наиболее полно об вооружении середины – второй половины I тыс. н.э. можно судить по материалам могильников. Частой находкой в мужских погребениях этого периода являются копья, дротики и лук со стрелами, намного реже встречаются мечи. Подробнее следует остановиться на метательном оружии, как более доступном и распространенном. По средневековым арабским источникам максимально возможной дальностью прицельной стрельбы считается расстояние в 150 м, а оптимальной является дистанция в 60 м (для пешего воина – *А.М.*). Русский «перестрел», как дальность полета стрелы (применялся и как мера длины – *А.М.*), составлял в среднем 225 м, тогда как прицельная дальность, вероятно, была значительно меньше (11, с. 27). Современные исследования позволяют не только высчитать оптимальную длину или вес стрелы по каждому конкретному наконечнику, найденному при археологических исследованиях, но и дальность, траекторию полета и ее убойную силу для различных вариантов лука, которые существовали в средневековую эпоху. Эти исследования основаны, как правило, на определении баллистических и аэродинамических составляющих снаряда, то есть в данном случае стрелы (12). Различные варианты наконечников стрел, имевших применение в середине I тыс. н.э., широко представлены в материалах могильников. Однако для анализа их полетных свойств требуется специальное исследование. В данной статье примем 100 м за максимальное расстояние для прицельного прямого выстрела.

Рассуждения по поводу обороноспособности Пайгусовского городища будут бессмысленны, если не определиться с количественным составом обороняющихся и ватажников. Возникает и вопрос о трудоемкости строительства: вырубка пло-

щадки, вырубка стометровой зоны, отсыпка вала, возведение стен и т.п. Не вдаваясь в детали, поскольку это не является задачей данной статьи, укажу, что источником, по которому можно произвести все необходимые расчеты, является «Урочное положение» (13, с. 84, 90–94, 114, 122; 14, с. 130) и ограничусь лишь конечными результатами своих вычислений. Итак, на возведение городища готового выполнять свои оборонительные функции потребуется 1370, 9 человекодней (28,0 – вырубка леса на строительной площадке, 298,7 – отсыпка вала, 80,6 – дернование откосов вала, 123,2 – стена по периметру, 840,4 – вырубка леса в стометровой зоне). К сожалению, исследований вала и рва не производилось и площадь поверхности и объем вала высчитывались без раскопок, то есть по уровню современной дневной поверхности, и полученная величина, конечно, условная. Однако смею надеяться, близкая к реальной.

Совершенно точно можно сказать, что строить серьезные фортификационные сооружения для 10 или даже 20 человек не имеет никакого смысла. Намного проще и безопасней укрыться в лесах, а открытые поселения (селища) все равно не удастся защитить в случае вражеского нападения. В.Ф. Генинг, анализируя городища Чегандинской культуры эпохи РЖВ в Прикамье, определял родовую группу в 50 человек. Однако трудно согласиться с его выводом о том, что городище, способное по своей площади вместить 100 или 200 человек, состоит, соответственно, из 2 и 4 отдельных родов (15, с. 126–127). Тем не менее предположение В.Ф. Генинга о минимальном (жизнеспособном – *А.М.*) составе родовой группы, вероятней всего, будет верно и для древнемарийских племен второй половины I тыс. н. э. То есть строительство городища имело смысл, если население составляло 50 или более человек (взрослые мужчины, женщины, дети, пожилые). Тогда если строительством городища у с. Пайгусово занималось 2/3 из минимального количества человек в родовой группе (собственно говоря, все трудоспособные), то его возвели за 41–42 дня.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство для определения численного состава: наличие обломков тиглей и льячек в числе находок из культурного слоя городища. Нужно ли изготовление ювелирных изделий для группы в 50 человек на постоянной основе? Сомнительно. То есть строителей городища было, скорей всего, значительно больше. И, судя по площади, оно не являлось постоянным местом жительства всей общины. Расположение открытых поселений в непосредственной близости от городища достоверно зафиксировано пока только в двух случаях: городище и селище Иванова гора, Малахайские городище и селище. Во многом похожее расположение встречается, например, у мери (16, с. 248). Проблема выявления селищ рядом с городищами, на мой взгляд, заключается в многолетней распашке прилегающих территорий, что справедливо и для округи с. Пайгусово.

Количество нападающих должно быть больше защитников городища. Иными словами ватага должна состоять как минимум из 50 человек. Поскольку нападения – основной род деятельности ватажников, целью которых является получение каких-либо ресурсов, то они представляют собой профессиональных или полупрофессиональных воинов. Этот численный состав не позволяет вести боевые дей-

ствия со всех направлений одновременно, что дает возможность защищающимся концентрироваться на наиболее уязвимых участках обороны. Кроме того, взрослое мужское население городища вполне можно отнести к полупрофессиональным воинам, поскольку одним из основных занятий древнемарийских племен являлась охота. То есть в стрельбе из лука они вряд ли уступали ватажникам, а по качеству стрельбы и ее прицельной дальности, с учетом фортификационных сооружений и господствующего положения над местностью, даже превосходили.

Теперь рассмотрим оборонительные возможности городища у с. Пайгусово. За основу следует принять тезис о том, что цель долговременной фортификации заключается в том, чтобы с наименьшими силами сопротивляться как можно дольше, а оборонительная система и сопутствующие ей фортификационные сооружения должны быть равнопрочными по всему периметру. То есть, минимизировать потери от обстрела метательным оружием, исключить возможность удачного штурма, а также на какое-то время обеспечить автономное существование защитников городища в случае осады. Не стоит забывать и простую истину: чем сильнее фортификационные постройки, возведенные для обороны данного городища, тем слабее (в данном случае малочисленней) может быть его гарнизон.

На топографическом плане Пайгусовского городища (рис. 1) проведем условную замкнутую линию, в данном случае получился эллипс, равную 100 м. Очерченная зона примерно соответствует максимально возможному прицельному выстрелу из лука. Границы «жилой» зоны ограничены валом и стеной, которую исследователи выявили в результате проведенных раскопок.

Рис. 1. Топографический план Пайгусовского городища

Южная часть «жилой» зоны выделена условно по высоте расположения ограждений западной и северо-западной частей городища. Линии АБ и ВГ приняты как направления особо перспективные для ведения обстрела объектов «жилой» зоны метательным оружием (для второй половины I тыс. н.э. – это стрелы или праща).

Основным сегментом обороны являются вал и ров городища. От их параметров и следует вести все дальнейшие рассуждения.

Вал городища возвышается над уровнем напольной площадки на высоте до 2 метров. Стрелочкой указано направление прямого выстрела с напольной площадки (Е). Край «жилой» зоны (Д) при этом для стрелка остается невидимым. То есть, учитывая естественный угол понижения «жилой» площадки, вал, даже без дополнительных сооружений, полностью прикрывал ее от визуального обзора со стороны поля (схема 1). Следовательно, угрозы прицельного обстрела с этого участка обороны можно было не опасаться.

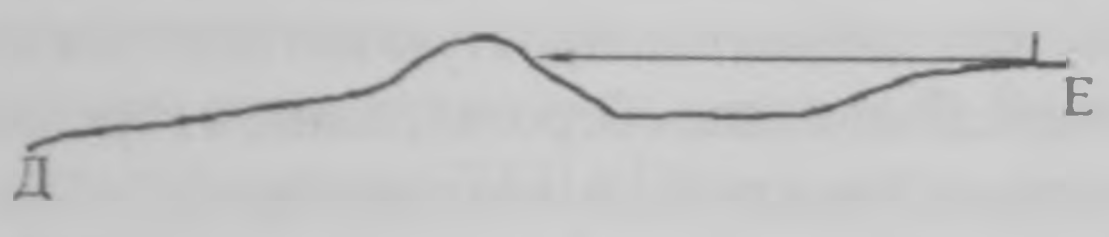

Схема 1. Возможность обстрела метательным оружием со стороны поля

Наиболее уязвимыми участками с точки зрения поражения объектов на «жилой» площадке метательным оружием следует считать мысовую часть и оба склона. Рассмотрим эти варианты. Для расчетов воспользуемся табличными значениями из монографии А.В. Коробейникова (14, с. 71).

Таблица 1

Зависимость глубины видимой зоны от высоты площадки городища

Высота площадки, м	Угол визирования	Глубина видимой зоны, м
3	1°43’	51,0
5	2°52’	30,0
10	5°45’	15,0
15	8°38’	9,9
20	11°33’	7,5

Северо-западный участок обороны (схема 2а). В стометровой зоне наивысшая точка находится на 2–4 м ниже уровня жилой площадки, а с учетом роста стрелка – 0,5–2,5 м. При таком расчете зона прицельного выстрела составит более 51 м, то есть стрелок может поразить любую цель на «жилой» площадке данного городища. Однако для уменьшения зоны видимости по северо-западному склону древними строителями возводится стена, что существенно снижает риски поражения объектов в «жилой» зоне. На мой взгляд, высота стены напрямую зависит от высоты объектов на площадке городища (схема 2б).

Схема 2. Возможность обстрела метательным оружием с северо-западной стороны

Юго-восточный участок обороны (схема 3а). В стометровой зоне наивысшая точка находится на 10 м ниже уровня жилой площадки, а с учетом роста стрелка – 8,5 м. То есть глубина зоны, не прикрытой для прицельного выстрела, составит от 15 до 21 м, что так же дает возможность стрелку поразить практически любую цель на «жилой» площадке. Археологических исследований в данной части городища не производилось. Однако высокая степень возможности поражения объектов от метательного оружия с этой стороны позволяют предполагать, что здесь также были возведены укрепления (схема 3б).

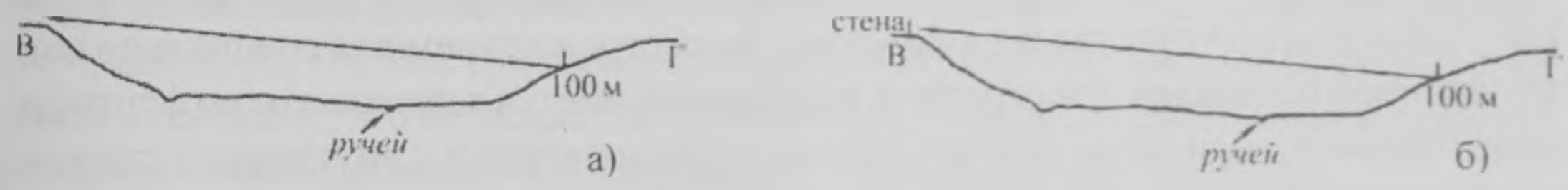

Схема 3. Возможность обстрела метательным оружием с юга – юго-восточной стороны

Благодаря возведению крепостной стены древние строители обезопасили себя от прямой дистанционной атаки с соседних мысов и их склонов. Рассмотрим еще одну возможность обстрела – со стороны поймы. Высота «жилой» площадки городища от уровня поймы составляет 14–16 м, что дает стрелку возможность поражать цели на глубину до 10 м. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что крепостная стена была возведена по всему периметру «жилой» зоны городища. То есть строители городища учли и исправили огрехи в обороне дополнительными фортификационными сооружениями, что свело к минимуму возможные потери в результате прицельных выстрелов ватажников.

Следующим шагом следует определить оптимальную высоту и конструкцию стены Пайгусовского городища. По мнению Т.Б. Никитиной, его укрепление состояло из двух стен, расположенных друг от друга на расстоянии 2–3 м. «Пространство между ними забутовано, возможно, глиной и дерном. С внутренней стороны укрепления вдоль стены имеются отдельные ямки диаметром до 25 см, которые являются остатками опорных столбов, поддерживающих стену. В восточном направлении укрепление постепенно переходит в насыпной вал» (6, с. 46). Если принять такую реконструкцию, получается, что при общей «жилой» зоне Пайгусовского городища в 1050 кв. м на оборонительные сооружения по периметру из нее изъято порядка 360 кв. м, то есть больше 1/3 части. Анализ показывает, что такая крепостная стена выглядит довольно внушительно, но при этом абсолютно нефункциональна при оборонительных действиях на площадке в 700 кв. м. Во-первых, вызывает большие сомнения, что осадная техника, если она имеется в наличии, могла быть использована со стороны склонов. Во-вторых, ширина стены не дает

возможности обороняющимся отвечать противнику прицельным огнем и каким-либо образом помешать нападению с данного направления. При попытке взобраться на стену для отражения атаки обороняющийся будет в зоне поражения лучников ватаги. В-третьих, противник получит преимущество в высоте, если, используя даже обычные приставные лестницы, взберется на площадку стены 2–3 м шириной. В данном случае фаза боя переходит в рукопашную, и стрелять из лука по агрессорам в данном случае будет невозможно из-за большой вероятности поражения кого-то из обороняющихся. По моему мнению, такую реконструкцию со строительством широкой двурядной стены, забутованной в центральной части грунтом, следует признать как неприемлемый вариант для фортификационных сооружений Пайгусовского городища.

Наличие углистых канавок позволяет сделать две реконструкции. Первая – это однорядная стена в виде частокола. Для строительства частокола вырывалась канава, в которую ставились бревна и затем последовательно трамбовались глиной. Тогда вторая углистая полоса может быть ограждением для специально подготовленной площадки для стрелков, которая называется в литературе по фортификации «банкет» или «стрелковая ступень» и располагалась с внутренней стороны крепостной стены или вала (17, с. 35). Высота банкета над уровнем жилого горизонта находилась в зависимости от высоты стены и роста стрелков. И в данном случае внутренняя часть между двумя заграждениями (внешней стеной и внутренним ограждением) забутовывалась грунтом (глиной) и укладывалась дерном, что согласуется с материалами раскопок (рис. 2, *1*). Это обеспечивало и дополнительную прочность стены в случае штурма. Вторая – это также однорядная стена с горизонтально уложенными бревнами, которые зажаты между парными столбами (рис. 2, *2*). При такой стене также будет фиксироваться углистая канавка от нижнего бревна. Как и в случае со строительством частокола, здесь также вполне возможно возведение площадки для стрелков. Однако у «внешней стены» парных столбовых ямок не обнаружено, тогда как у «внутренней стены» они имеются. В целом возведение первого из приведенных вариантов более трудоемко, хотя в данном случае значения не имеет.

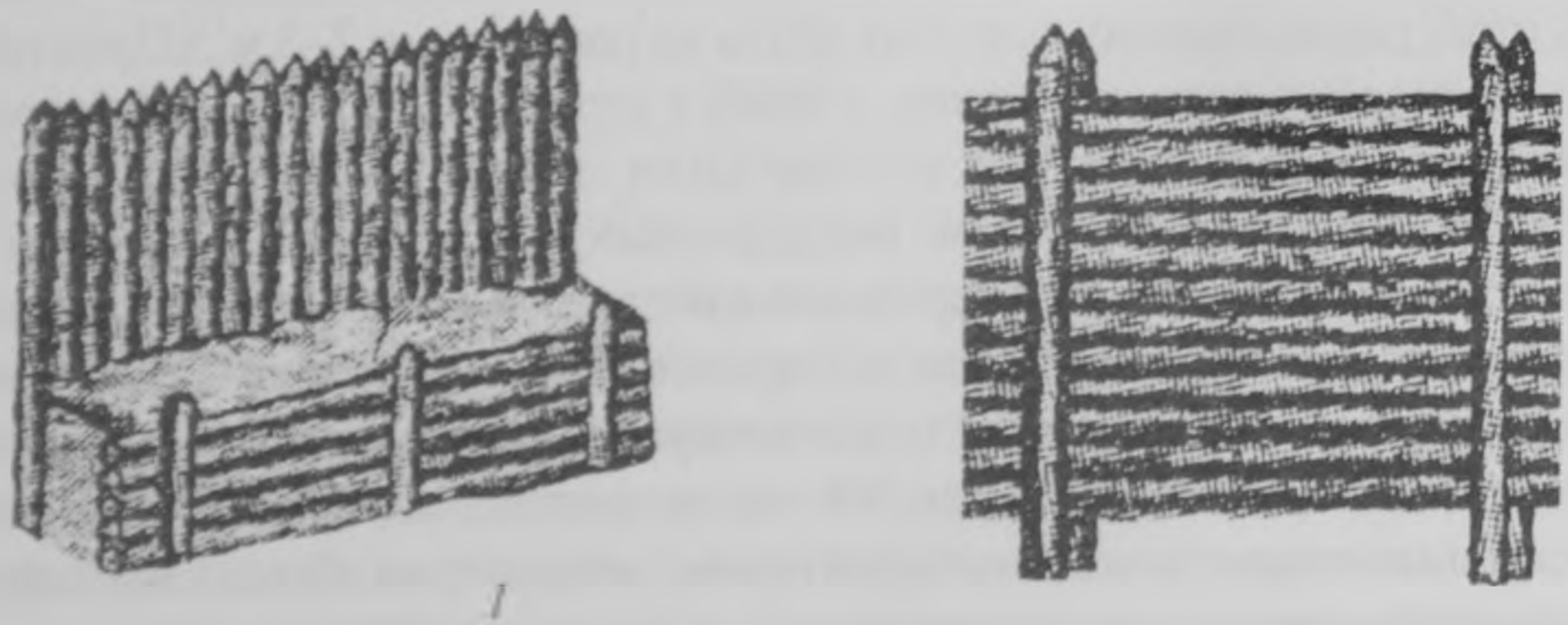

Рис. 2. Варианты однорядной стены, построенной по периметру Пайгусовского городища

Учитывая период естественного разрушения деревянных конструкций (кислотность почвы, атмосферные осадки и т.д.) в грунте – максимум 25 лет (13, с. 40) – можно предположить, что было 2 разновременные стены. При возведении второй стены (внешней) первоначальная стена частично могла быть использована, например, в качестве ограждения для стрелковой площадки.

Попробуем определить оптимальную высоту крепостной стены по периметру. Как уже говорилось, чем выше стена, тем меньше вероятность поражения объектов на площадке «жилой» зоны. При этом для стрелков в стене могли быть сделаны бойницы, а высота площадки для стрелков зависит как от роста стрелков, так и от того, насколько выше стрелок будет находиться над противником, что дает большее преимущество защитникам.

По материалам Пайгусовского городища длину бревен определить не представляется возможным. Есть данные по Ашиязскому и Кубашевскому городищам, где сохранившаяся длина бревен (накатника) составляет 3 и 2 м соответственно (18, с. 228; 4, с. 218). Все три городища одновременны и оставлены древнемарийскими племенами, что позволяет предполагать одинаковые строительные приемы. В действительности высота ограждения 2–3 м является оптимальной.

Кроме людей, объектами поражения могут стать и строения. Поскольку строения обнаружены с северо-западного направления атаки, вернемся к несколько видоизмененной схеме 2 (схема 4).

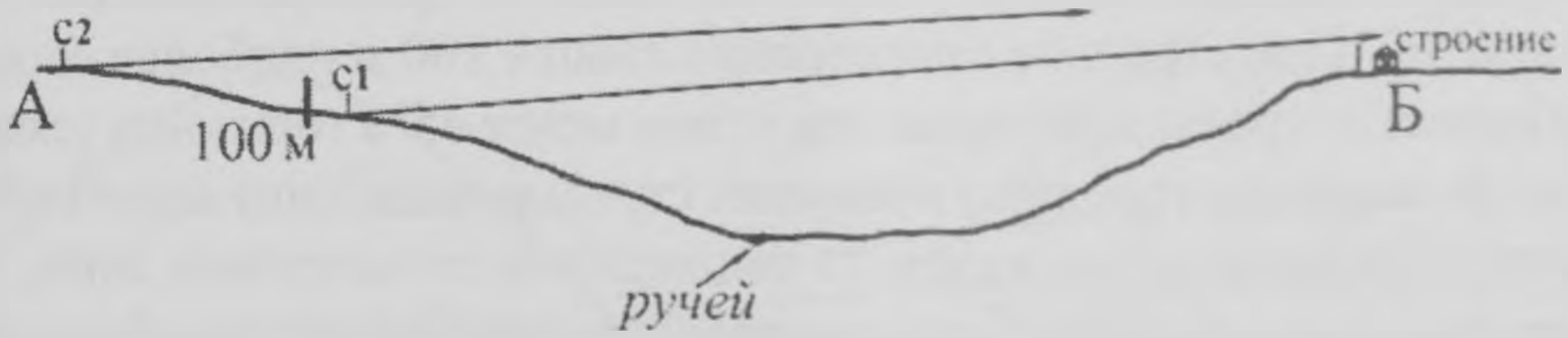

Схема 4. Возможность поражения метательным оружием строений Пайгусовского городища

Во-первых, с построением стены стрелок (с1) вынужден будет для прицельного выстрела спуститься ниже по склону, что уменьшит ему обзор площадки городища. Во-вторых, строения, расположенные близко к стене, визуально стрелку будут не видны, если высота этих строений меньше или равна высоте стены. Они не будут видны и в том случае, если стрелок отойдет на расстояние, превышающее 100 м и позволяющее вести навесную стрельбу (с2). В-третьих, близко расположенные к стене строения прикрывают тылы защитников этой стены от стрельбы с противоположной стороны. Причем защищают как от визуального обзора, так и от навесной стрельбы. Нельзя исключать и варианта, когда одна из стен строения является крепостной.

Будет ли укрепленное таким образом городище равнопрочным по всему периметру? Для прямого обстрела – безусловно.

Перейдем к возможностям ватаги при ведении навесной стрельбы.

При навесной стрельбе качество укреплений по периметру решающей роли не играет – абсолютно любая точка на площадке может быть поражена. Стена в данном случае способствует лишь тому, что стрелок не видит своей потенциальной цели и, соответственно, риск попадания значительно снижается. Угол стрельбы может быть различным. В данном случае рассмотрены варианты с углом атаки в 10°, 30° и 45°.

С северо-западного направления наиболее уязвимыми при навесной стрельбе окажутся участки «жилой» зоны около вала. Причем не особо важно, где будет располагаться стрелок: в пределах стометровой зоны прямого выстрела или за ее пределами (схема 5).

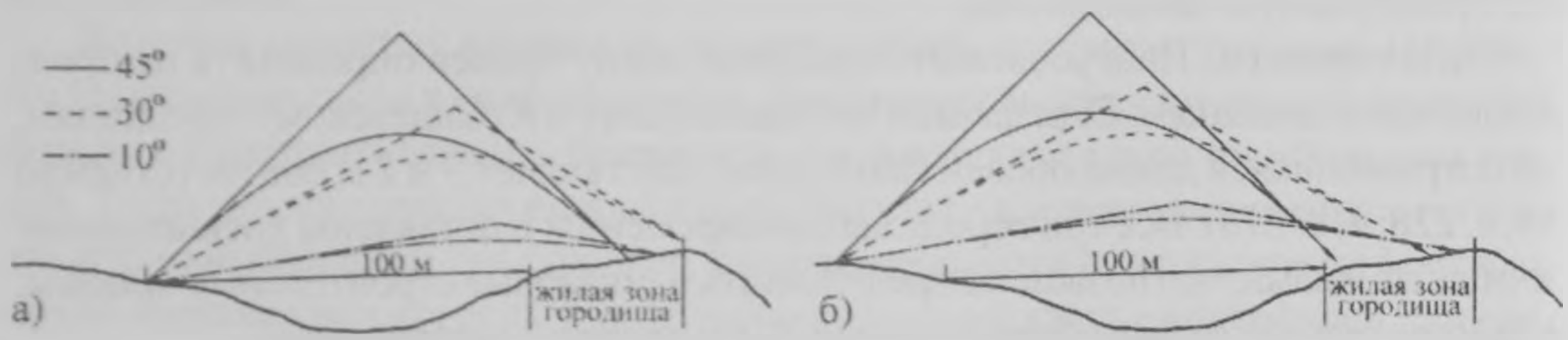

Схема 5. Возможности поражения объектов на площадке городища при навесной стрельбе с северо-запада

Зона поражения возрастает при угле атаки выше 30° при стрельбе с расстояния в 100 м (схема 5а). При стрельбе с расстояния свыше 100 м наиболее серьезный урон могли нанести стрелы, пущенные под углом менее 45° к горизонту (схема 5б). Кстати, рельеф площадки городища позволяет стрелку-ватажнику видеть юго-восточную часть площадки перед валом из-за пределов стометровой зоны. Таким образом, при навесном обстреле с северо-запада угрозу поражения объектов «жилой» зоны городища можно считать значительной. Для ее предотвращения строители фортификаций городища должны были предусмотреть дополнительную защиту, и к этому изъяну в обороне необходимо будет вернуться.

При навесной стрельбе по «жилой» зоне городища с юга и юго-восточного мыса вероятность попаданий также велика, но стрелок не видит объектов на площадке (схема 6).

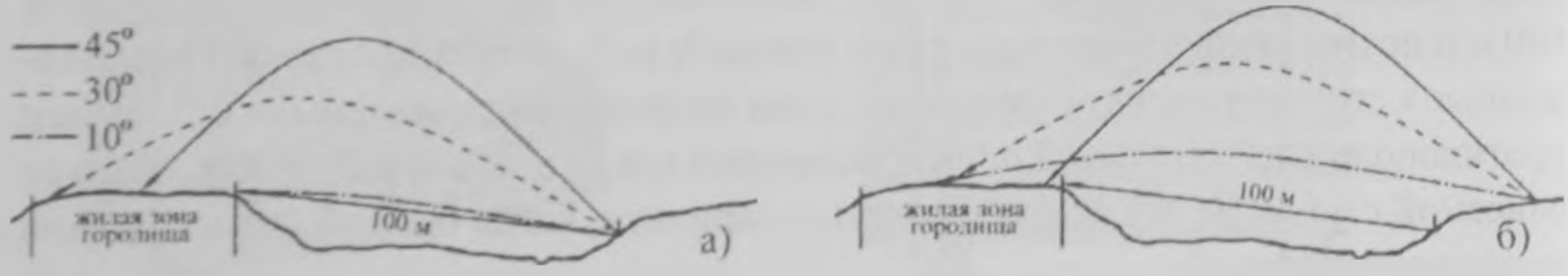

Схема 6. Возможности поражения объектов на площадке городища при навесной стрельбе с юга и юго-востока

Зона поражения начинает увеличиваться с угла атаки свыше 30° при стрельбе со 100 м (схема 6а) и ниже 45° при стрельбе с расстояния свыше 100 м. Высота расположения стрелка (всего 2 м ниже уровня жилой площадки) с рассматриваемого направления не дает преимуществ ватажникам (схема 6б). Отмечу, что зона обстрела во втором случае не охватывает всю ширину площадки городища: при стрельбе с углом атаки ниже 10° стрела, вероятней всего, будет вылетать за пределы «жилой» зоны городища.

Имеется еще два возможных направления обстрела «жилой» зоны городища: с поймы и с «напольной» стороны.

Как явствует из приведенной схемы, с расстояния в 100 м навесная стрельба будет эффективной при угле атаки свыше 30° с поймы и свыше 45° с «напольной» стороны (схема 7а). При большем расстоянии углы обстрела в обоих случаях заметно сокращаются благодаря рельефу местности и крепостным стенам. Приблизительно можно сказать, что для поймы он находится в пределах 20–40°, для «напольной» – 25–40° (схема 7б).

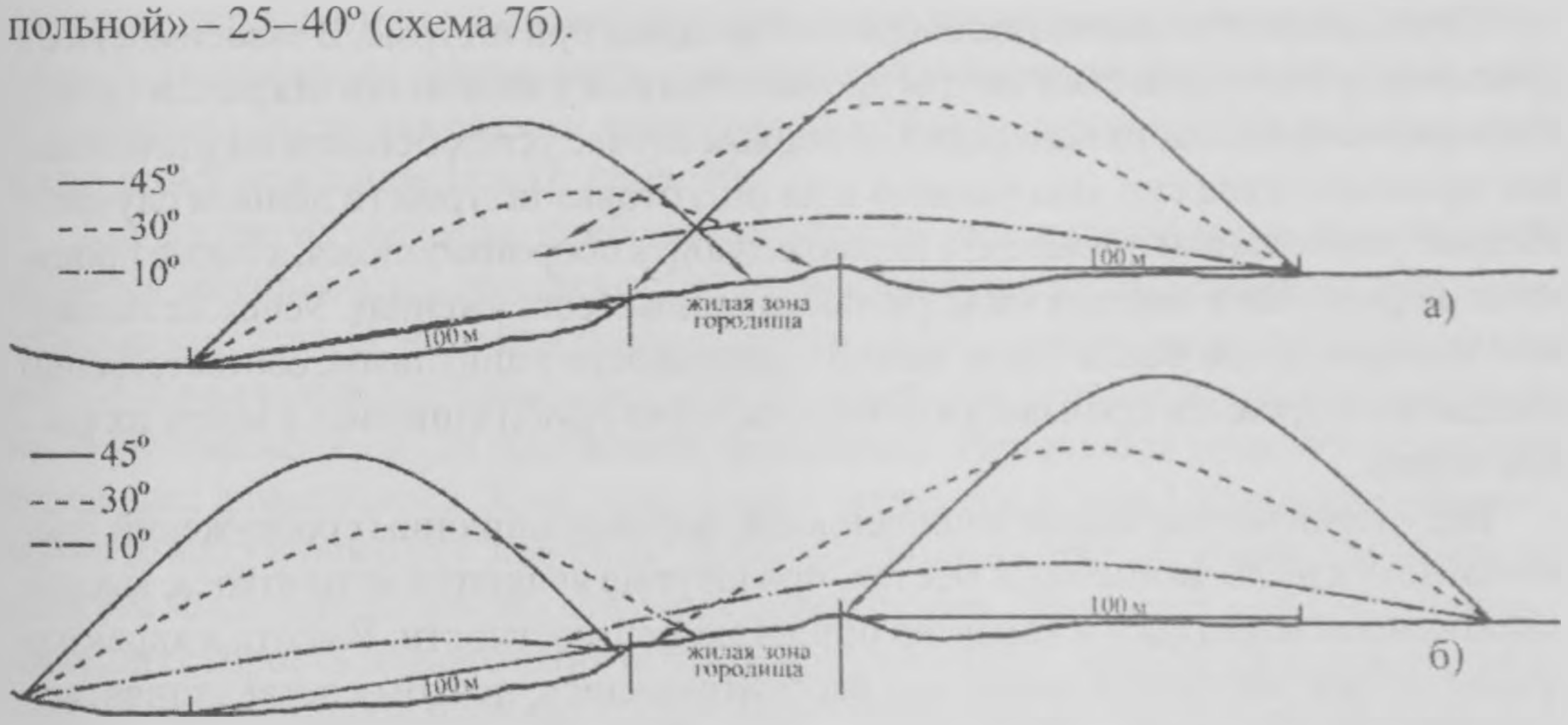

Схема 7. Возможности поражения объектов на площадке городища при навесной стрельбе с поймы и напольной площадки

Попробуем оценить возможности поражения «жилой» зоны городища у с. Пайгусово метательным оружием. Как показали схемы, угроза наибольшего поражения метательным оружием находится не перед защитником городища, а за его спиной. Один из способов избежать попадания в спину – это построить строения вдоль стены, что собственно и произошло на Пайгусовском городище в северо-западной части площадки (схемы 4, 6а). В этом отношении самым уязвимым местом городища являются вал и предвальная часть. К сожалению, археологические исследования вала не проводились, а в материалах из предвальной части (раскоп II, 1959 г.) объектов не выявлено. Можно только строить предположения и даже предложить вариант стены, которая прикрыла бы спины защищающихся. Однако каких-либо фактических оснований для этого нет. В конце концов, от навесного огня спасают и деревья, если они росли на площадке городища, не занятой постройками, что ар-

хеологически неуловимо. Можно констатировать, что при наличии стены по периметру все объекты надежно защищены от прицельного выстрела лучника-противника. Для оценки ущерба от навесной стрельбы необходимо ввести некоторые дополнения. Во-первых, при строительстве городища на дистанцию прицельного выстрела (в данном случае 100 м) площадка вокруг должна быть очищена от леса. Это увеличивает степень поражения агрессора защищающимися, тем более последние находятся за фортификационным сооружением, не проницаемым для стрел. Во-вторых, стометровая зона попадает на склоны противолежащих мысов, что существенно снижает не только маневренность ватажников, но и не позволяет в полной мере использовать щиты. В-третьих, вести навесную стрельбу из лесного массива, располагающегося за зоной вырубки, очень затруднительно, если вообще возможно. То есть риски, которые были указаны выше при анализе возможных результатов попаданий по объектам в «жилой» зоне, при навесной стрельбе минимальны.

Перейдем к возможностям обороны городища при штурме. В зависимости от предшествующих действий штурм проявляется или в виде атаки открытой силой, или в форме внезапного нападения. В первом случае успех основан на значительном превосходстве сил атакующего и на подготовке штурма (в данном случае – обстрел метательным оружием) с целью ослабить обороняющихся, а также произвести разрушения в занятых им фортификационных сооружениях. Успех же внезапного нападения основывается на неподготовленности защитников, соответственно нападение стараются произвести ночью, скрытно приблизившись к месту их расположения.

Ведущими показателями защищенности фортификационных сооружений, расположенных на возвышенных местах, при штурме являются углы откоса, высота огороженной площадки и характер прилегающей местности. Высота и характер прилегающей местности выше уже рассматривались, поэтому останавливаться отдельно на них не будем. В данном случае требуется всего одно дополнение: основной слагающей породой террасы, где расположено Пайгусовское городище, является глина. Этот грунт создает дополнительные трудности для атакующих. В летний период, когда и удобней всего осуществлять военные акции, после дождя склоны будут скользкие, а в засушливый период – сыпучие. Современными военными специалистами считается труднопроходимым длинный участок с углом естественного откоса свыше 45° (12, с. 63).

Рассмотрим все четыре зоны городища, на которые может быть направлена атака во время штурма (схема 8). Чтобы выявить наиболее уязвимые участки обороны, намеренно взяты наименьшие значения углов с каждой из сторон.

Угол откоса юго-восточного склона составляет 31° при длине подъема в 26 м (схема 8а). Однако этот склон городища в значительной степени потревожен домашними животными: местами имеются пологие участки, местами – осыпи до 1,5 м. Откос северо-западного склона составляет 28° при длине подъема 34 м (схема 8б). Он одинаков практически по всей длине склона, повышаясь у вала и пони-

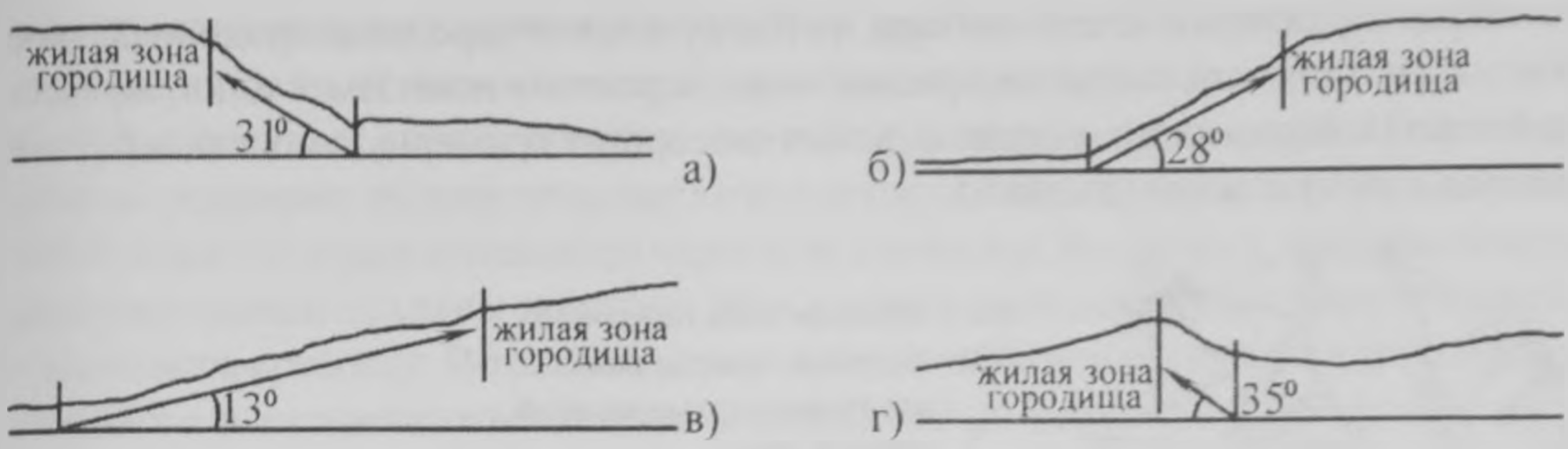

Схема 8. Откосы площадки Пайгусовского городища: а) юг и юго-восточный склон; б) северо-западный склон; в) мысовой склон; г) откос вала и рва

жаясь к мысу (за пределами «жилой» зоны), что естественно для рельефа городища. Угол откоса мысовой части находится в пределах 12–14° при длине участка равной 67 м (схема 8в). Допускаю, что такой угол мог получиться в результате проседания грунта или оползания его с основной площадки городища в результате ливней. Тем не менее современное состояние склона именно такое. Наименьший угол откоса вала от дна рва при длине участка 14 м составляет 35° (в центральной части до 45° при длине 16 м) (схема 8г).

Как видно из расчетов, наиболее уязвимым участком обороны при штурме является мысовая часть городища. Стена, возведенная здесь, усиливает оборонительные качества. Однако при таком угле откоса сила гравитации слаба и брошенные со стены камни или бревна не будут обладать той силой и скоростью, которые были бы необходимы для поражения противника. Небольшое преимущество при осаде дает длина откоса. Хотя, если вокруг городища в зоне 100 м вырублен лес, это не имеет решающего значения. Дополнительным препятствием для атаки со стороны мыса могла стать заболоченная пойма ручьев. Во-первых, она существенно замедлит скорость продвижения ватажников, во-вторых, находится в стометровой зоне прямого прицельного выстрела. За счет чего еще могли строители искусственно усилить защиту этого направления сказать трудно. Проблему могли бы решить вал и ров в мысовой части, но по результатам раскопок каких-то особых сооружений, отличающихся от тех, что находились вдоль северо-западного склона, на мысу не зафиксировано. Правда, защитники имеют одно неоспоримое преимущество: они находятся выше ватажников. Это обстоятельство могло сыграть решающее значение на начальном этапе рукопашной схватки. Остальные направления возможного штурма укреплены практически равноценно.

Третий фактор, который мог бы угрожать построенному городищу, – это вероятность осады. По сути, осада – длительная военная блокада, которая применяется при невозможности быстрого захвата объекта. Она, как правило, предшествует штурму и имеет целью истощение сил защитников. Осаждающие обычно полностью блокируют объект, нарушая снабжение боеприпасами, пищей, водой и другими ресурсами. То есть, чтобы противостоять осаде, на защищенной фортификациями площадке городища должны быть запасы вооружения, продовольствия, а если доступ к воде затруднен, то и воды.

Судя по наличию клети-амбара, на Пайгусовском городище продовольствие имелось и минимальный запас пресной воды, вероятно, тоже. Имея топографический план Пайгусовского городища, можно построить примерную модель действий ватажников при осаде (схема 9).

Схема 9. Модель действий ватажников при осаде городища у с. Пайгусово

Периметр огороженной стеной площадки Пайгусовского городища составляет около 160 м (включая гребень вала). Длина окружности стометровой зоны вокруг городища вычисляется по формуле $p=2\pi r$ (**p** – длина окружности, **π** – постоянная величина приблизительно равная 3,14, **r** – радиус окружности). Учитывая, что радиус от периметра «жилой» зоны в 160 м составляет округленно 26 м, а радиус зоны в 100 м, соответственно, – 126 м, то периметр зоны блокады (осады) составит 792 м. Подсчет приблизительный, поскольку форма «жилой» зоны городища не является круглой, а стометровая зона представляет собой скорей эллипс, чем круг. Конечно, существуют и более точные формулы расчета (например, для эллипса формула Рамануджана), однако не факт, что зона вырубки составляла именно 100 м по периметру. Соответственно, можно несколько пренебречь точностью.

Если русла ручьев в I тыс. н.э. находились там же, где и в современности, то минимальное расстояние до воды от «жилой» площадки составляло около 60 м. Чтобы перекрыть обороняющимся доступ к источнику, ватажникам достаточно было расставить лучников вдоль стометровой зоны с северо-западной и южной сторон периметра осады. Три опорные точки вокруг городища, расположенные по углам равностороннего треугольника (расстояние между ними при периметре эллипса 720 м равно 215 м), перекрывают все возможные пути выхода из-за пределов «жилой зоны». Количество ватажников больше или равно числу защитников, то есть не менее 50 (это было оговорено выше). Однако среди защитников только около 1/3 мужчины, которые действительно представляют угрозу для нападающих. При наличии в каждом из опорных пунктов по 20 человек-ватажников, защитники городища ничего не смогут им противопоставить. В таком случае штурм с последующим захватом городища является только вопросом времени.

Подведем итог готовности древнемарийского городища у с. Пайгусово к выполнению своей главной функции: защите населения от гипотетической военной угрозы. Выводы обоснованы для примерно равного количественного состава населе-

ния округи городища и агрессоров. При этом противостоящие друг другу гарнизон и ватажники в численном выражении находятся в пропорции 1 к 3.

Проведенный анализ показал, что небольшая площадь в данном случае во многом усиливает оборонительные качества городища. Во-первых, велика вероятность перелета стрел ватажников через всю площадку. Во-вторых, при максимальном расстоянии от стены до стены 50 м значительно повышается мобильность защитников крепости. В-третьих, делает практически невозможным (при наличии обычного факельного освещения и часовых) тайное проникновение и внезапный штурм в ночное время суток.

Фортификационные сооружения городища равнопрочны по своим параметрам и способны противостоять угрозе обстрела метательным оружием без серьезных последствий для защитников. При возможном штурме наиболее слабым местом обороны является мысовая часть. Отчасти слабость этого участка обороны компенсируется заболоченностью поймы в месте слияния двух ручьев. Что касается осады городища, то при отсутствии собственных (внутренних) источников воды захват его вполне осуществим. Однако, если древнее русло ручья, протекающего вдоль северо-западного склона, находилось под самой площадкой городища, то проблем с водой защитники, скорей всего, не испытывали бы.

Если целью нападающих является захват и установление контроля над территорией, шансов сохранить городище в неприкосновенности практически нет. Тем более нет никакой возможности защитить население и городище, если в боевых действиях со стороны агрессора принимает участие регулярная армия, которая в разы превосходит по численности защитников и для которой материальные ценности имеют вторичное значение – для первой половины II тыс. н.э. таким агрессором являлась татаро-монгольская орда.

Таким образом, строительство Пайгусовского городища, вероятнее всего, связано отнюдь не с военно-оборонительной функцией. Она скорей только обозначена самим наличием фортификационных сооружений. Могу предположить, что основной для данного объекта является функция социально-экономическая. Здесь могли находиться производство (пусть и для обеспечения только населения своей округи), запасы продовольствия и какие-то наиболее важные для родовой группы материальные ценности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Износков И.А.* Горно-черемисские приходы Козьмодемьянского уезда // Труды Казанского губернского статистического комитета. – 1869. – Вып. 1, 2.

2. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

3. *Халиков А.Х., Архипов Г.А.* Отчет Марийской археологической экспедиции за 1958 г.

4. *Архипов Г.А.* Городища первой половины I тыс. н.э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. – Йошкар-Ола, 1962. – Т. II.

5. *Архипов Г.А.* Пайгусовское городище (по раскопкам 1987 г.) // Древности Поветлужья. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1990. – Вып. 17.

6. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002.

7. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М., 1980.

8. *Уткин А.Ф., Черников В.Ф.* Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. – Йошкар-Ола, 1994. – Вып. 23.

9. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. – Йошкар-Ола, 1962. – Т. II.

10. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник. Археология евразийских степей. – Казань, 2009. – Вып. 9.

11. *Медведев А.Ф.* Луки и стрелы, самострел. – М., 1966.

12. *Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. – Ижевск, 2007.

13. *Рошефор Н.И.* Иллюстрированное Урочное положение. Полный текст по исправленному экземпляру с пояснительными рисунками, справочными сведениями, расчетами, практическими указаниями и бланковыми расценками на строительные работы. Шестое исправленное издание. – Петроград, 1916.

14. *Коробейников А.В.* Историческая реконструкция по данным археологии. – Ижевск, 2005.

15. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. – Ижевск, 1970. – Вып. 10. – Ч. 1.

16. *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996.

17. *Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. – Казань, 2006.

18. *Калинин Н.Ф.* Работы на Ашиязском городище и его ближайшем окружении / Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции в 1956 г. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 80. – Казань-Йошкар-Ола. 1957.

Aleksei Mikheyev

DEFENSE OF PAYGUSOVO SETTLEMENT

Paygusovo settlement is one of the monuments of ancient Mari culture of the second half of fist millennium AD. In the study of ancient settlement (565 sq. m.) the remains of defenses, the evidence of metal production and stand-barn were recorded. The analysis showed that the fortifications on the parameters are of equal strength and they are able to withstand fire missile weapons and assault, and a small area increase the defensive qualities. At long siege the capture of settlement entirely feasible due to the lack of its own water source.

Ancient settlement near the village Paygusovo created to protect the wealth and it is not a permanent home built by its people. The calculation was based on the lack of a potential enemy means (resources) to conduct long fighting or support from the residents in the nearest district of closely related genera.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Лидия Сурнина
Сыктывкар

ТЕМА МОЛОДОСТИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ И.А. КУРАТОВА*

Молодость в народной культуре понимается как «золотая пора», олицетворяющая волю, удаль, счастье. Она семантически противопоставляется «старости»: *молодой* понимается как находящийся в начале жизни, полный сил, способный и готовый к деторождению, *старый* – как пребывающий в конце пути, на грани двух миров, как дряхлый, исчерпавший свой жизненный потенциал. Главное достоинство молодости – «*сила*» – противопоставляется «*мудрости*» старых. Молодые и старые в народной культуре в разной степени допускались к участию в обрядовой жизни: если молодым как носителям плодовитости отводилась главная роль в обрядах, стимулирующих плодородие земли (например, засев), то старики в них, как правило, не участвовали (1, с. 283). Основным развлечением молодежи были посиделки, которые назывались – «*игрища*». Бытование слова «игра» в качестве названия поведения в поре совершеннолетия позволяет назвать им и самый период, т.е. время и образ жизни, переходное состояние, полный цикл которого молодежь проживала в течение календарного года и воспроизводила ежегодно до вступления в брак (или безбрачного выхода из возраста совершеннолетия) (2, с. 235). Молодежные посиделки служили механизмом регуляции семейно-брачных и общественных отношений. Семья считалась как непременное и важнейшее условие жизни, она воспринималась как хозяйственная и духовно-нравственная основа правильного образа жизни человека. В культуре коми святость брака, значимость создания семьи была закреплена фольклорной традицией, и признание крестьянами роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека, преемственности поколений, реализуемой в семье, отразилось в многочисленных пословицах и поговорках, касающихся семейного быта: *быд пӧтка аслыс гоз пӧвсӧ корсьӧ* (каждая птица ищет себе пару), *аслад пӧлыдкӧд сьӧд вӧр шӧрын абу гажтӧм* (со своей парой и в темном лесу не скучно), *ӧти киӧн гӧрӧд он гӧрддзав* (одной рукой узла не завязать), *гӧтыртӧм мужикыд кылалан чаг кодь* (неженатый мужчина, что щепка на реке), *кӧзяйкатӧгыд и гортыд абу горт* (без хозяйки и дом не дом).

---

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН № 12-и-6-2021 «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском контексте XIX – первой трети XX в.»

В данной работе рассматриваются стихотворения коми поэта И.А. Куратова «*Том зон*» («Юноша») и «*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*» («Милая девушка, красивая куколка»), объединенные темой молодости. Героем в произведениях является молодежь – юноши и девушки коми народа, в которых поэт воплощает самые светлые стороны жизни. Текст стихотворений строится в виде поэтического обращения, и его особый характер определяется наличием адресата. И. Куратов обращается к одному герою, раскрывает конкретный характер, однако в созданном художественном мире отражается не одна судьба, а образ молодой пары:

Муса ныланӧй, мича аканьӧй!
Сӧмын колис со, муса ныланӧй,
Тайӧс босьтны тэд, мича аканьӧй!
(*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*)

Милая девушка, красивая куколка моя!
Только и осталось вот, милая девушка,
Это взять тебя, красивая куколка!
(*Милая девушка, красивая куколка моя*)

Он тӧд на тэ, он,
Мича, авъя зон,
Сьӧлӧтӧ, олӧмтӧ!
(*Том зон*)

Ты не знаешь,
Прекрасный, добрый юноша, не знаешь,
Ни счастья своего, ни жизни!
(*Юноша*)

(Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи)

В стихотворениях «*Том зон*» («Юноша») *и* «*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*» («Милая девушка, красивая куколка») И.А. Куратов словно присоединяется к своим героям, а через них и к представлениям народа о молодости, о счастье. Эмоции героев и автора пропитаны ощущением телесного и интеллектуального возмужания, радости, душевной и духовной полноты. Это состояние вместе с героями как будто испытывает и сам автор. Однако субъектно он не сливается с персонажным миром. Внимание читателя направлено на поэтическое осмысление народного понимания семьи, реализующееся в героях произведений. При знакомстве со стихотворениями остается впечатление, что повествующий обладает большим жизненным опытом и знает цену традиции, призывает своих героев к жизни внутри этой традиции, в ее соблюдении и умножении.

Так, в стихотворении «*Том зон*» («Юноша», 1865) автор-повествователь обращается к юноше, убеждает его не пропустить возможность стать счастливым с любящей его девушкой, создать семью, напоминая при этом о быстротечности жизни и молодости:

Регыд мортыд том!
Мунӧны лун-войыд...
Ӧтнас морт джын морт!
Лӧсьӧд, зон, горт!
Лӧсьӧд кӧть мусатӧ!
Долыдмас лун сыкӧд!
Дженьыд сыкӧд вой!

Не долго человек молод! Время улетучивающаяся от нас вещь... Человек в одиночестве полчеловека! Ты, молодец, обзаведись домом! По крайней мере найди, кого было бы любить! Весел и светел с ней день, а ночь коротка!

(Прозаический перевод стихотворения «Том зон» И.А. Куратова)

На адресность монолога говорящего указывает его постоянное обращение к юноше: *он тӧд тэ, он, мича, авъя* ***зон****; лӧсьӧд,* ***зон****, горт; нывкӧд,* ***зон****, шуда ло* (не знаешь ты, прекрасный, добрый *юноша*, не знаешь; построй, *юноша*, свой дом;

с девушкой, *юноша*, счастлив будь); а также употребление местоимения 2 лица единственного числа, глаголов и слов с притяжательными суффиксами соответствующей формы: *он тӧд* (не знаешь еще *ты*), *сьӧлӧмтӧ, олӧмтӧ, бурлунтӧ, шудлунтӧ* (сердце *свое*, жизнь *свою*, сердечность *свою*, счастье *свое*), *лӧсьӧд, зон, горт, лӧсьӧд кӧть мусатӧ* (построй, парень, *свой* дом, найди хотя бы *свою* любимую), *он казяв, он кыв* (не замечаешь *ты*, не слышишь *ты*), *кывлiн, эм пӧ рай* (*ты* слышал, есть, говорят, рай), *сэтчӧ эн на кай* (туда еще не торопись *ты*), *нывкӧд, зон, шуда ло* (с девушкой, парень, *счастлив будь*).

Кроме героя в стихотворении представлен образ молодой девушки. Если описание молодого парня состоит из краткой характеристики, данной ему любящей его девушкой: *выв, долыд, мелi* (сильный, веселый, ласковый). То образ героини стихотворения опоэтизирован средствами коми фольклора, характерной особенностью которого является выражение неразрывной связи человека с природой. В коми поэзии эта связь чаще всего представлена в виде сравнения персонажей с природными явлениями, в форме слияния образа героя с объектом природы, и в основе такого отождествления обычно лежит метафора. В стихотворении «*Том зон*» кровь молодой девушки поэт сравнивает с малиновым соком: *Ӧмидз ва кодь вир!*; волосы, словно шерсть у бобра, мягкие: *Юрсисӧ сетӧма Нылыслы мой*; солнце просвечивает сквозь тело: *Шонді яй-лы пыр Нылыслӧн тыдалӧ!..* Такой же портрет девушки, созданный И. Куратовым, мы встретим в сказке «Микул», которая была написана им в 1862 году, о народных истоках которой говорит тот факт, что поэт вынес в заглавие ремарку «*важ мойдкыл*» (старинная сказка): *Ӧмидз ва кодь вирыс, Шонді яй-лы пырыс Тыдалӧ* (Ее кровь похожа на малиновый сок, Солнышко видно сквозь тело-кости). В сказках при описании женской красоты обычно проводится четкая параллель между красотой и светом / прозрачностью: сказочная красавица *как горящая свеча блистает своей красотой, так красива, что сквозь тело кости видны, сквозь кости – костный мозг, а сквозь него – все, что делается на вольном свете*. Здесь, по мнению исследователей, кроме сугубо поэтической метафоричности лирической и обрядовой поэзии, просматриваются и мифологические представления о небесной (солярной) прародительнице людей, сохраняющиеся в бытовом выражении *еджыд вир-яй* «белые кровь-тело», *югыд вир-яя* «со светлыми кровью-мясом».

Думается, не случайно образ девушки И. Куратовым объединен с образом солнца: *Шондiяй-лы пыр Нылыслӧн тыдалӧ*; именно в свадебных причитаниях с солнцем, прозрачностью и нежностью сравнивается женская красота: *Югыд шондiӧй да менам цветнӧй чвеститӧмӧй. Петырвидзӧ пырӧм дырсяй веж турин дай чветӧй...* (Светлое солнышко да мое цветное цветение. Петрова поста зеленой травы цветение…) (3, с. 88–89). Еще раз отметим, что в стихотворении «*Том зон*» («Юноша») автор-повествователь уговаривает юношу обратить внимание на молодую девушку, которая «*рытывбыд яндысьӧ*» (целый вечер смущается): *Он казяв, он кыв... Нем тэ он кыв! Долыдмас лун сыкӧд! Дженьдаммас вой!* (Не замечаешь, не видишь… Ты ничего не примечаешь! Весел и светел с ней

день, а ночь коротка). Именно с ней, по мнению повествующего, юноша должен обзавестись домом и семьей. Для автора-повествователя, позиция которого адекватна поэту, семья является средством достижения человеческой полноты, полноты личности: *ӧтнад джын морт* (человек в одиночестве – полчеловека). Ведь не случайно, роль семьи не раз подчеркивалась в народных пословицах и поговорках: *быд звeрлӧн и пӧткалӧн пӧв эм* (у всех зверей и птиц есть пара), *поэтӧг, ӧтнасӧн, сӧмын кӧк алӧ* (без гнезда, одинокой, живет только кукушка).

Мысль о значимости семьи воплощается и на структурном уровне текста. В.А. Латышева, исследовавшая композиционные и интонационные особенности стихотворения «*Том зон*» («Юноша»), отмечает, что текст произведения строится из восьми шестистишных строф, каждая из которых начинается и заканчивается с высказывания поучительного характера:

Регыд мортыд том!
Ичӧт олан ком!
Вынылы мывкыдыд
Пуктас мед дом!,
Мунӧны лун-войыд...
Регыд морт том!

Не долго человек молод! Да и вся-то жизнь недолга! Пусть на силы твои разум наденет узду… Время улетучивающаяся от нас вещь… *Не долго человек молод!*

(Прозаический перевод стихотворения «Том зон» И.А. Куратова)

Ӧтнас морт джын морт! Ангель, куль да орт Ӧткӧн мед оласны! Лӧсьӧд, зон, горт! Лӧсьӧд кӧть мусатӧ! *Ӧтнад джын морт – Человек в одиночестве полчеловека*! Ангел, Водяной и Домовой пусть живут одинокие! Ты, молодец, обзаведись домом! По крайней мере найди, кого было бы любить! *Человек в одиночестве полчеловека*! (Прозаический перевод стихотворения «Том зон» И. Куратова).

Либо утверждением чего-либо (4, с. 46):

Он казяв, он кыв…
Рытывбыд рам ныв
Яндысьӧ, ылавсьӧ:
«Код тэысь выв!
Долыд тэ, мелі тэ!..»
Нем тэ он кыв!

Не замечаешь, не видишь… целый вечер скромная девушка смущается, проговаривается: «Кто против него? И весел-то он, и ласков-то он!» *Ты ничего не примечаешь*!

(Прозаический перевод стихотворения «Том зон» И.А. Куратова)

Кольцевая структура каждой из строф дает возможность развития темы не только на протяжении всего текста, но и в его отдельных частях, волнообразно. У каждой строфы образуется своя индивидуальная тема: быстротекущая молодость, неутомонная молодая сила, напрасное одиночество, недальновидная трата времени, красота и нежность молодой девушки, радость с ней, человеческое равнодушие к счастью молодых людей.

Седьмая, предпоследняя строфа отличается своим эмоциональным тоном, противоположным настроению всех других частей текста. Эта строфа, где нет обрамляющей части, содержит единственный вопрос: *Кывлін, эм пӧ рай?* (Слыхал ли, есть, говорят, рай?). Если все остальные семь строф (первые шесть и последняя восьмая) строятся как лирическое обращение к юноше, то в предпоследней нет поучения как надо жить: *Сэтчӧ эн на кай! Кувны и пӧрысьӧн Эштамӧ тай…*

(Туда не восходи пока! Умереть и в старости непременно успеем…). Здесь возникает форма множественного числа – «*эштамӧ*» (букв. перевод: *мы успеем*). С этой точки зрения интересен тот факт, что в собственном переводе произведения И. Куратов к седьмой строфе присоединяет еще одну строчку: *Юноши! Ищите в груди девицы рай*! (в стихотворении на коми языке эта строчка отсутствует). Вот где, по мнению поэта, должен быть рай: рядом с любимой девушкой. Само строение стихотворения с постоянным утверждением, повелением, побуждением подчеркивает, что там, где молодой человек не видит пока ценностей, автор-повествователь, выражающий точку зрения самого поэта, видит человеческое счастье: человек в одиночестве – полчеловека; следовательно, надо обзавестись другой половиной, родным кровом и жить счастливо с любимой девушкой, т.е. обрести свою телесную и духовную полноту.

Перечисляя в предыдущих строфах, в чем состоит счастье человека, поэт приходит к выводу, что именно семья, любимый человек и являются счастьем, которого юноша должен добиться сам.

В стихотворении «*Муса ныланӧй, мича акаӧй*» («Милая девушка, красивая куколка», 1862) автор-повествователь также обращается к герою повествования. Но здесь его речь направлена к «*муса, мича ныв*» – к милой, красивой девушке: *Муса ныланӧй, мича акаӧй* (Милая *моя* девушка, красивая *моя* куколка). В фольклорной поэзии всех народов женщине принадлежит особая роль, с ней всегда связывается представление о животворной жизненной силе, олицетворяющей мощь цветущей природы, ее свет и радость (5, с. 84). Девушки были главным украшением сельских праздников, где они дарят всем свои улыбки, радуя и старых, и молодых (6, с.32): *Муса, мича ныв! Йӧкты, Вильшась, серав, сьыв! Вомас нюмсӧ Петкӧд том мортлысь! Мед тэ бӧрысь гажмас пӧрысь! Сьӧлӧм гажӧдысь!* (Милая, красивая девушка! Пляши, шали, смейся, пой! На губы улыбку вызови у юноши! Пусть старый, глядя на тебя, почувствует в жилах прежнюю кровь, в сердце прежнюю радость! Сердце радующая!) – пишет И.А. Куратов в стихотворении «Том ныв» («Молодая девушка», 1865).

Если в стихотворении «Том зон» («Юноша») автор-повествователь обращается к юноше и убеждает его не пропустить возможность стать счастливым с любящей его девушкой, то в стихотворении «Милая девушка, красивая куколка» поэт словно уговаривает свою героиню ответить на любовь юноши-охотника, пленившегося красавицей и щедро одаривающего ее лесными дарами: *лыяс байдӧгӧс, кыяс колибӧс, ошкӧс аддзас кӧ, пасьсӧ кульыштас, сiдзжӧ кӧинтӧ, эн пов, нюжӧдас, руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад, вурас юсь пукысь небыд вольпасьтӧ, сьӧдбӧж куӧн тэ пондан тупкысьны* (изловит рябчика, поймает соловья, если увидит медведя, шкуру с него снимет, также волка, не бойся, растянет, лисью шкуру для шубы принесет, сошьет из лебяжьего пуха мягкую постель, горностаевой шкурой будешь укрываться). Его бескорыстие и доброта, по мнению автора-повествователя, не смогут оставить девушку равнодушной к молодому человеку:

Муса ныланӧ, мича аканьӧй!	Милая девушка, красивая куколка!
Эз вош вӧрын зон, сійӧ вошӧдчис.	Не заблудился парень в лесу, он намеренно затерялся.
Вӧрӧ ылӧдчис быд бур вайны сэсь,	В лес ушел, чтоб все хорошее принести оттуда.
Тэныд ошйысьны, тьэныд козьнавны.	Перед тобой похвалиться, тебя одарить.
Ачыд тӧдмалан сэк бур сьӧлӧмсӧ.	Ты узнаешь его сердце доброе.
Сӧмын колис со, муса ныланӧй,	И остается только лишь, милая девушка,
Тайӧс босьтны тэд, мича аканьӧй!	Все эти подарки принять тебе, красивая куколка!

В стихотворении на первый взгляд может показаться, что девушка-красавица является центральным героем произведения. Стихотворение начинается с образа молодой красивой девушки: *муса ныланӧй* (милая девушка), *мича аканьӧй* (красивая, ясная, солнечная куколка), *байдӧг, тэ кодь еджыд* (тело рябчика, как твое, белое), *колшӧ, тэ кодь гора* (голос соловья, словно у тебя, звонкий). Далее автор-повествователь постоянно обращается к своей собеседнице: *тэ* (ты), *тэныд, тэд* (тебе), *тэ кодь* (как ты), *ачыд* тӧдмалан (сама); *кутан шебрасьны* (*ты* будешь накрываться), *пондан тупкысьны* (*ты* начнешь прикрываться), *тӧдмалан* (*ты* постигнешь); *пеляд* вашкӧптас (буквально: в *твое* ухо прошепчет), *айыд* пыдди (вместо *твоего* отца), *пӧрысь мамыдлы* (старой матери *твоей*), ваяс ***пась*** *вылад* (принесет для *твоей* шубы), *вурас вольпасьтӧ* (сошьёт *тебе* постель), *сетны сьӧлӧмтӧ еджыд моröссьыд* (отдать *свое* сердце из груди *своей* белой). Обращение особенно чувствуется за счет лексико-грамматического единства слов «*ныл*ан» («ныв») и «*акань*» с притяжательным суффиксом **-ӧй**: *Муса ныланӧй*, *мича аканьӧй* – букв.: милая девушка ***моя***, красивая куколка ***моя***. Так ласково обращается автор-повествователь к героине стихотворения.

Однако уже при первоначальном знакомстве со стихотворением становится ясно, что девушка не единственный герой произведения. Значительная часть текста отдана созданию образа юноши-охотника. Охота у коми на протяжении веков была важнейшим источником средств существования и фундаментом, определяющим образ жизни, мировоззрение и культуру народа. Охота была одним из основных видов хозяйственной деятельности для взрослого мужского населения коми (7, с. 24). Один из зыряноведов XIX века – М.И. Михайлов отмечал, что «служа главным способом пропитания для жителей, где природа скудно вознаграждает труды земледельца, промыслы звериные производятся в наибольших размерах. Довольствуясь дарами края, зырянин не сетует, что у него хлеб не родится, зная, что пока у него есть ружье, он будет не только сыт, но и богат» (8, с. 21–25), потому что «родина зырян лесиста, мало плодородна, и… эти-то физические условия местности направили деятельность зырянского народа исключительно на рыбные и звериные промыслы. Зырянин плохой земледелец, но зато он неутомимый и изобретательный охотник. Это настоящий сын лесов, в жизни которого звериные промыслы составляют главное средство к пропитанию и источник оплаты податей (9, с. 42–53). Именно с охотой и с промысловой деятельностью в первую очередь связывалось такое концептуальное для традиционной культуры коми понятие как «мужской путь» – представление о предназначении и жизненном пути мужчины. В

плане образности, характерной разным жанрам фольклора, образ охотника достаточно поэтизирован и несет положительную эмоционально-оценочную нагрузку, являясь эталоном «настоящего мужчины», а сфера охоты явно характеризуется как экстремальная, являющаяся прерогативой мужчин (3).

И.А. Куратов в стихотворении «*Муса ыланӧй, мича аканьӧй*» вырабатывает тип национального героя и героизма. Задача поэта становится ясной, если сравнить его персонаж с другими национальными типами. Так, например, русские богатыри воплощают в себе идеал мужественного человека, герой сражается в одиночку против полчищ вражеских сил. Богатыри обладают более или менее общими для них свойствами: силой и молодостью. Совокупность воинских доблестей составляет одну из главнейших черт русского богатыря. Монументальные образы богатырей и грандиозные свершения – это плод художественного обобщения, воплощение в одном человеке силы народа или социальной группы, преувеличение реально существующего, т.е. гиперболизация и идеализация. Эпическим героем коми является охотник, обладающий промысловой смекалкой и колдовскими способностями, а для волшебно-авантюрных сюжетов коми сказок характерным переходным моментом является погружение героя-охотника в стихию леса, в отличие от выхода в «чистое поле» русского богатыря. Как отмечают И.В. Ильина и О.И. Уляшев, в фольклоре коми охота приравнивалась к военной службе, столь же экстремальной (*выживание в суровых условиях, состязание в выносливости со зверем, удаленность от населенных мест, большие физические и психологические нагрузки*), а значит достойной поэтизации и эпизации стороне мужской культуры (3). Герой И.А. Куратова готов со сказочной легкостью снять шкуру с медведя, чтобы любимая могла, не опасаясь его, пасти свою корову, убить волка или лисицу для девичьей шубы с горностаевым воротником. Он и новую избу выстроит, и подати заплатит за бедных родителей девушки, и в меха их оденет, проявив почтение и заботу. Удальство молодого охотника проявляется не только в том, чтобы с легкостью убить медведя или волка, но и в том, чтобы угодить девушке-красавице: *быд бур вайны сэсь* (вӧрысь) *тэныд ошйысьны, тэныд козьнавны* (все хорошее принести из леса, чтоб перед тобой похвастаться, тебя одарить).

Герои И.А. Куратова живут в природе. Так, для юноши-охотника лес – это мир, в котором он чувствует себя легко и свободно: *ошкӧс аддзас кӧ, пасьсӧ кульыштас, сідзжӧ кӧинтӧ нюжӧдас, гӧныс ыджыдлӧн оз и вӧрзьыштлы, ветлӧдлігас тай джуджыд ягъясын кыз кер казялас керка кер вылад, нӧбыс топыд зэв, вывті сьӧктӧдӧм* (если увидит медведя, шкуру с него снимет, также волка растянет, шерстинка не дрогнет, а бродя по лесам, по высоким борам, приглядит на избу сосны толстые, мешок с промыслом у него туго набит). Красоте коми девушки уподобляются обитатели леса, т.е. лес очеловечивается, ему придаются человеческие черты: *лыяс байдӧгӧс, тэ кодь еджыдӧс* – буквально переводится как: у рябчика мясо бело, как тело у девушки; *кыяс колибӧс, тэ кодь гораӧс* – у соловья пение, как у девушки, звонкое, красивое, нежное. Обычно происходит наоборот, герои сравниваются с образами природы: *Югыд шондыӧй вӧд менам кӧч*

гӧн еджыд яей! Югыд шондыӧй вӧд менам намыр небыд яей! (Светлое солнышко ведь тело мое белое, как шерстка зайца! Светлое солнышко ведь тело мое нежное словно костяника!). Неразрывная связь зырян с окружающим их лесом – постоянная тема в очерках XIX века: «суровая душа вечного труженика под открытым небом из-за куска хлеба, не всегда бывает равнодушна к красотам природы. Много раз случалось нам видеть, как в часы отдыха зырянин предавался глубокой мечтательности, следя за убегающими облачками, закатом солнца, журчанием воды… Бывают минуты, когда отдается человек всеми своими чувствами… природе; при созерцании ее он совершенно отрывается от мира нашей человеческой жизни…, вглядываясь в спокойную деятельность другого мира, отдыхает на нем душою» (9, с. 46). «Уставши косить или жать (работа эта всегда не по сердцу зырянину), он идет отдохнуть в лес; то есть – пройти с винтовкою верст двадцать по трущобам и трясинам, пробиваясь сквозь чащу деревьев, где скачком, где ползком, с кочки на кочку, с пенька на пенек, и – возвращается к прежней работе бодрый и свежий» (8, с. 22). Юноша И. Куратова живет в круге своих интересов, и что бы ни делал он, все посвящено его возлюбленной. Девушка достойна самого лучшего и самого красивого, чем может одарить человека лес.

Искусство охотника предстает перед нами во многих произведениях устного народного творчества коми. Исследователи отмечают, что промысловая тематика обязательно присутствовала в обрядовых песнях коми. Так, например, находясь еще в колыбели, мальчик слышал песенные импровизации матери или бабушки, в которых ему предрекали судьбу удачливого охотника и рыбака: *Кӧр вӧтӧдан пӧ дай кокъяснад, Ур печгӧдан пӧ дай чуньяснад, Дозмӧр лыян пӧ дай синъяснад, Вӧрысь пӧ потшалӧмӧн вайысь, Ваысь пӧ пуръялӧмӧн камысь* (Ноги твои обгонят оленя, Пальцы твои проворнее белки, Глаза твои не проглядят глухаря, Охотничью добычу будешь доставлять притуженными возами, Улов будешь привозить плотами). Удачливость охотника и рыбака, называемого «*вӧрысь потшалӧмӧн вайысь, ваысь пуръялӧмӧн катысь*» (из лесу дичь притуженными возами доставляющий, с реки улов целыми плотами добывающий) часто подчеркивалась и в похоронных обрядах (7, с. 223).

Прося благословения у родителей, будущая невеста восхваляла промысловое умение своего отца:

Отечӧ менам родимӧйӧ,	Отец мой родимый,
Вӧрсьыс тэ вайлiн котыр койднад,	Из лесу приносил дичь всем выводком,
Васьыс тэ катiн чобоз койднад.	От реки ты приносил полной «мордою»,
Ва пыдӧсысь лэптiн,	Со дна реки доставал,
Быд пу йылысь кыйин,	С каждого дерева сбивал,
Пӧтка яйӧн чӧсмӧдлiн,	Птичьим мясом угощал,
Чӧскыд черiӧн вердiн.	Вкусной рыбой кормил.

Заметим, что стихотворение И. Куратова имеет явные переклички с такого рода величаниями. Обычно в величаниях восхваляют и жениха, и невесту. Изна-

чально функция величания соединялась с заклинательной магией: благополучие, счастье невесты и жениха, их родных представлялись реальными, уже наступившими. В поздних формах заклинательную магию в величаниях вытеснило выражение идеального типа нравственного поведения, красоты и бытового достатка вне связи с магией. У И. Куратова читаем:

Эз вош вӧрын зон, сійӧ вошӧдчис. — Не заблудился парень в лесу, он намеренно затерялся.
Вӧрӧ ылӧдчис быд бур вайны сэсь. — В лес ушел, чтоб все хорошее принести оттуда.
Тэныд ошйысьны, тэныд козьнавны. — Перед тобой похвалиться, тебя одарить.
Ошкӧс аддзис кӧ, пасьсӧ кульыштас. — Если увидит медведя, шкуру с него снимет.
Сідзжӧ кӧинтӧ, эн пов, нюжӧдас. — Также волка, не бойся, растянет.
Руч ку ваяс тэд шоныд пась вылад. — Шкуру лисью для шубы принесет.
Вурас юсь пукысь небыд вольпасьтӧ. — Сошьет из лебяжьего пуха постель мягкую.
Нӧбыс топыд зэв, вывті сьӧктӧдӧм. — Мешок с промыслом у него туго набит.

Отсылка к жанру величания позволяет воспринимать героев стихотворения «*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*» («Милая девушка, красивая куколка») как жениха и невесту. В песнях-величаниях создавались идеализированные образы девушки и парня. Коми поэт также поэтизирует своих героев. То, что поэтические портреты молодой девушки и юноши-охотника созданы с помощью изобразительных средств, аналогичных фольклорным, уже отмечалось литературоведами. Так, В.А. Латышева выявляет в тексте И. Куратова народные тропы и фигуры: эпитеты – *мича акань* (красивая, ясная), *муса ныв* (милая), *еджыд морӧсыд* (белая грудь твоя), сравнения – *байдӧг, тэ кодь еджыд* (куропатка, как ты бела), *колиб, тэ кодь гора* (соловей, как ты звонок). Метафоры, изображающие удаль молодого охотника, также выразительны: *ош ку эшкынӧн кутан шебрасьны* – из медвежьей шкуры одеялом будешь укрываться, *сьӧдбӧж куӧн тэ пондан тупкысьны* – горностаевой шкурой будешь укутываться, *мырпом сикьтъяс кӧн тэныд висьталас* – морошковые места тебе скажет; *чӧскыд пызансьыс юкас нянь-совсӧ* – с вкусного стола разделит хлеб-соль; *тӧдмалан бур сьӧлӧмсӧ* – узнаешь его доброе сердце. Метафоры эти несут оттенок национальных специфических охотничьих занятий (10, с. 48).

В стихотворении И. Куратов сумел воспроизвести в повседневных будничных фактах яркий и поэтический образ крестьянина-охотника, типичного для коми народа. Коми охотник живет в круге своих интересов, и его представления о достатке, удальстве и отваге непосредственно вытекают из этих ценностных ориентиров. Благосостояние всей семьи обеспечивалось промысловой добычей, что не раз подчеркивалось в пословицах и поговорках: *вӧрыд миян – вердан-вердысьыс* (лес – наш кормилец и поилец), *гӧсьтлы сетан – кыйсигӧн босьтан* (на гостей израсходуешься – вернешь на охоте), *вӧрад-ваад быд бурыс эм* (в лесу, в воде всякого богатства много). Он крепко стоит на своих ногах, значит, сумеет позаботиться о своей любимой и ее родных, следовательно, готов жениться. Отметим, что в стихотворении юноша-охотник гораздо активнее героини и на протяжении всего стихотворения (это почти

двадцать девять строк из тридцати четырех) является действующим лицом, что выражается в преобладании глаголов, относящихся к действиям молодого человека. Однако его образ становится объемным, а характер убедительным через косвенное сопоставление с девушкой. В подтексте стихотворения содержится вопрос: **какой человек должен быть мужем девушки-красавицы**. По мнению коми поэта, именно такой, как герой произведения «*Муса ныланӧй, мича аканьӧй*» («Милая девушка, красивая куколка»), достоин этой молодой девушки. Что бы ни делал герой стихотворения – юноша-охотник, все это посвящено девушке, ее родителям и будущей совместной жизни: *мынтас айыд пыдди вот, ньӧбас шань пиццаль, сетас Катыыссӧ, пӧрысь мамыдлы вурас китайка, чӧскыд пызансьыс юкас нянь-совсӧ, эмбуралас – и водзӧ оз вунӧд*. Девушке-красавице остается только лишь принять все эти «подарки» и единственную плату уплатить молодому человеку – это отдать ему свое сердце:

Сӧмын колис со, муса ныланӧй,	И останется только лишь, милая девушка,
Тайӧс босьтны тэд, мича акньӧй!	Все эти подарки принять тебе, красивая куколка!
Таысь ӧти нед зонлы мынтыны,	И за все за то заплатить одним –
Сетны сьӧлӧмтӧ еджыд морӧссьыд!	Сердце парню отдать из белой груди.

Образы парня и его возлюбленной в стихотворении взаимодополняют друг друга и в пределах стихотворения образуют одно единство.

В заключение отметим, что стихотворения И. Куратова объединены не только темой молодости, но и темой поэтического осмысления народного понимания значимости брака и семьи. Именно семья, любимый человек и являются счастьем. Человек в одиночестве – полчеловека, следовательно, надо обзавестись другой половиной и родным кровом. Семья является средством достижения полноты личности. Коми поэт говорит со своим читателем о том, что необходимо в жизни человека для того, чтобы обзавестись семьей, какими чертами характера должен обладать глава семейства, чтобы обеспечить своих родных и близких ему людей. Будущее героев остается за строками И. Куратова, герои должны сами выбрать его, но поэт не остается безучастным к судьбе достойных счастья молодых людей и сулит им счастливую семейную перспективу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. – М., 1999.
2. *Бернштам Т.А.* Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991.
3. *Ильина И.В., Угяшев О.И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. – Сыктывкар, 2009.
4. *Латышева В.А.* Анализ одного стихотворения: «Том зон» («Юноша») И.А. Куратова // Тайӧ сьылӧм – коми олӧм. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс / В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы. – Сыктывкар, 2008.
5. *Плесовский Ф.В.* Свадьба народов коми. – Сыктывкар, 1968.

6. *Вулих Н.В.* Поэзия добра и света. Лирика И. А. Куратова и некрасовская школа. – Сыктывкар, 1994.

7. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. – М., 1983.

8. *Михайлов М.И.* Промыслы зырян Устьсысольского и Яренского уездов Вологодской губернии // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века. – Сыктывкар, 2010.

9. *Арсеньев Ф.А.* Зыряне и их охотничьи промыслы // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века. – Сыктывкар, 2010.

10. *Латышева В. А.* Фольклор в поэзии Ивана Куратова // Классики и современники. – Сыктывкар, 2005.

Lydia Surnina

THE THEME OF YOUTH IN THE I.A. KURATOV'S POEMS

The author analyzes the poems of I.A. Kuratov «Boy» and «My dear girl, a beautiful nymph» united by the theme of youth. Works are built as a poetic treatment. Komi poet turns to one man, reveals specific character, but in created art world it is reflected not a common fate, but the image of a young couple. In poems the popular understanding of the importance of family is poetically interpreted. According to the Komi poet, the family is a means of achieving physical and intellectual maturity, happiness, mental and spiritual fullness – complete personality. Narrating the poems is not personified in full, is not named, but at the same time has the emotional and moral self-determination, it appears a person of great life experience, knowledge of the traditions, and calling for their characters to life in the tradition of the people.

СООБЩЕНИЯ

Людмила Сахарова
Киров

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЯТСКИХ МАРИЙЦЕВ В 1920-е – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Вятская губерния в начале XX в. являлась одной из крупнейших по численности населения губерний России и отличалась своеобразным этноконфессиональным составом. Всего в губернии проживало 3 306 802 человека, из них: православных 3 044 325 человек, единоверцев – 8 799, раскольников – 104 523, магометан 136 048 человек, язычников 11 553, прочих 1 554 (1, с. 547). Под понятием «язычники» понималось финно-угорское население, исповедовавшее традиционную марийскую, или удмуртскую религии.

Первые десятилетия советской власти очень противоречивый период в религиозной жизни марийцев и удмуртов, проживающих на территории Вятской губернии.

Период атеистической политики советского государства породил две тенденции развития религиозного сознания у населения, исповедовавшего традиционные религии марийцев и удмуртов. Первая тенденция выражалась в постепенном развитии атеистического сознания у значительной части данной группы населения. Вторая тенденция выражалась в процессе демонстрации приверженности к традиционной вере предков в связи с ослаблением миссионерской деятельности Русской православной церкви в регионе.

Целью данной работы является анализ проявления тенденций развития религиозного сознания в среде марийского населения Вятки и противоречий, возникших в религиозной жизни марийского населения в данный исторический период.

В период новейшего времени условно можно выделить три этапа развития религиозного сознания у марийского населения Вятского региона:

– 1917–1920-е гг. – попытки возрождения традиционных верований марийского народа в период активной борьбы государства с религией и Русской православной церковью, осуществлявшей ранее активную миссионерскую деятельность по приобщению марийского народа к православию;

– 1930-е – середина 1980-х гг. – скрытое сохранение традиционной марийской религии в условиях светского атеистически ориентированного государства;

– с середины 1980-х гг. до настоящего времени – период возрождения традиционной марийской религии в условиях демократизации политики российского государства в отношении религии.

В первые годы советской власти в Вятском регионе отмечалось усиление политической активности марийского населения. Одним из главных вопросов в среде вятских марийцев был религиозный вопрос. В середине марта 1918 г. в Уржумском уезде состоялся съезд марийских священников и лиц, исповедующих наряду с православием традиционную для марийцев веру. Основными вопросами для обсуждения на съезде были: «Что делать марийцам в свете нового конфессионального законодательства – продолжить оставаться в двоеверии, или выйти из православия и исповедовать национальную веру? Прежнее законодательство принуждало марийцев выполнять обряды православной церкви, фактически же они ревностно исповедовали национальную веру» (2, с. 4).

В результате работы съезда были приняты следующие решения:

– всем православным марийцам, фактически исповедующим национальную веру, ходящим в мольбище (кюсото), выйти из православия и держаться веры своих отцов, если православие для марийцев «не по душе»;

– веру марийцев назвать национальной верой (мари вера), упразднив название «язычество», так как язычники поклоняются идолам и видимым предметам, а марийцы почитают невидимого создателя за каждое его творение и чудеса;

– образовать религиозно-национальный союз в селе Сернур и общинные духовные советы в разных местах уезда (2, с. 4).

Советское правительство в целях завоевания авторитета национальных меньшинств («нацмен» – советский термин) первоначально поддержало инициативы марийского населения. Органы советской власти на местах руководствовались следующими инструктивными положениями :

– показать негативные стороны царского правительства по отношению к марийцам и их традиционной вере;

– сформировать уверенность в том, что советская власть поддерживает прогрессивное развитие марийского народа, «тщательно избегнуть миссионерской критики язычества», «увязав их критику с критикой православия» (3, с. 389).

Жалобы в центральные органы власти по вопросам религии разрешались для марийцев чаще в положительную сторону, в отличие от старообрядцев (4, с. 106).

Органы советской власти на местах быстро констатировали рост интереса к традиционной марийской религии: «В Тотсольской волости Яранского уезда в декабре 1926 года марийцы в честь сбора богатого урожая принесли жертву богу: закололи жеребца стоимостью в 250 рублей, быка – 40 рублей. Теленка – 35 рублей, десяток уток на 15 рублей, 10 гусей на 15 рублей, использовали два пуда масла на 50 рублей и семь пудов солоду. Принесли жертву богу примерно на 550 рублей» (5, с.393, 396). Другой пример демонстрирует оценку органов советской власти в Уржумском районе, связывающих возвращение к традиционной религии марийцев с недостаточным образовательным уровнем населения: «Марийская масса в связи с отделением церкви от государства откололась от православия. Большинство мари

стали ходить в рощу и поклоняться своим богам. Среди них легче вести антирелигиозную работу. Среди них до сих пор существуют суеверия, знахарство, ворожба, колдовство. Марийцы прежде чем обратиться к медперсоналу, обращаются к своим знахаркам, бабкам, ворожейкам, которых в деревне по 2–3 человека» (5, с. 95, 96).

Комсомольские органы отмечали недостаточную активность марийской молодежи в организации атеистической работы среди марийского населения: «марийские и удмуртские ячейки ничего не делают по борьбе с остатками языческих обрядов и знахарства. Незначительно распространен журнал «Безбожник» (6, с. 181).

Экономический ущерб от организации религиозных праздников и недостаточное внимание со стороны марийской молодежи к участию в реализации политики советской власти в середине 1920-х гг. привели к усилению внимания по реализации атеистической работы и среди марийского населения. Основные задачи работы по атеистическому воспитанию среди национальных меньшинств были сформулированы в тезисах ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР»: «Перед безбожниками националами стоит новая задача в антирелигиозной пропаганде:разъяснение различия между понятиями национальности и религии. Духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий... Без учета этого обстоятельства антирелигиозная пропаганда может преломиться в сознании нации как пропаганда против национальности. Вести разъяснения корней и одинаковой сущности всех религий и наряду с этим оповещать в достаточной степени достижения антирелигиозной пропаганды среди других народов» (7, с. 389).

Со второй половины 1920-х гг. органы государственной власти берут курс на борьбу с религиозными предрассудками в марийской и удмуртской среде: «В антирелигиозной пропаганде нужно вести разъяснение сущности и корней всех религий как орудия порабощения трудящихся» (8, с. 212). Широко развивалась антирелигиозная пропаганда и агитация через средства массовой информации, прежде всего в таких крупных государственных изданиях, как журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник». Достижения эпохи индустриализации, направленные на улучшение жизни марийского народа, противопоставлялись религиозному невежеству, способствовавшему разорению хозяйственной жизни. В качестве эмоционального стимула, ориентирующего на отход от религии, были конкретные примеры из жизни марийских деревень: «В деревне Мироново (Яранский уезд Вятской губернии) после Октябрьской революции несколько передовиков зялись за организацию сельскохозяйственного товарищества. Начали дело с большим трудом. Приобрели машины, разные сельскохозяйственные орудия, обрабатывают землю, теперь урожай намного лучше. Старые, полуразрушенные дома перестраивают на новые – светлые, чистые. С помощью центра открыли марийскую школу 1-й ступени, на свои средства устроили в деревне красный уголок, наладили почтовую связь, выписывают газеты. Корреспонденции с мест отмечают, что так называемые луговые марийцы лучше поддаются культурному влиянию, чем горные марийцы (у которых более укрепилось православие), которые целиком во власти религиозных предрассудков» (9, с.11).

Со второй половины 1920-х гг. достаточно жесткой критике подвергается религиозность марийцев, исповедовавших и православие, и традиционную марийскую религию. В журнале «Безбожник» в 1927 году отмечался эксплуататорский характер религии: «Все эти жертвоприношения вместе с поборами православного попа, – в конец разоряют и без того бедное хозяйство рядового марийца. Попировав во времена молений до расстройства желудка, отдав «бачке» все, что ему понравится, мариец сидит потом целый год без мяса, на голодных харчах и открыто поругивает и «бачкиных богов» и своего Юмо: «Зря беруг – ничего не дают» (9, с. 11–12)

Религиозное воспитание постепенно заменялось советским, которое выражалось в «необходимости изучения национальной политики, родного языка, истории и этнографии, популяризации народного творчества» (5, с. 95, 96). Во второй половине 1920-х гг. марийская молодежь была организована в кружки: политический, сельскохозяйственный. Выделены селькоры. Издавалась стенная газета и высылались материалы в журнал «У илыш» (10, с. 35, 68).

Таким образом, краткосрочный религиозный ренессанс и попытка возвращения к традиционной марийской религии в первые годы советской власти закончились для вятских марийцев всеобщим «обучением безбожию» (11, с. 95). Верность же традиционной религии предков сохранялась в скрытой форме. Публикации антирелигиозной направленности, отражающие критику марийской традиционной религии, имеют историческую ценность в плане публикации многочисленных фотоматериалов, отражающих быт, особенности внешнего вида людей и жилища марийцев в начале XX в.

В целях изучения современного состояния традиционной марийской религии в Вятском регионе историко-культурным молодёжным научным обществом «Самобытная Вятка» совместно с объединением «Основы поликультурного общения» и Центром детского творчества с изучением прикладной экономики г. Кирова, кафедрой социальных наук Кировской государственной медицинской академии в период с декабря 2007 г. по май 2008 г. был проведён социологический опрос: «Религиозное сознание населения Кировской области».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью воссоздания максимально объективной картины современного уровня религиозного сознания населения Кировской области, в том числе и сохранения марийской традиционной религии. Значимость работы определяется и отсутствием такого рода информации по указанному региону.

Опрос проводился методом случайной бесповторной выборки населения в возрасте 15 лет и старше. При сборе социологической информации был использован метод формально-стандартизированного интервью, который допускает заполнение вопросника самим респондентом.

Было опрошено 1705 человек в городах Киров, Орлов, Уржум, Яранск, Белая Холуница, Советск, Кирово-Чепецк; в поселках Арбаж (Арбажский район), Ленинская Искра (Котельничский район), Лёвинцы (Оричевский район), Мураши (Мурашинский район), Даровской (Даровской район); сёлах Буйское (Уржумский район), Верхосунье (Сунской район); деревнях Безводное (Пижанский район), Мурино (Сунской район).

Для социологического опроса за основу была взята анкета, разработанная и апробированная в 2004 г. сотрудниками отдела социологии МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева под руководством заведующей отделом к.и.н. О.В. Орловой (12, с. 4–6).

Результаты исследования показали, что в начале XXI в. в Кировской области сохраняется традиционная марийская религия. Выяснилось, что из числа опрошенных:

– в равной мере соблюдаю и православную и языческую (марийскую) веру –1,1%;

– в основном соблюдаю языческую (марийскую) веру – 0,4%;

– соблюдаю только языческую (марийскую) веру – 0,4%. Из них 1, 3 % посещают молельные рощи (13, с. 266–280).

Несмотря на семидесятилетний период борьбы с религией, в Кировской области вера предков в марийской среде сохранилась.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сборник. – Киров: «Триада-С», 2002.

2. Известия Вятского губернского ком. Совета крестьянских и солдатских депутатов. 1918 г. 20 (7) марта.

3. Тезисы ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. // Сост. Л.С. Гатагова и др. – М.:РОСПЭН, 2005.

4. *Ворончихин А.Е.* Борьба коммунистической партии за осуществление ленинской политики по отношению к религии и церкви в период 1917–1920 гг. (на материалах Вятской губернии): Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1972.

5. ГАСПИ КО (Государственный архив социально-политической истории Кировской области). Ф. 452. Оп.1. Д. 95.

6. ГАСПИ КО. Ф. 452. Оп.1. Д. 65.

7. Тезисы ЦК ВКП (б) «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР» // Тезисы ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. // Сост. Л.С. Гатагова и др. – М.: РОСПЭН, 2005.

8. ГАСПИ КО. Ф. 452. Оп.1. Д. 96.

9. *Адамович А.* Марийская область // Безбожник. – 1927. – № 37.

10. ГАСПИ КО. Ф. 452, Оп.1. Д. 73.

11. ГАСПИ КО. Ф. 452. Оп.1. Д. 93.

12. Религиозное сознание населения Республики Марий Эл / Научно-статистический бюллетень / Редколлегия: В.И. Шабыков (отв. редактор), С.Н. Исанбаев, Е.А. Ожиганова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, 2005.

13. *Поляков А.Г.* Современная этнорелигиозная ситуация в Кировской области // Религии народов Вятского края: Учебное пособие. – Киров, 2009.

Lyudmila Sakharova

RELIGIOUS LIFE OF VYATKA MARIS IN THE 1920S AND EARLY 30S OF THE XX CENTURY

Article focuses on trends of religious consciousness of Vyatka Maris from 1920's to the early 30-ies of the XX century. During the atheistic policy of the Soviet state it was characterized by two trends: 1) it is expressed in the gradual development of atheistic consciousness of many people, and 2) it is expressed in a demonstration of commitment to the traditional faith of their ancestors due to the weakening of the Orthodox Church in the region. However, short-term religious renaissance and attempt a return to traditional religion ended for Vyatka Maris by «teaching atheism». Allegiance to traditional ancestral religion persisted in a latent form.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Мария Пенькова
Йошкар-Ола

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ О СИУХИНСКОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ЕГО ОКРУГЕ
(по материалам экспедиции)

В отличие от других районов Республики Марий Эл на территории Горномарийского района не сохранились действующие в настоящее время старинные молельные места, древние святилища, жертвенники и т.п. Однако местное население еще хранит память о том, что «когда-то давно, в старину» там проходили разного рода моления. Понятно, что вся бытующая в народном словесном обиходе информация носит обрывочный характер, но собрав еще оставшийся общий материал и проанализировав его, можно получить интересные сведения, которые могут способствовать более точной характеристике изучаемых памятников. Одним из таких является Сиухинский археологический комплекс, который официально известен с 1934 года. Первые масштабные раскопки были проведены Марийской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова в 1958 г. Последние раскопки прошли в 2009–2010 гг. под руководством Д.Ю. Ефремовой. К сожалению, единственными упоминаниями о представлениях местных жителей, связанных с Сиухинским комплексом, являются лишь археологические записи. В связи с этим летом 2007 года была проведена полевая работа, основной целью которой стал сбор фактического материала по обрядности рассматриваемой округи, а также определение основных божеств – сохранились ли в народе их названия, которые были зафиксированы просветителями XIX века. Так, в работе школьного учителя И.Я. Молярова из села Кузнецово встречается описание «старшей» керемети Акпарсовой земли – *«Юнга киртни вадж»* (1, с. 254). Местоположение этого мольбища совпадает с рассматриваемым нами памятником: «…от устья Юнги, или села Покровского и Троицкого в расстоянии около трех верст к югу, на восточной стороне Юнги, а от околотка Сиухина около полуверсты». По поводу того, каким богам посвящено данное мольбище, он писал, что, по мнению черемисов, хозяин или дух этой керемети был будто бы храбрый конный воин, а потому более приносили в жертву хороших лошадей, жеребцов… потому, дескать, что конным воинам надо лошадей. Такую же привязку к местности дает в своем труде и священник Гавриил Яковлев: «Главная роща кереметей кюрня-водож и Кыр-сир была у берега реки Юнги, повыше Троицкого Посада версты на 3 или 4» (2, с. 83).

К сожалению, до настоящего времени среди местного населения не сохранились даже имена этих древних божеств. Из-за ряда причин, главной из которых явилось масштабное распространение среди горных мари христианских учений, хватило ста с небольшим лет для того, чтобы они практически полностью были утрачены местным населением.

В экспедиции мы выделили в собранных народных рассказах 2 тематические линии, связанные с данным старинным жертвенником.

К первой линии отнесены рассказы, непосредственно связанные с Сиухинским памятником и его округой, в частности, деревней Сиухино.

Вторая – это народные рассказы о так называемых «чудесах», происходящих вокруг данной местности, которые по тематическому составу и жанровым особенностям целесообразно отнести к жанру быличек (русскому термину «быличка» соответствуют марийские народные названия «ужмо-колмо» (об увиденном и услышанном), «лӱдыкш» (страхи), «ия ужмо нерген ойлымаш» (рассказы о встречах с чертом, с нечистой силой) (3, с. 17).

В большинстве случаев информанты строили свое повествование следующим образом: древнее (старинное) место – раньше там молились – кому, неизвестно. Одним из немногих отличился респондент Мочалов Филимон Константинович, 1938 года рождения, уроженец д. Сиухино, давший наиболее полную личную версию о мольбище:

«Цӧклӹмы вӓрӹшты перви постарнат ылын и ышкалвлӓм, вольыквлӓм шӹшкӹлӹт, качкыт ивӓреш, празньык постол ылын видны. Маналтеш тидӹ видны ылын – Йымы ыдыллмы вӓр. Тылым олтат ылын, нӓнгенӹт шуран вольыкым, шуран тӓгӓвлӓм. Тӹшток шӹшкӹлӹнӹт, панежӹнӹт, качкыныт. Степан Разинӹн кладшы ылын тишты видны. Шӹргӹ ылын тишты кого. Тӹштӓкен оксам таен, цилӓ казнам. Йыл гӹц мӹндӹрны агыл, тӹ вӓрышкок шӹлӹт ылын видны, как убежище ылын, шӹргӹ кого. Ямын тӹ клад маныт, кырык ӓнгыштет тӓ вӹдӹш кеен, тӓ тагыш» (4, с. 16). («На молельном месте в старину собирались вместе люди и резали скот, коров резали, все вместе потом кушали, устраивали там что-то вроде праздника, видимо. И называлось все это местом для поклонений Богу. Разжигали костры. Приводили рогатый скот, в том числе и баранов. На этом же месте их и резали, и варили, и ели. Видимо на этом же месте был спрятан клад Степана Разина. Стоял там большой лес. Спрятал он там большие деньги, всю свою казну. Место это находилось недалеко от Волги, лес стоял большой, поэтому там же и люди прятались. Клад был зарыт на берегу реки и, видимо, его потом смыло водой, куда он пропал – никто не знает») – (здесь и далее перевод наш – М.П.).

Также интересные сведения были получены от другого информанта – Матюкова Александра Алексеевича, 1933 года рождения, уроженца д. Сиухино: *«Первижӹ маным веле колынам, что тӹшкӹ вольыкым нӓнгенӹт, жертвуенӹт, именно шураным, крупный вольыкым, манеш ылӹы ӓтям. Шаям шайыштеш веле тошты марыным. Кого пад, угощаенӹт сола йӓлӹм. Шуран вольык лижӹ*

манеш ыльы доко. Экспедици толын ыльы. Ыльнам бригадир. Эдемвлӓм пуэнӓм ыльы капаяш палшаш. Нимат моделыт, кевы. Келгӹм капаенӹт ыльы, кырык неркӓм цилӓ. Как будто Разин эртен, золотом коден. Изивлӓ мӓ со кӹчӓл каштына... Кырык марынвлӓ Кереметлӓн кымал кердделыт. Мӓмнӓн сразу христианский религи лин. Цӓрлӓ марывлӓн веле улы» (4, с. 20). («Я только слышал о том, что на старое молельное место в древности водили и жертвовали скот, исключительно крупный рогатый скот, говорил отец. Рассказывал мне о том, что слышал он в детстве от старших. Там ставили большой котел, угощали всех деревенских. Жертвовали только рогатый скот. Приезжала сюда экспедиция. Я работал бригадиром. Выделил людей им в помощь, на раскопки. Ничего не нашли, уехали. Копали глубоко, саму возвышенность. Говорили, как будто здесь Разин проходил, оставил золото. Мы маленькими все время искали его… Горные марийцы не могли поклоняться Кереметю. У нас сразу главной стала христианская религия. А вот у луговых марийцев это есть»).

Вся собранная информация строится на подобных обрывочных сведениях местных жителей. К примеру: «*Цӧклӹмы нерӹшты оксавлӓ, шӧртньӹвлӓ улы маныт ыльы, иктӓт кеделыт, капайыделыт, тӓ лачок, тӓ агыл, капаяш ак яры техень вӓрвлӓм манмым колынам. Мӓлӓннӓ нимат попыделыт, пиш тагынамшы вӓр тидӹ»* (4, с. 19). («На молельном месте, говорили, имеются деньги, золото. Но никто не ходил, не копал, нельзя трогать такие места, говорят. Это очень древнее место. Но никто ничего про него не рассказывал»). Или: «*Цӧклӹмы нерӹшкы народ кеӓ, кого падым шолтат ылын, вара тӹшкы кого ӱшкӱжӹм нӓнгеӓт, кого ӱшкӱжетшӹм шӹшкӹлӹнӹт, иквӓреш йӱнӹт, качкыныт, веселӓенӹт, кого пӓшӓ пӹтӹмы годым. Ти сола халык веле каштын. Ош тыгырым чиэн-чиэн толыт ылын манеш»* (4, с. 24). («На молельном месте собирался народ, ставили большой котел, разводили костер, жертвовали большого быка. Затем все вместе ели, пили, веселились, ходили туда по окончании больших работ, говорили. Ходил только местный народ, жители нашей деревни. Одевались в тот день в чистые, белые наряды»).

У местных жителей нет четких культовых представлений, связанных с данным мольбищем, однако собранный материал свидетельствует о том, что оно табуировано, к нему относятся с почтением, уважением, нередко – с легким опасением.

Если жертвенник у деревни Сиухино предположительно можно считать молельным местом территориального значения, куда приходили молиться жители всей округи, то в самом населенном пункте находилось небольшое молельное место деревенского значения, куда ходили только жители данного селения:

«*Сухин – тошты сола. Рекӓ ылын, седӹндон вазалын тишты мӓмнӓн населенижы. Вӹдсӹнзӓ, и часовня гань маналтеш, сагажы кож шалген, кожышты – икона, тӹшкы со кӹшкенӹт оксам. Ясы лиэш эдем, видимо, тӹдӹм лицӓш маныи тӹшӓкен кодат ылын оксам. Сартам чӱктенӹт ылын. Ханга тореш ылын, кид шомы вӓрӹшты. Кӹзӹтшы ам пӓлы, оксам кӹшкӓт ли, аген ли,*

первижы шӹрен ужмы» (4, с. 16). («Снухино – древняя деревня. Рядом протекала река, поэтому здесь наши предки и обосновались. Стояла здесь часовенка рядом с ключом. Рядом ель росла, на ели – икона, в этом месте оставляли деньги. Здесь же зажигали свечи. Если заболеет человек, приходили сюда, оставляли деньги. Поперек ствола была прибита доска, можно было рукой достать. Сейчас на том месте деньги вроде уже не оставляют, а раньше часто можно было видеть»).

Другой информант рассказывает о подобном: *«Солаштыжы кож доцын оксам постарат ылыы балуйышывлӓ, ак яры гӹнят, Гаврош со нӓлеш ылыы, картла мадеш. Шукердӹ агыл ылын, кӹзӹт веле бросаеныт. Тӹш шукыжок ӹдӹрӓмӓшвлӓ каштыт ылыы. Сартажым тишитенжок кодат ылын, иктӹ-кок-ты ужалтын. Пижӹктӹделыт. Оксам кӹшкӹлтӹныт. Вӹдлӓн кеен коденӹт, йори каштыныт ли»* (4, с. 20). («В деревне у ели лежали деньги, которые нельзя было трогать. Некоторые не боялись, брали их, например Гаврош баловался, в карты любил играть. А трогать эти деньги нельзя, взрослые не велели. К этому месту чаще женщины ходили. Свечи оставляли, одну-две видел, помню. Их не зажигали. Деньги оставляли, из ключа брали воду. Долго это продолжалось, только сейчас бросили этим заниматься»).

Следующий информант:

«Вӹдсӹнзӓ ылыы лапышты, кӹзӹтӓт тӹшец намалыт, тӹшты веле вӹдшӹ яжо. Кож ылыы, кожышты – кресты кечӓ ылыы, тӹшкӹ оптат ылыы оксам. Иктӓ лу шӓш ылынна. Ӱлӹкӹ, тӹнгӹшкӹ. Сартам ужделам. Кож кого ылыы, вара мардежеш урын валеи, кывам пилӓш моло цацен. Ак яры ылын, нинӹ пӓлӹделыт. Вара пырахенӹт. Шӱн вара тӹшакенок. Тӹ кож докы тишецӹн веле каштыныт, йӓлӹм, ужделна. Вараат оксавлӓм кӹшкӓт ылыы тӹшкӹ, кож тӹнгӹшкӹжӹ. Ясывлӓ годым оксам пиштӓт, попат ылыы, тӧрлӓнӓт вара. Война якте ылын ти пушӓнгӹжӹ» (4, с. 18). («В деревне ключ, воду и сейчас берут оттуда, только в том месте она чистая, хорошая, вкусная. Стояла ель. На ели висел крест, клали деньги вниз, к стволу дерева. Помню, было мне лет десять. А свечи я не видел. Потом дерево повалил ветер, моя тетя еще хотела его спилить на дрова. А трогать дерево нельзя. Узнав об этом, она его оставила. Так потом ель и сгнила. К этой ели ходили только жители нашей деревни, чужих не видели. И потом, до войны, кидали к основанию дерева деньги. Во время болезни приходили сюда, оставляли деньги, просили, потом выздоравливали»).

По всей вероятности, это было женское молельное место локального значения, которое в настоящее время утратило свои древние функциональные особенности, но также почитаемо и тайно посещаемо местными жителями, чаще – женщинами.

Все сверхъестественные персонажи, так называемая нечистая сила, о которых рассказывает местное население, объединены в собирательном образе *Ий*. Персонаж *Ий* универсален – он несет в себе практически все функциональные особенности духов: и овинника, и водяного, и лешего, и домового. Как отмечает исследователь Лидия Тойдыбекова: «…Ия представляется опасным врагом человека… склонен к оборотничеству. Многообразие образов, в которые может пере-

воплощаться этот демон, свидетельствует о том, что *Иä* вобрал в себя всё имеющееся в жизни марийцев зло и стал обобщенным носителем злых человеческих качеств (3, с. 91).

Например: *«Иä сирӹшток ӹлä. Мä изинä годым попат ылы, конный дворышты, конюхат ужын видны, имни аржам плетä, манеш. Цилä имнижӹнӹм агеш, тӹдӹнӹм, кыдым ярата Иä, тӹдӹнӹм плетä ылын. Конюх цаклен, ужын. Техень изи äзä гань ылын видны иäжӹ. Кого ылде. Видимо, цилä вäреок перви иä ылын. Пӧртӹштӹ моло попат ылы, эче мä изинä годым, äзä моло мäгӹрä – Иä мäгӹртä манып ылы. Иä шудым вара шипкäш моло пиштät – техень сарикä шуды доко – вара ак мäгӹрӹ, тӹ шуды гӹц иäжӹ лӹдеш. Изи тетя лӹвäкӹ пиштät. Сарикä шуды, техень кужы ылы доко. Кӹзӹтшӹ ужделам, первижӹ, мä изинä ылмы годым, äвäм урда ылы тӹдӹм, ма керӓлеш кычылтеш. Кок шолаэм улы – шипкäш тетя лӹвäкӹ пиштä ылы, иä шуды манеш ылы. Ти Иä тетям мäгӹртä манеш. Кыды тетяжӹм ярата, манеш, кыдыжым мутя манеш Иä. Мӹнь ӹшкежӹ Иäжӹм ужделам, попымым веле колынам когорак эдемвлä гӹц. Вӹдӹштӹ ӹлӹшӹ Иäжӹ мижäн äнят. Цäрäнжок агыл»* (4, с.7). («Ия живет не только в воде, но и на суше. Мы были маленькими, слышали, как рассказывали, что на конном дворе конюх видел, как Ия заплетал в косы гривы лошадям. Не любой, а только той, которую любит и которая светлой масти. Говорили, с виду был он маленьким, как ребенок. В прежние времена, видимо, Ия были везде. В детстве, помню, младенец заплачет, говорили, что Ия его тревожит, заставляет плакать. Поэтому в колыбель, под ребенка, клали такую траву – трава Ия называли. Моя мать часто так делала и в доме всегда держала такую траву, использовала ее по мере надобности. У меня было два младших брата, помню, как она клала эту траву. Сейчас это растение не встречается, я давно уже не видел, помню, желтая такая, длинная трава. Говорили, одних детей Ия любит, других – тревожит, балует. Сам я не видел, слышал только, как взрослые говорили. А Ия, что живет в воде, наверное, волосатый, не совсем голый»).

Рядом с деревней Сиухино находится овраг, который в народе имеет два неофициальных созвучных названия. Одни его называют – *«Йӓн карем»*, что в переводе на русский язык означает «Ледяной овраг». Происхождение такого названия люди объясняют тем, что в том глубоком холодном овраге снег лежит очень долго, практически до конца весны. Другие определяют это место совершенно по-другому, объясняя происхождение названия оврага с обитающей там, по их мнению, нечистой силой, и называют его *«Иä карем»* (дословно – «овраг злого духа, нечистого»). Понятно, что одинаковое сочетание звуков в названии дает возможность существовать в словесном обиходе обоим вариантам, и само двоякое отношение местных жителей также не случайно – овраг глубокий, сырой, имеет вид довольно мрачный. Нельзя не отметить также еще один случай. Житель деревни Сиухино Зайцев Евгений, возраст – 40 лет, помогал археологам летом 2009 года, работая подсобным рабочим на раскопках. Он рассказывал, что, возвращаясь после работы в деревню около полуночи, в овраге его за ногу схватило, с его слов, неведомое

существо и со страшным смехом потянуло обратно вниз. Сам никогда не сталкивавшийся с подобными явлениями и никогда не верящий в подобные вещи, о которых нередко рассказывали старожилы его деревни, он страшно перепугался и вырвался, и с тех пор данный информант уже не отрицает слишком явно наличие, как он сам признался, «святости» древнего жертвенника у своей деревни.

В большинстве случаев духи, несущие функцию *Иä*, о которых рассказывают местные жители – это *келтӹмäш* (*шайтан, сытона, черт*) – черт, *тылваста* (*лываста, тыл ара, тыл мäнгӹ, пачан шӹдӹр, тыл пачан шӹдӹр, тыл шӹдӹр, тыл пач*) – огненный, а также общее собирательное – *худа* (*käньӹсӹр, шӹдӹ, лӱдӹш*) *ви* – нечистая сила и т.д. Самым распространенным является полифункциональный образ *тылваста* (огненный), в большинстве случаев имеющий вид огненного шара с длинным ярким огненным хвостом, огненного столба, маленьких огоньков, брызжущих ярким светом искр, одним словом, данный собирательный образ зла всегда соотнесен в быличках с огнем и ярким светом. Появляется *тылваста* в самых разных местах, регулярно виден в одном конкретном месте в определенное время, по мнению информантов, чаще всего залетает в облике мужчины к женщинам легкого поведения и просто к людям, ведущим безнравственный образ жизни.

Например: «*Пачан шӹдӹр улы. Техень тыл ара, ужынам. Имниэм, имним виденäм, шагал колтыш, цамажы сагажы, мӹшкӹржӹ лӹвäкӹ пырен кен. Тек тенге кен колтыш вет – им кенвацмымат ужаш лиэш – теве техень соты, цолт! Дытово лӱдӹнäм, страшно когон. Когон якшаргы агыл, соты ара. Первиэтшӹ когон гуляенӹт гӹнь, тӹдӹн докы пыра маныт. Льоксандр Лисавет док трубаш валымыжым ик папа ужын, манеш. Келтӹмäш манеш, тидӹ. Ти тыл ара вален кеä трубаш, пӧртӹш пыра эдем. Пӱэргӹ лин колта. Петр Марья, манына, соланаок, тӹдӹ ужын валымыжымат, лäкмӹжӹмät ужын, трубашкок тыл ара лäктӹ, манеш. Весӹвлäät шукын ужынат, шайыштыт ыльы*» (4, с. 3). («Есть огненный. Видела такой огненный шар. Ехала на лошади, лошадь моя остановилась, жеребенок рядом скакал, испугался, под мать залез. Пролетел над нами, и внезапно стало так светло, что можно было бы даже иголку на дороге увидеть, очень светло. Я страшно перепугалась. С виду был такой не очень красный, скорее, светлый шар. Говорили, кто ведет беспутную порочную жизнь, к тем людям он и залетал. Рассказывали, как одна деревенская бабка видела, что огненный залетал в трубу к одной нашей деревенской женщине Елизавете. Это есть не кто иной, как сам нечистый, сатана. Влетает в трубу и превращается в человека, в мужчину. Обратно вылетает такой же огненный шар. Жена Петра Марья видела, рассказывала. Многие видели»).

В устной прозе горных марийцев широко бытуют рассказы о так называемых «гиблых местах» – *«пӹтӹшӹ вӑр»*, дорогах со злыми духами – *«худа каштмы вӑр»*. Многими рассказчиками были приведены разного рода примеры историй о встрече со сверхъестественной силой непонятного происхождения.

В качестве примера:

«Худа вӓр маныт, Нужанал карем вуйышты, Йоласал дон Парнингӓш лошты, тӹштӓкен одне лӱдӹктӓ ылыы. Вуйта пиры лӓктеш, вара тама лин колта, тамавлӓм шайыштыт ылыы. Сола вуйышытына перекрёсток ылын, ӓтям тамавлӓм шайыштеш ылыы. Пырсам орола ылыы, тӹнӓм вет строго ылын, йыдвашт ороленӹт. Пижӹ сагажы. Пи манеш пыйхаш тӹнгӓлыӹ, пыйха веле сагаэм, йӹнгӹсӓ одне. Ма вара, манам манеш. Тавакем пижӹктӹшӹм манеш, скучна гӹцӹн. Лыды юк шакта манеш пӹтӓри. «Ма кӱн лыды вара йыдым сӓрнӓ?» – манам манеш. Ларт-ларт-ларт-ларт-ларт. «Кӱн вара ямын каштат?» – манам манеш. Лыды юк цӓрнӹш, арава юк шакташ тӹнгӓлыӹ манеш. Лыч-лоч, лыч-лоч, лыч-лоч. Сагаэмок манеш, корныжы мӹндӹрныӹ ӓгыл. Эртӹш манеш. Иктат ак кай, нимат уке, а арава юк шактен эртӹш. Техень годым Йымым обязательно ӓшӹндӓрет, тидӹ автоматически. Изиэм годым ӓшӹндӓрӓш төрӧк вӓрештӹн, Нужанал каремӹштӹ яммыкем. Кым гӓнӓ сӓрненӓм, вара анжалаш каштынам тӹ вӓрвлӓм. Мижгемӹм ял гӹц ялыш ваштaлтышым, шӱдӓт вуйта. Ямашок ямделам, лӓктӹм. Пачан шӹдӹрӹм ӓтямок ужын, попа ылыы. Йынгы вес сирӹштӹ киндӹм шыпштенӹт, оролен, ылын тӹштӓкен ӓн, кӹлте коштымы. Оролем, манеш, и ровно метеорит статян цул-л-л манеш валыш, тӹшецӹнок манеш эдем ашкедеш, ош выргемӓн. Лӱдӹм манеш, миӓш, ӱп куза, вуй кавашты кӹньӹлеш. Кеш, манеш, ашкедӹ. Тӹштӓкен ведьмырак ӹдӹрӓмӓш ӹлӓ ылыы. Техень докы веле толеш маныт ылыы, пачан шӹдӹретшӹ. Иктӓ кок цӓш эртӹш, со оролем манеш. Толмыжым шӹм уж манеш, цул-ул-л дӓ кузыш манеш. Пӧрт иӓ улы маныт ылыы. Конный дворышты иӓ имнивлӓн аржаштым куктен, плетен шӹндӓ маныт ылыы, каржангы яре. Колынам, попат ылыы, иӓ мыктен кузен шӹнзешӓт, манеш, цӹгӹлтӓрӓ маныт ӹшкӹмжӹм, вара имниэтшӹ йыдвашт ак амалы, навозым ташкен, чымен шӹндӓ, тувырталтыл шалга. Имни пӱжӓлт ижӹ шӹнзӹн, аржажат плетӹл шӹндӹмӹ, манеш, ӓтям попа ылыы, конюх ылмыжы годым, не иначе иӓ ылын манеш. Кӱ вара ӹшкӹмжӹм иӓжӹм ужын. Ам ынгылы вот, малын имнижӹ ак амалы, янгылен толеш гӹнят» (4, с. 20–21).

(«Про плохое место говорят – у деревни Нуженалы, между Еласами и Юнго-Пернянгашами находится, там все время нечистая сила плутает. Будто ходит там волк, потом превращается в темное пятно, исчезает, разное рассказывали. Около деревни имеется перекресток, про него отец рассказывал разное. Был он сторожем, сторожил горох, раньше же было очень строго, с ним собака часто ходила. Собака внезапно задрожала, взвыла, стала пятиться. Что такое, подумал отец. Чтобы прийти в себя, закурил, от скуки, говорит. Сначала, говорит, утка закрякала. Кря-кря-кря. «Откуда здесь быть утке?» – подумал он. Кряканье пропало, загремели колеса. А дорога пролегала рядом. Отгремело в стороне, говорит, уехали. Что это было, неизвестно. В таких случаях обязательно про Бога вспомнишь, это уже автоматически. Самому приходилось не раз вспоминать. В овраге у Нуженал я однажды заплутал в детстве. Не могу найти дорогу и все. Пришлось поменять валенки с ноги на ногу. Потом специально ходил посмотреть те места, ничего такого не обнару-

жил. А огненного еще отец мой видел, рассказывал. Возили зерно с берегов Юнги, он опять сторожил. Стою, говорит, и внезапно словно метеорит пролетел. Смотрит, а оттуда навстречу ему человек идет, одет в белое. Испугался отец, волосы дыбом встают, говорит. Прошел человек мимо. Там недалеко жила одна женщина, говорили, что она ведьмачила. К таким женщинам и прилетал огненный, считали. А отец ждал, часа два прошло, увидел, как мимо обратно пролетел светлый шар. Слышал, что есть домовые, что их прикармливают. Рассказывали, что на конном дворе Ия играет с гривами лошадей, вплетает чертополох. Говорили, что садится на лошадей и щекочет их, поэтому лошади всю ночь не спят, шумят, навоз копытами разбрасывают. Приходишь к утру, смотришь, лошадь стоит уставшая, взмыленная, грива у нее в косички заплетенная, не иначе, Ия был, рассказывал отец, когда конюхом работал. А увидеть Ия невозможно. Сам отец не так уж и верил в такие вещи, но все удивлялся, почему лошадь всю ночь не спит, хоть и сильно устанет за весь день»).

В заключение необходимо отметить основные способы оберегов от злой демонической силы, которые, по народным поверьям, отвратят беду, помогут уберечься от возможных несчастий. В рассказах их встречается большое количество, самыми распространенными и «действенными» являются следующие. При столкновении с духами, прежде всего, надо упомянуть Бога, перекреститься, прочитать молитву, надеть свои вещи наизнанку, поменять обувь с одной ноги на другую, не проявлять внешних признаков страха, закурить, начать браниться, ругаться, отказываться что-либо брать у них, ехать с ними, не едет лошадь – по-новому запрячь, снять и снова надеть хомут, закрыть глаза, сплюнуть три раза и сойти с плохой дороги, взлохматить (расчесать) свои волосы, также нечистая сила боится крестов, медных (латунных) вещей и т.д.

Итак, демонологические персонажи представлены как отрицательная сила, как антипод христианских взглядов людей, как обратная сторона жизни, отдельный мир, существование которого порой трудно отрицать. Естественно, что в настоящее время не каждый поверит и тем более будет бояться подобных рассказов о злых духах, в повествовании чаще могут проскальзывать скептические замечания и отрицание тех событий, о которых рассказывает информант. Тем не менее былички продолжают бытовать в устной среде народа. В них находит свое отражение своеобразная форма общественного сознания, характерная как для древних поколений людей, так и для современного человека.

Роль и значение древних культовых памятников на правобережье Волги сохранились вплоть до настоящего времени, потому что ценность их, с точки зрения простого населения, несомненна. Нельзя не согласиться с тем фактом, что у горных мари до сих пор бытуют отдельные традиционные элементы языческих воззрений, сохранившиеся среди населения в синкретичных видоизменившихся формах и хранящие в себе некий потайной смысл, чаще направленный в сторону демонологии. Культ поклонения различным духам в трансформированном виде продолжает свое существование и в настоящее время.

Таким образом, все представления местного населения, связанные с Сиухинским археологическим комплексом и его округой, синкретичны, тесно переплетены с демонологическими представлениями, основаны на убеждении, что данное мольбище хотя и утратило свое изначальное сакральное значение, все же является священным местом, которое, по мнению информантов, уже хотя бы из простого уважения к умершим предкам не следует осквернять. В дальнейшем на первый план встает перспектива работы по выявлению и фиксированию народных представлений, связанных с конкретными местами древних мольбищ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Моляров И.* Беседы к черемисам Кузнецовского прихода, кузнецовского школьнаго учителя Ивана Яковлевича Молярова // Известия по Казанской епархии. – 1873. – № 8.

2. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. – Казань, 1887.

3. *Тойдыбекова Л.* Марийская мифология. Этнографический справочник. – Йошкар-Ола, 2007.

4. МФЭ – 2007. № 197. МФЭ МарНИИЯЛИ. Материалы фольклорной экспедиции Пеньковой М.В. (Бассейн реки Большая Юнга. Горномарийский район Республики Марий Эл. 1–16 июня 2007 г.).

5. *Акцорин В.А.* Ӧрӹктӓрӹшӹ лӱдӹшвлӓ // У сем. – 1997. – № 7. – С. 135–145.

Mariya Penkova

FOLKLORE DATA OF SIUHINSKIY ALTAR AND ITS SURROUNDINGS (materials of the expedition)

Siuhinskiy archaeological site is officially known since 1934. The only mentions of views of local people, associated with the considered sacrificial complex, are only the archaeological record. In 2007 it was held folklore expedition, the main purpose of which was collecting evidence – of all possible data on the considered neighborhood rituals, collection of folklore reservoir, and definition the names of the major deities, enshrined first by educators of XIX century. Work has shown that the value of ancient religious monuments on the right bank of the Volga kept up to date. Based on the collected folklore material we can argue that the cult of various spirits in modified form continues to exist in the mountain Mari and now. Local representations related to Siuhinskiy archaeological complex and the surrounding areas, are systematic, well-located and are closely intertwined with demonological views.

Ольга Зиявадинова
Сыктывкар

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ В.Т. ЧИСТАЛЁВА

Тема взаимоотношений человека и окружающего его мира в творчестве В.Т. Чисталёва является одной из главнейших, она развивается в стихотворениях («Арьявыв» («К осени», 1921), «Кайла видзӧдла» («Поднимусь, взгляну», 1921), «Гожся лунӧ» («Летним днем», 1922), «Гожӧм пом» («Конец лета», 1922), «Тувсовъя» («Весеннее», 1922), «Ывлавыв» («Природа», 1922 и др.), в жанре миниатюры («Во гӧгор кытшовтӧм», «Поводдя вежсигӧн», «Тулыс воӧм», «Арся лунӧ»), в жанре психологического рассказа («Трипан Вась») (1, с. 261–270; 2, с. 357–363; 3, с. 86–89; 4, с. 109–117; 5, с. 181–185) в очерках, которым будет посвящена данная статья. В основе произведения «Шонді бердлӧм» («Затмение солнца», 1923) лежит документальная основа: автор отмечает в подзаголовке, что затмение солнца действительно происходило 4 апреля 1912 года, больше половины объема повествования занимает описание солнечного затмения, очевидцем которого и является персонаж-повествователь, оно представляет собой самостоятельный и законченный фрагмент текста. Персонаж-повествователь подробно описывает все изменения, которые предшествуют космическому происшествию, т.е выступает наблюдателем, точно фиксирующим изменения, которые происходят в ходе солнечного затмения на земле: «…Водзын, кор шондiлӧн саялома вӧлi коймӧд юкӧныс, сэки вӧлi лӧз югыд, сэсся пемдыштiс – рӧмыд лои, лӧзов руд. Аттӧ, кутшӧма вежсис гӧгӧр. Вуджӧръяс бырины…ставыс ланьгiс. Серниясн надзмисны. Лэбачъяс дугдiсны лэбалӧмысь, сьылӧмысь…» (6, с. 154). («Сначала, когда солнце было спрятано на три четверти, было светло, затем стемнело – стало смеркаться. Ах, как все изменилось вокруг. Тени исчезли…все утихло, разговоры приутихли…Птицы перестали летать, петь».)

Кроме того, повествователь характеризует состояние собравшихся посмотреть затмение солнца, таким образом высказывая свое отношение к происходящему: «…Надея вӧлi омӧлик видзӧдны шонді бердлӧм…Надея быри. Войдор быдсӧнлы быттьӧ шемӧс вӧлi, сэсся унзiль лои. Весиг лов шы оз кыв, некод оз шыась. Эштiс, кокньыда лолыштiсны быдӧн.» (6, с. 154). («Была лишь небольшая надежда увидеть солнечное затмение», «надежда иссякала», «сначала всем было удивительно, потом стало сонливо», «не слышно ни души, никто не откликнется», «свершилось, каждый вздохнул с облегчением) (Здесь и далее перевод подстрочный наш – О.З).

Художественно-публицистическое произведение «Кер пӧрӧдӧм» («Рубка леса», 1921) начинается обращением к читателю: «Вӧлінныд-ӧ ті кузь пожӧм вӧра ягӧ? Аддзылінныд –ӧ, кыдзи кер пӧрӧдӧны, кыдзи ыджыд пу пӧрӧ? Тӧдлінныд –ӧ ті сійӧ гажсӧ?.. – Ох!» (2, с.156). («Бывали ли вы когда-нибудь в длинном сосновом бору? Видели ли как рубят лес, как падает большое дерево? Знакома ли вам такая радость? Ох!»).

Лирическое начало, которое проникает в произведение автора в форме открыто звучащего голоса повествователя, эмоционально окрашено, выражено восклицанием. Затем дается подробное описание, как добраться до леса, как выбрать нужное дерево, как его правильно срубить, как погрузить бревна и т.д. Жизнь коми крестьян регулируется природно-трудовым циклом, в соответствии с которым основное время лесного промысла – осень и зима, в этот период повседневные заботы деревенских жителей предопределены: подготовка к открытию сезона, лесозаготовительные работы.

Изображая столь, казалось бы, привычные для коми крестьян будни и житейские хлопоты, автор вводит в текст миниатюру – размышление о вековом лесе, поэтизируя его и в то же время скорбя о нем: «Югдӧ. Лӧз тӧдчӧ ягын. Сулалӧ-вуграл ӧ вӧр. Оз шыӧдчы, оз вӧрзьы – чӧв. Нэмӧвойся сывтыръя пожӧмъяс. быттьӧкӧ дзор багатыръяс, кыз броня кышаӧсь, орччӧн-орччӧн сувтомаӧсь, сынисадь узьӧны. Кымын тӧв и гожӧм нин найӧ нэмъясын вӧліс! Кымынысь нин кынмывліс-унмовсьліс тӧв кежлӧ вӧр, садьмывліс-шувгъліс тулысын! Сулалӧ-узьӧ, виччысьӧ тулыс на бара. Оз и тӧд сійӧ, мый нэм помыс нин воӧма, узигкостіныс олӧмныс пуяслӧн эштас… Локтісны йӧз. Вӧлаяс, подаяс… Шызис сынӧдыс ягын. Чер шыяс калскӧны, пилаяс няжгӧны…Лӧзгӧны-порӧны пуяс… Оти, мӧд… уна нин водіс… Оз нин аддзывны пожӧмъяс тавося тулыс» (6, с.156–157). («Светает. Предрассветная дымка обозначилась в бору. Стоит – дремлет лес. Не откликнется, не шелохнется – тишь. Необъятные вековые сосны, словно седые великаны-богатыри в толстой броне коры встали рядами, спят мертвым сном. Сколько зим и лет видели они на своем веку. Сколько раз застывал в зимнем сне лес и просыпался – бушевал весной. Стоит в сонной дреме, опять ждет весны. И не знает он, что конец века его близок, спящие они и распрощаются со своей жизнью…Пришли люди. Конные, пешие…Растревожился воздух в лесу. Стучат топоры, визжат пилы. С шумом падают деревья… Одно, другое… Много уже полегло… Не увидят сосны нынешней весны».)

Взору повествователя открывается картина, выделяющаяся из основного текста произведения необычайной красотой, поэтичностью и трагизмом. Особый подбор лексики (предрассветная дымка, застывал в зимнем сне, просыпался-бушевал весной), обилие эпитетов, использование сравнений (вековые сосны, словно седые великаны-богатыри, в толстой броне коры) – все это превращает данную картину в «живую легенду», делает ее возвышенной и поэтичной. В то же время перед нами – сетование повествователя о том, что могучие сосны-богатыри будут уничтожены, срублены людьми, размышление повествователя о судьбе векового леса. Перед

нами не только детально выписанный, красочный, «зримый», но не в меньшей мере «звучащий» пейзаж («…Дремлет лес. Не шелохнется…Шумел весной…Лес наполнился звуками…»). Это одна из тех картин, которые можно назвать «самостоятельными», поскольку образ природы обретает в ней эстетическую самоценность и может «существовать» вне контекста.

В очерке «Ур йылысь» («Про белку», 1934) как законченные миниатюры можно выделить те отрывки, где автор описывает обитателей лесного царства – белку, клеста; он создает миниатюры об их повадках, внешности, отношении к человеку, условиях обитания. В данном тексте В.Т. Чисталёв создает в объективно-повествовательном стиле живописные описания осени («Ар») и зимы («Толо»), которые отличаются пластичностью, фактурностью, неспешной завершенностью картин, вниманием к деталям и к текущему мигу времени: «…Коли гожӧм. Увтасмис шонді, ассьыс ӧдъя вынсӧ сійӧ койис-лэдзис Войвыв муӧ се да вит лун чӧж! Эз сідз прӧстӧ, весьшӧрӧ лэдз: восьтліс юяс-ваяс, сывдыліс йиа море туй; чужтіс, быдтіс турунянь; быдтіс вотӧс, пуктас мортлысь…И нӧшта быдтіс сійо вӧр!

Быдмис, содтыштіс пу: ӧошта сантиметр-мӧдӧн тювгысис вывлань сылӧн йыв; нӧшта кызыштіс пу черйыс-керйыс ӧти миллиметр джын…

А вӧрын – поздысис, быдтысис пӧтка-зверь. Бордйыв кыптісны дозмӧръяс, сӧвъяммисны сӧола пиян, – вуж бердсянь пу йылӧ шпыррр… Вежӧ гӧнсӧ ур… И волі на уна, унатор!

Коли, майбыр, шоныд гожӧм.

Локтіс, лолыштіс ар. Нора ышловзис вӧр, киссьо-гылалӧ кор: кыдз пулӧн, пулӧн, сус пулӧн, мукӧдлӧн; гӧрдӧдӧ, вижӧдӧ, быгалӧ-кельӧдӧ… На бӧрся ниа ӧти гожӧмся лыссӧ тшотш лӧдӧ… Югыд ковер дора серон кыӧ-вольсалӧ подувсӧ раслысь, сорнича вӧрлысь. (Прӧстмӧдчӧны тшӧтш, кӧть и омӧля тӧдчо приметиттӧм синъяслы, и лыска пуяс – гылӧдӧны вочасӧн ассьыныс нель-вит-квайт восайся гӧрдов кос лысъяссӧ – пожӧм, сус, ньыв, коз…)

Сьӧлӧм нормӧдмӧн мича овлӧ вӧр «баба гожӧм» арся лунъясӧ: зарниӧн, шӧвкӧн пасьтасьлӧ медбӧръясьыс гожӧмкӧд прощайтчыны. Праздник паськӧмӧн вӧччӧма вӧр пу. Вӧччӧма-баситчӧма, майбыр, гожӧмӧс колльӧдны. Гӧрд кашемир дӧрӧма сулалӧ-зельӧдчӧ пипу; виж китайка сарапана, лым еджыд мыга орччӧн сыкӧд мыйкӧ вашкӧдӧ кыдз пу; нора копыртыштӧма соу пу би югыд пелысь тугъяса юрсӧ, джуджыд коз пу сайсянь мыччысиг; ылісянь тыдалӧ-янсалӧ ниалон зарни югыд кышӧд; вира чуньлысӧн ошалӧны жельнӧглӧн молъяс, и сергаа пув розъяс…» (6, с. 180–181) («Прошло лето. Солнце стоит низко. Своими силами оно делится с северным краем сто и пять дней. Не просто так посылало: вскрывало реки-озера, растапливало дорогу в ледовитом океане; выращивало хлеб и травы; ягоды, людские посевы… А еще оно растило лес!

Выросло, поднялось дерево: еще на сантиметр-другой стала выше его верхушка; еще на полмиллиметра стал толще его ствол… А в лесу гнездилась-размножалась дичь-зверье. Крепли крылья тетеревов, росли птенцы рябчика, – порхали с корней на дерево… Меняет окрас белка… Много чего еще было…

Прошло счастливое теплое лето. Пришла, дохнула осень. Жалобно вздохнул лес, падает-осыпается листва: у берез, осин, рябин; краснеет, желтеет, бледнеет… А после них и лиственница свою однолетнюю хвою сбрасывает… Пестрый ковер плетет-застилает землю рощ и смешанных лесов. (Освобождается от хвои, хоть и незаметно для простого взгляда, и хвойные деревья – сбрасывают красноватую хвою четырех-пятилетней давности – сосна, кедр, ель, пихта.)

Красивым до боли бывает лес осенними днями «бабьего лета»: в золото-шелка одевается, прощаясь в последний раз с летом. В праздничные наряды оделся лес. Приоделся-нарядился, чтобы проводить лето. В красной кашемировой рубахе стоит осина; с белым станом, в желтом китайчатом сарафане стоит рядом с ней, шушукается береза; жалобно склонила береза свою голову, выглядывая из-за высокой ели; издалека виден золотой наряд лиственницы; кровавыми наперстками висят ягоды шиповника, серьги брусничных гроздьев…»)

Описание наступающей осени пронизано поэзией – ощущением красоты и гармонии окружающего мира. Очарование данного описания в удивительном сочетании красок и необычайных световых оттенков. Здесь осенняя природа сама выступает в роли непревзойденного мастера. Основная мысль заключается в том, что природа – художник грандиозных полотен. Перед нами детально выписанный, красочный, «зримый» пейзаж; описание наступающей осени представлено во всем многообразии, временном движении. Подобные описания природы можно назвать, по терминологии К.К. Арсеньева, пейзажами – целыми картинами (7, с. 312); это описание природы как самостоятельного эстетического объекта и размышление о ней.

Коми прозаик акцентирует внимание в данных произведениях на «переходном» характере описываемых природных явлений, он обращает внимание и на всевозможные формы изменений в состоянии окружающего нас мира. В.Т.Чисталёв в вышеперечисленных текстах поэтизирует мир природы; по сути, впервые в коми прозе писатель создал живописное полотно – реалистическую, иногда с романтической окраской, летопись-эпопею о жизни северного леса, о жизни конкретного дерева в лесу, о животных, птицах, населяющих коми парму, об их отношении к человеку, друг к другу, живописно опоэтизировал разные времена года.

В.Т. Чисталёв в своем творчестве остро ставил проблемы сохранения окружающей среды. Заметим, что вообще ни один писатель в коми литературе, главным предметом осмысления которого была тема взаимоотношений человека и природы, не обошел вниманием названную проблематику. Писатель развивал природозащитный аспект в очерке «Природалы тӧжд» («Природе-заботу», 1934–1935), экологически ориентированным является рассказ «Сотчӧм» («Пожарище»), написанный в 1937 году. В очерке «Природалы тӧжд» автор ставит проблему ограничения охоты, в результате которой значительно уменьшается количество животных (лосей), говорит об исчезновении отдельных видов деревьев (кедр), писатель подчеркивает, что охрана отдельных видов животных, например, лосей, регулируется законодательством, для животных создаются заповедники и заказники. Он заключает, что государством должны охраняться не только лоси, а все виды животного мира, то есть ставит

проблему гораздо масштабнее ее практического решения. Размышляя об охране окружающей среды, автор приходит к выводу о необходимости экологического воспитания, которое должно проводиться в процессе школьного обучения.

В рассмотренных нами очерках В.Т. Чисталёва предметом изображения является природа, ее бесконечно многообразные состояния. Полнота изображения, объективность, предметность, цветовая яркость, четкая пространственная перспектива, игра света – это характерные черты очерковой прозы автора, передающие его неповторимость и своеобразие. Коми писатель поэтизировал мотив движения и придал ему философский смысл: движение в природе мыслится им не как механическое перемещение, изменение, а как взаимосвязь, взаимопереход явлений, переход одного качества в другое. Очерки «Шонді бердлöм», «Кер пöрöдöм», «Ур йылысь» являют собой типичную организацию описательной речи: последовательность, перечисление объектов наблюдения, смена форм движения, перемены состояния природы. Писатель разворачивает автономные пейзажи, подобно панораме, с массой предметов, эпитетов, перечислений, сравнений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиявадинова О.С.* Жанр миниатюры в творчестве В.Т.Чисталёва // Сыктывкар: Литературный альманах. – Сыктывкар, 2006.

2. *Зиявадинова О.С.* Основные тенденции развития темы природы в коми поэзии конца XIX – первой трети XX века // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2007. – №.1.

3. *Зиявадинова О.С.* Особенности этнокультурного мира коми: «Трипан Вась» В.Т. Чисталёва // Этнокультурное образование: опыт и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2011.

4. *Зиявадинова О.С.* Философия природы в коми поэзии конца XIX – начала XX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2009.

5. *Зиявадинова О.С.* Художественная философия природы в творчестве В.Т. Чисталёва // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей. – Сыктывкар, 2012.

6. *Чисталёв В.Т.* Олöм вояс. Бöрйöм гижöдъяс. – Сыктывкар, 1957.

7. *Арсеньев К.К.* Пейзаж в современном романе // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе. В 2-х т. – Спб., 1888. – Т. 2.

Olga Ziyavadinova

ARTISTIC REALIZATION OF THE THEME OF MAN AND NATURE IN PROSE SKETCH OF V.T. CHISTALYOV

The author considers the prose sketch of V.T. Chistalyov, where the main theme is the human and nature. Komi writer in his works poeticizes natural world. He was the first in the Komi prose created a painting – a realistic, sometimes with a romantic color, record-epic about the life of the northern forests, the life of a particular tree, animals, birds, their relation to man, he beautifully poeticized different seasons. Reflecting on environmental protection, the author comes to conclusion that environmental education should be in the process of schooling.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Майя Мамаева
Йошкар-Ола

МЕЛОДИКО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА НАПЕВОВ «СЕРНУРСКОЙ» СВАДЬБЫ

При обращении к сернурской свадебной традиции на первый взгляд кажется, что свадебных мелодий в ней мало. Представляется обычно, что сернурско-торъяльская свадьба, в отличие от моркинской. сопровождается лишь двумя-тремя свадебными напевами. Каталогизация и сведение воедино всех имеющихся в нашем распоряжении свадебных песенных образцов показало наличие довольно большого количества песенных мелодий свадьбы сернурско-торъяльской (северо-восточной) группы марийцев. Нами было рассмотрено 36 песенных образцов свадебных песен данной этнической группы. Эти песенные мелодии были записаны в разное время и в разных локальных подгруппах сернурской свадебной традиции. Большую часть из этого объема составляет собранный и расшифрованный нами песенный материал. Исследование свадебных песен показало, во-первых, довольно большое разнообразие мелодических образцов, во вторых, огромную роль мелодико-интонационной вариативности в рассмотренных песенных мелодиях. Наша задача состояла в том, чтобы определить закономерности мелодического стиля свадебных песен данной группы: обозначить основные мелодические типы, определить ладово-интонационные модели и по возможности выявить их генезис. Исследование мелодико-композиционной структуры корпуса свадебных песен позволило выделить две главные мелодико-композиционные структуры в данной свадебной традиции. То есть при наличии большого числа свадебных песен все мелодические образцы сводятся к двум основным мелодическим типам. Кроме того, определились также напевы, которые не сводятся к двум этим типам и которые являются вполне самостоятельными мелодиями, имеющими свои интонационно-композиционные особенности.

В целом весь общий корпус свадебных напевов основан на единой ладозвукорядной основе, так называемом **сернурском звукоряде** – гемитоновой пентатонике. Практически все свадебные напевы относятся к типу короткой мелодической формы. Музыкально-строфическая композиция – двустрочная мелострофа с характерной периодичностью и квадратностью построений. Отличие двух главных мелодических типов проявляется в особенностях мелодико-композиционного строения (в интонационном строе и принципах мелодического развертывания). Преоб-

ладающее большинство имеющихся в нашем распоряжении сернурских свадебных мелодий составляют первый мелодический тип: из более чем тридцати песенных образцов к нему относится свыше двух/третей всех рассмотренных мелодий. Данный мелодический тип представлен двумя вполне самостоятельными разновидностями, имеющими довольно значительные различия. Эти мелодические разновидности можно было бы выделить как самостоятельные мелодические типы, но в них общим является основной структурообразующий принцип, который их связывает.

Первый мелодический тип (имеющий, как уже сказано, разные группы напевов) представляет, по всей видимости, раннетрадиционный пласт свадебных мелодий данной этногруппы. Эти напевы выделяются своим узкообъемным звукорядом из 4 тонов в амбитусе квинты (звукоряд напевов: c-e-f-g, мы свели все мелодии к высотному строю с устоем **c**). Имеющийся в единичных образцах этого вида мелодий секстовый тон (звук **a**) является скорее вспомогательным колорирующим звуком (может также возникать вследствие более «вольного» или случайно-неточного исполнения напева). Музыкально-строфическая композиция этих напевов – двустрочная типа АВ, с четким членением на две разных мелостроки (предложения)*. Каноническим образцом (инвариантом) этого вида является образец, записанный нами в д.Шиньша Моркинского района (1988) (пример № 1). Такой вид строгой линии без украшений этнофоры называют *вияш муро*. Характерная черта архаического канонического образца – поступенность мелодического развертывания с отсутствием скачков. Схожие образцы данной мелодии содержат единственный скачок в конце 5 или в начале 6 такта.

Синтаксическая организация с повторностью двух сегментов имеет схему а $а_1$ в $в_1$(=к). Напев четко разделяется на два ладо-мелодических звена: первое построение (предложение) развертывается на высоте (уровне) кварты и всегда заканчивается на кварте, второе – на нижнем высотном уровне, завершаясь на тоническом устое. 5-й такт играет роль переходного (сцепляющего) элемента для двух ладовых сегментов звукоряда. Таким образом, прослеживается квартовая опорность ладовых звеньев. Данный тип мелодико-композиционного строения мы определяем как **тип высотно-регистрового смещения** (с сопоставлением построений).

Говоря об интонационном генезисе данного типа мелодий мы, безусловно, отмечаем, что он имеет волыночное происхождение. Близость волыночному характеру и типу интонирования проявляется в ладо-мелодической структуре и интонационном строе мелодических сегментов. Отмечается взаимосвязь с конструкцией марийской волынки с ее двумя игровыми трубочками. Два ладо-звукорядных звена четко соответствуют звукорядам двух трубочек: фа-соль – мелодической трубки, ми-до – басовой трубки волынки. С этой аналогией стыкуется и интонационная формула-модель обоих мелодических сегментов – а и в. Оба они имеют в основе

---

* Мы используем в анализе формы термин *мелострока* (строка), она масштабно равна предложению (муз.).

попевку с характерной повторностью тона (мы в рабочем порядке определяем такую интонационную модель как *пульсирующее интонирование*). Подобная репетитивная форма интонирования связана с характером звукоизвлечения марийской волынки. Еще одно обстоятельство – возвратно-симметричное строение мелодических сегментов (попевок) создает характерную покачивающую интонацию, которая изоморфна танцевальному покачиванию – *лӱнгымаш, лонгымаш*. Возникает параллель музыкального и танцевального элементов, что, безусловно, свидетельствует о древнем синкретизме этого комплексного наигрыша-песни-танца.

Характерная черта мелодий данной группы – их малая вариативность. Эти напевы исполняются в разных местных субтрадициях почти без вариантных изменений или эти изменения незначительны. Большинство образцов этого типа начинаются с квартового тона «фа». Есть часть мелодических образцов с небольшим варьированием, которые начинаются с квинтового тона «соль». Среди них мелодии из сборников И.Шабердина (1, с. 60, 61) и Д.Кульшетова (2, с. 335, 337) и запись из репертуара ансамбля «Пӧлек» Сернурского РДК (пример № 2). Реально указать, что данные мелодии – это различные исполнительские версии мелодического инварианта. Типичный прием варьирования здесь – мелкие ритмические дробления. Дробная ритмика данных напевов безусловно связана с более развитой многословой формой текстов песен.

Итак, анализ мелодий первого типа указывает, что этот напев и форма развертывания ладо-мелодической формулы – одна из самых архаичных даже в песенной традиции марийцев в целом. Мы считаем интонационный генезис мелодии – в инструментальном волыночном интонировании, при этом четырехзвучная шкала как бы делится на два звена (по два тона), соответствующие звукам двух игровых трубок волынки: соль-фа : ми-до.

В этой группе мелодий выделяется отдельная специфическая подгруппа, которая встречается гораздо реже, чем мелодии основной типовой разновидности. Ключевой опознавательной интонацией данных мелодий является начальная интонация с восходящим квинтовым скачком от нижнего опорного тона к квинте. Эта яркая интонация имеет тенденцию к повтору в мелодическом развертывании, повторяется в первой строке (предложении), иногда неоднократно. В остальном данная подгруппа напевов практически не отличается от мелодий основной группы, сохраняется тот же диапазон и та же мелодико-композиционная структура. Другой характерной чертой интонирования являются вариантные изменения в исполнительской манере, придающие этой разновидности песен особую колоритность. Такого рода вариантные изменения можно назвать декоративными, так как они не касаются мелодической основы, а являются декорированием отдельных мелодических попевок. Принцип декорирования заключаются в опевании основного тона вспомогательным (сверху или снизу, брошенным скачком), двойными вспомогательными сверху и снизу. Стандартный образец этой разновидности, где ярко видна сама мелодическая линия, представлен в нашей записи в д. Аганур Куженерского района (пример № 3). Насыщенный украшениями, более декоративный вариант этой

мелодии мы видим в образце, записанном Д.Кульшетовым в д. Токтарово Сернурского района (пример № 4). По всей видимости такие варианты основного мелодического типа – более позднего происхождения и распространены они в исполнении главным образом более молодых информаторов. В этой подгруппе напевов получила развитие тенденция к декоративному, колористическому решению (развитию) исходной свадебной мелодии.

Во второй подгруппе мелодий 1-го мелодического типа получила развитие другая тенденция – расширение звукового объема и вариантного разнообразия-развития исходного инварианта. При этом синтаксическая структура (схема а $а_1$ в $в_1$=к) и принцип мелодико-композиционного развертывания (сопоставление двух построений с принципом смещения) остаются те же. Эта группа мелодий также широко распространена в сернурской этногруппе (8 из рассмотренных песенных образцов). Как было уже сказано выше, одно из главных отличий мелодий этой подгруппы – это расширение звукорядного состава мелодий: сверху добавляется пятый секстовый тон, образуя пятизвучную шкалу: c-e-f-g-a. Секстовый тон активно интонируется, используется во многих мелодических оборотах (попевках) песенной мелодии. Особенно заметен он, конечно, в начальном (инициальном) обороте, который является зачастую опознавательной интонацией мелодии (см. 2, с. 340, 343).

Добавление в верхнее ладомелодическое звено еще одного тона позволило значительно варьировать мелодические попевки. В данной мелодической подгруппе развивается тип интонационно-попевочного варьирования, появляются более разнообразные мелодические варианты. Из записанных нами и взятых из песенных сборников нет тождественных мелодий, ни одна не повторяется буквально. Все же наиболее часто встречается вариант напева, записанный нами в разных местностях (дд.Шой-Шудымарий, Ст.Торъял, Олоры, Читово) с минимальными изменениями, приводим образец, записанный в д.Шой-Шудымарий Куженерского района (пример № 5). Наблюдается следующая закономерность – в мелодических вариантах меняется в первую очередь начальная – «тематическая» попевка, задающая «тон» и являющаяся «меткой» конкретной мелодии. Трехзвучный состав первого ладозвукорядного звена позволил создать с помощью вариантных изменений несколько различных вариантов начальной мелодической попевки и в целом первой фразы. Первое предложение здесь может заканчиваться не только на кварте, но часто и на секстовом тоне. Несколько изменяются, поднимаются по звукорядной шкале и мелодические попевки во втором предложении напева: «задействованы» уже и секстовый и квартовый тоны. Весьма яркой становится попевка 5-го такта (названная нами переходным сегментом мелодии) с движением от секстового тона к нижней тонике. Образуется размашистый, довольно широкий скачок, что выделяет данный интонационный оборот. Нижняя тоника звучит уже сразу в 5-м такте, в отличие от мелодий первой подгруппы (где в норме тоника появляется поступенно и позже, в 6-м такте). Меняется в целом и характер интонирования: в отличие от преобладающего нисходящего направления движения (ниспадающих попевок) в «каноническ-
кой» группе напевов, здесь довольно явственны восходящие интонации. Эта тен-

денция, например, ярко прослеживается в образцах, записанных в дд. Шой-Шудымарий, Читово (движение к сексте, скачок на кварту во втором предложении).

К первому мелодическому типу восходит и оригинальная свадебная мелодия, записанная Д.Кульшетовым в д. Улыл-Турек (пример № 6). В этом образце еще более расширена звуковая шкала – до октавного звукоряда. Меняется и ладофункциональный строй напева: здесь уже не квартовая, а квинтовая опорность двух ладовых звеньев (побочной опорой становится квинта фа#). Кроме того, во втором предложении «размыта» специфическая «сернурская» интонация «большого трихорда или дихорда» (между 1 и 2 ступенями), в этой мелодии ее практически нет. Это, конечно, поздний и скорее всего локальный вариант исходного типа, более развитый и значительно видоизмененный (хотя композиционная схема та же – а a_1 в $в_1$(к).

Итак, эти подгруппы мелодий показывают нам более поздний этап интонирования, современный вариант развития канонического мелодического типа. Мы можем предположить, что эти мелодии появились уже с развитием исполнительства на гармонике, скорее ближе к началу XX века. В данных мелодиях обнаруживается отход от волыночного типа интонирования. Это проявляется в таких признаках, как – преодоление репетитивности в мелодике, появление извилистых оборотов начальной попевки, в размашистых мелодических скачках, что не характерно для волыночных наигрышей, но характерно для гармошечного интонирования.

Второй мелодический тип, получивший (по количеству музыкально-песенных записей) меньшее распространение на сернурской свадьбе, имеет мелодико-композиционную структуру, построенную совсем по другим принципам. Форма музыкально-строфической композиции здесь не имеет четкого членения на две строки=предложения. Она строится по типу периода единого строения, лишь условно разделяясь на два предложения А A_1 (условие связано с тем, что начальная мелодическая попевка повторяется во второй фразе с той же высоты, а затем смещается). Своего рода каноническим образцом данного типа (без украшающих элементов) является мелодия песни, записанной нами в д. Мари-Шои Куженерского района (пример № 7), близок к ней и образец мелодии, записанный Д.Кульшетовым в д.Ильпанур Параньгинского района (2, с. 345).

Синтаксическая структура здесь строится на основе принципа секвентного нисхождения начальной мелодической фразы (двутакта), более детально его можно отобразить следующим образом а a_1 a_2 a_3. Образуется террасообразное нисхождение мелодической фразы-формулы (его можно хорошо отследить на примере нисходящей секундовой попевки, звучащей на секстовой, затем квинтовой, кварто-вой и терцовой ступенях). Этот тип мы определяем как мелодико-композиционный **тип секвентного нисхождения** (с постепенным мелодическим спуском). В мелодической структуре ясно различимы две составляющие ее попевки – первая с повторяющимся тоном (репетитивная попевка) и вторая – с фигурой опевания (в разных формах), которые повторяются на всех ступенях звукорядного «стержня». Генезис этой мелодико-интонационной модели – также в волыночном интонирова-

нии. Об этом говорят пятизвучная звукорядная шкала, соответствующая строю волынки и отмеченная нами репетитивная форма мелодической попевки.

Данный мелодический тип развивался, как видно из анализа примеров, больше по пути декоративного варьирования. По большей части это филигранные (мелкие), ритмически дробные украшения нормативного мелодического инварианта. По-видимому, такой тип варьирования определен тем, что в этом мелодическом типе уже изначально задействован весь звуковой состав старинной волынки. Образцы этого мелодического типа показывают разнообразные формы попевочного варьирования исходной формулы-двутакта. Чрезвычайно характерны опевающие фигуры вокруг основных тонов сверху и снизу, иногда весьма обильные и красочные, смотрите мелодический вариант, записанный нами в д. Старый Юледур (пример № 8), также запись И.Шабердина (1, с. 59). Напев может начинаться с квартовой, квинтовой, секстовой ступени, может быть с дроблением временной единицы или без него. Наблюдается следующая закономерность развертывания – изоморфность вариантно-попевочного декорирования во всей форме, заданная начальным мелодическим двутактом, что сродни правильному симметричному узору марийской вышивки. Весьма характерное украшательство этой мелодической группы – форшлаговость в исполнительской манере. Поздние варианты мелодики связаны со звукорядным расширением, с большим звуковым объемом напева. К основной шкале добавляется сверху октавный тон, пример – мелодия, записанная нами в д.Семесола Новоторъяльского района (пример № 9). Трудно определить ареальный генезис рассматриваемой мелодико-интонационной структуры, так как данный напев распространен сейчас широко по территории северо-восточной группы мари и записан в разных ее локальных группах.

Из всей коллекции свадебных мелодий сернурского диалекта выявились лишь три свадебных напева, которые можно обозначить как особые мелодии, не входящие в вышерассмотренные основные группы. Это два образца из сборника Шабердина (1, с. 58 и 63, Сернурский р-н) и свадебная мелодия из репертуара ансамбля «Мурсескем» (Куженерский р-н). Они имеют самостоятельные музыкально-строфическую форму и синтаксическую организацию. Напев, записанный в д.Йыван-Сола Куженерского района (пример № 10) имеет форму А $А_1$, с синтаксической схемой а в $а_1$ $в_1$, то есть представляет собой тип повторенного предложения с варьированием (причем варьирование минимально). Укажем, что мелодия выделяется своей звукорядной основой, это секстовая диатоническая ладовая структура: c-d-e-f-g-a.

Два двустрочных напева из сборника И.Шабердина (примеры № 11, 12) имеют одинаковую музыкально-строфическую структуру А В со схемой а в $в_1$ $в_2$. Специфическая особенность данной структуры – нижний тонический устой появляется уже в конце первой мелостроки (предложения). Во втором предложении дважды повторяется вторая (кадансовая) фраза первого предложения. Итак, в форме используется принцип смещения, здесь он происходит уже в первой мелостроке. Таким образом, верхнее ладо-звукорядное звено представлено в этой форме лишь

начальным двутактом (первый сегмент «а»). Зато трижды повторяется (с вариантами) второй мелодический сегмент «в». Отметим, что этот тип композиционной структуры часто встречается в общем объеме сернурских песенных мелодий.

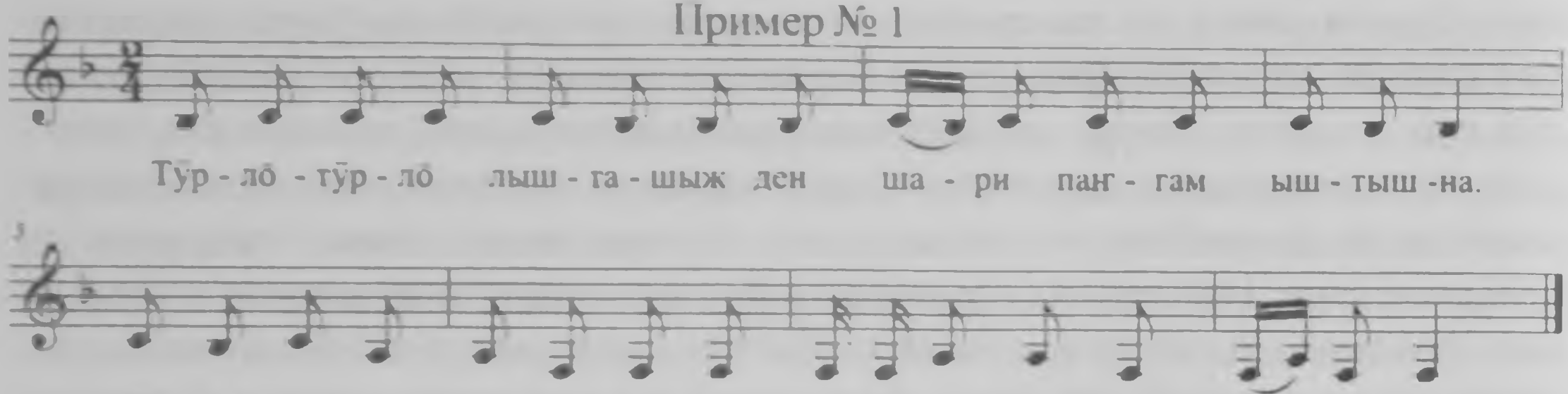
Композиционный анализ показывает, что все три напева имеют однострочную основу своей формы – четырехтакт, в первой композиции это обозначено более явно. Однострочная основа преобразована в двустрочную форму путем растягивания модели-основы в первом случае путем ее повтора, во втором – повтора отдельного сегмента. Говоря о происхождении данных мелодий, подчеркнем, что подобный тип короткой мелодической формы характерен для танцевальных мелодий-наигрышей. По нашему предположению, оба этих напева имеют танцевальное происхождение. Изначально, вероятно, это были танцевальные наигрыши умеренного или даже медленного характера. Постепенно в ходе развития музыкально-песенного ряда свадьбы они были «наложены» на песенные тексты и стали песенно-танцевальными по исполнению.

На первый взгляд трудно определить как танцевальный напев примера № 12. Он отошел от танцевального «прообраза» и трансформировался в песенную мелодию, к тому же – с двукратным укрупнением временной организации. Это единственный в песенном корпусе образец, звучащий в размере 4/4. Однако и его можно вполне представить в качестве старинного медленного танца с пением. Как мы можем предположить, обе мелодии из собрания И.Шабердина были обрядовыми напевами-наигрышами в старинной сернурской свадебной традиции. Однако со временем, в ходе трансформаций и упрощения музыкального ряда, «потерялись», исчезли из сферы активного бытования. Можно также предположить, что оба напева звучали в узловых моментах свадьбы, на этапе увоза девушки (первый) и в обряде соединения невесты и жениха в доме невесты (второй), что вытекает из зафиксированных песенных текстов. Напев же, записанный в Куженерском районе, без сомнения – позднего происхождения. Его бытование в качестве свадебного практически больше нигде не зафиксировано, возможно, он имеет (имел) узколокальное существование.

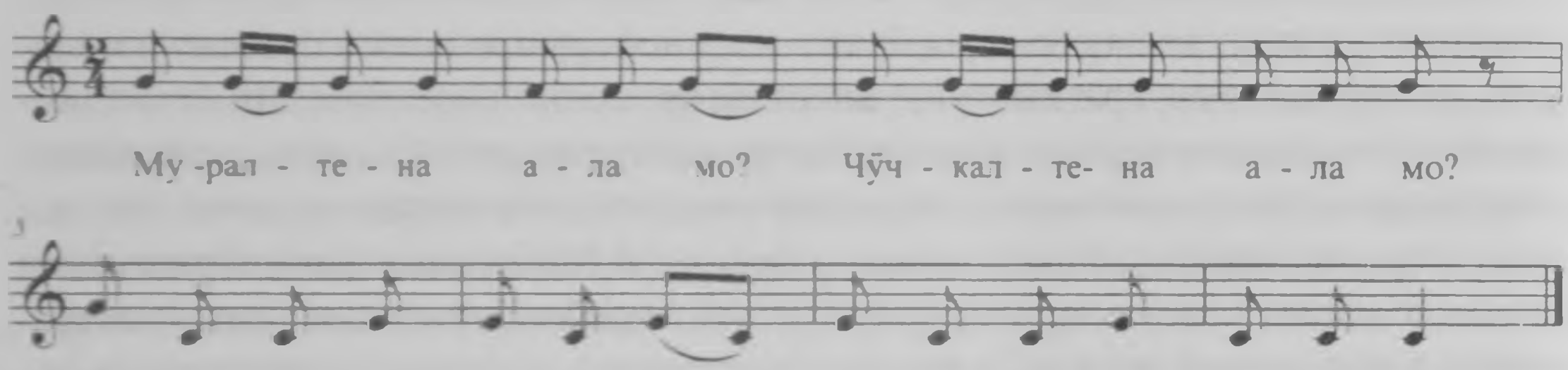
Коротко коснемся проблемы генезиса свадебных мелодий. Мы можем высказать следующую гипотезу относительно происхождения двух вышерассмотренных основных мелодических типов, бытующих сегодня на сернурской свадьбе. Известно, что сернурско-торъяльский край является территорией относительно позднего формирования его населения, первые археологические памятники относят лишь к XIII веку. Заселение территории происходило с двух сторон – основу его составили выходцы с северной и восточной стороны, то есть из современной Кировской области (Г.А. Сепеев). Позднее край стал осваиваться с южной стороны, переселенцами с территории Казанского ханства, со стороны Волги. По нашему мнению, основные два типа свадебной мелодики имеют отношение к разным периодам и к разным переселенческим этническим группам, заселявшим край с двух сторон. Мы предполагаем, что более древняя мелодическая модель (первый тип) связан с поселенцами с северной стороны, а более развитая пятизвуковая модель «пришла» вместе с посе-

ленцами со стороны Казани. Такое предположение вытекает прежде всего из того основания, что второй мелодический тип с принципом секвентного нисхождения более близок к типу мелодического развертывания, характерному для южной группы мари, в частности, моркинского музыкального диалекта.

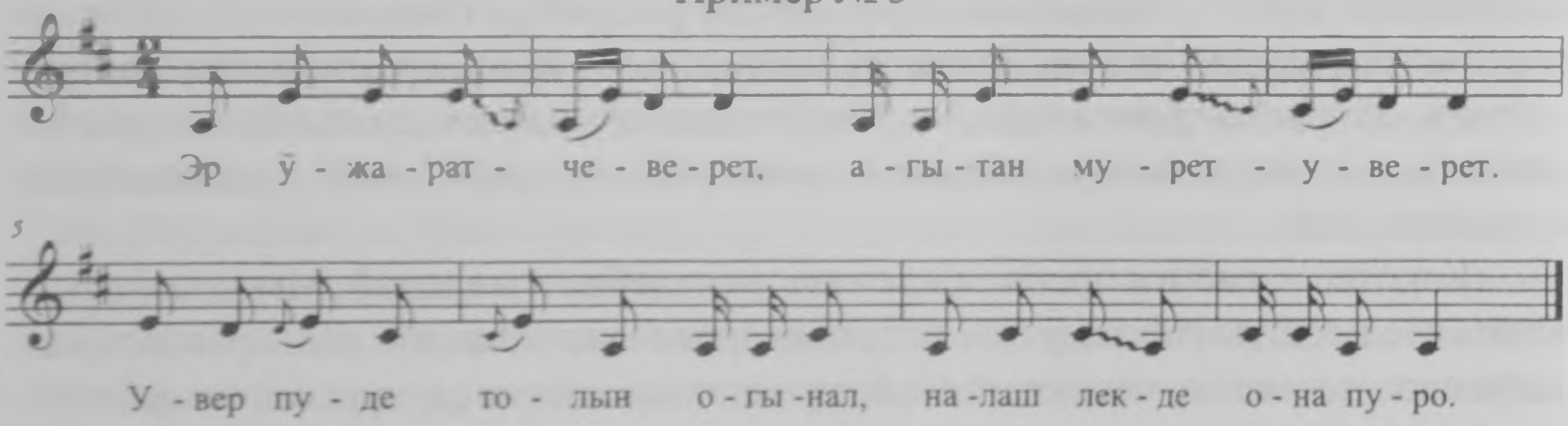
Пример № 1

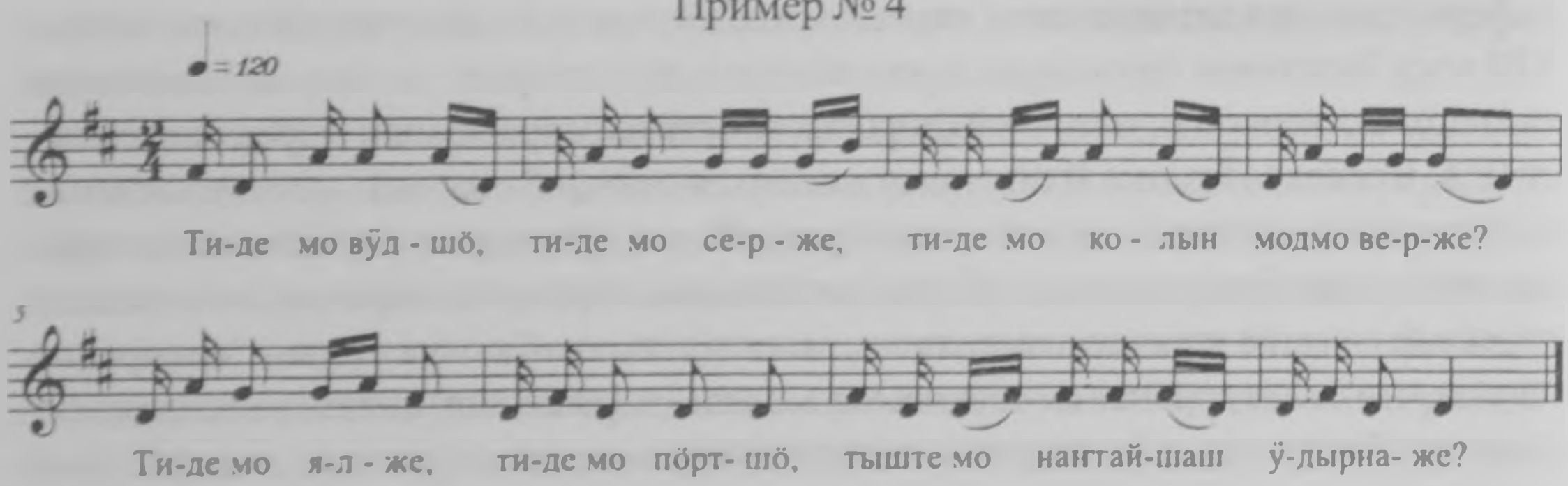
Пример № 2

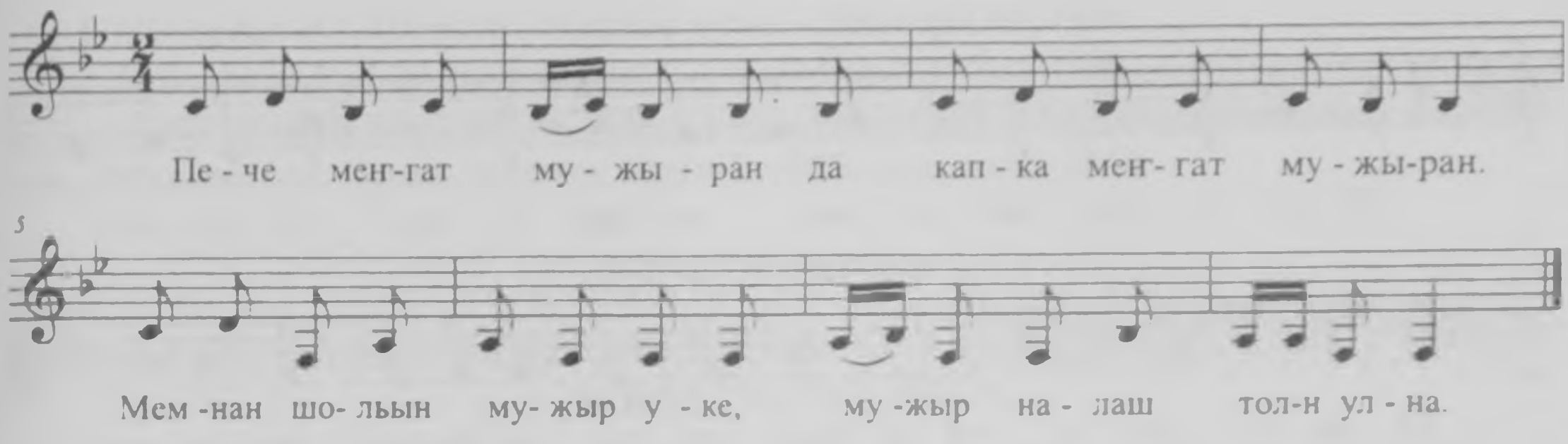
Пример № 3

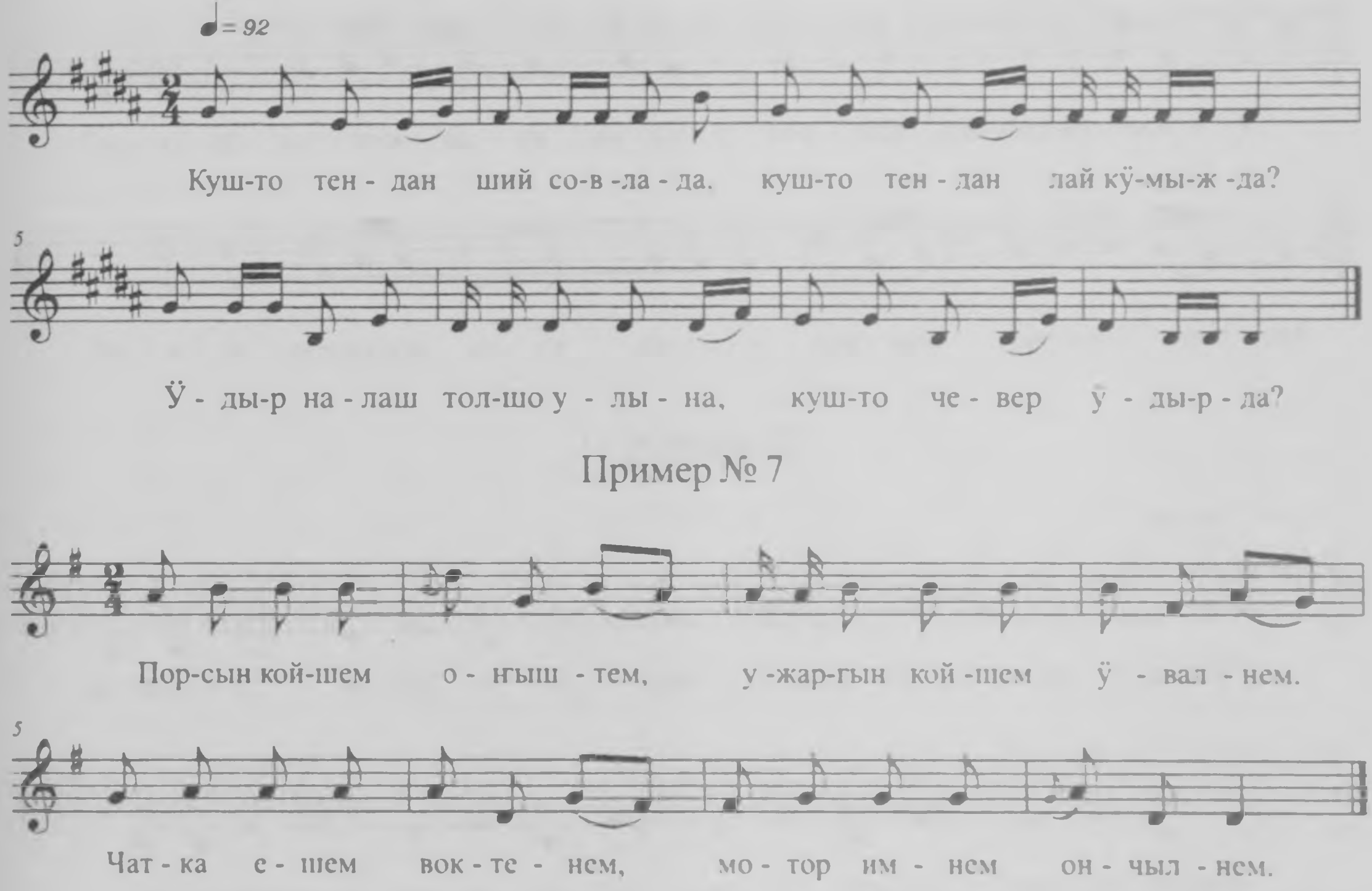
Пример № 4

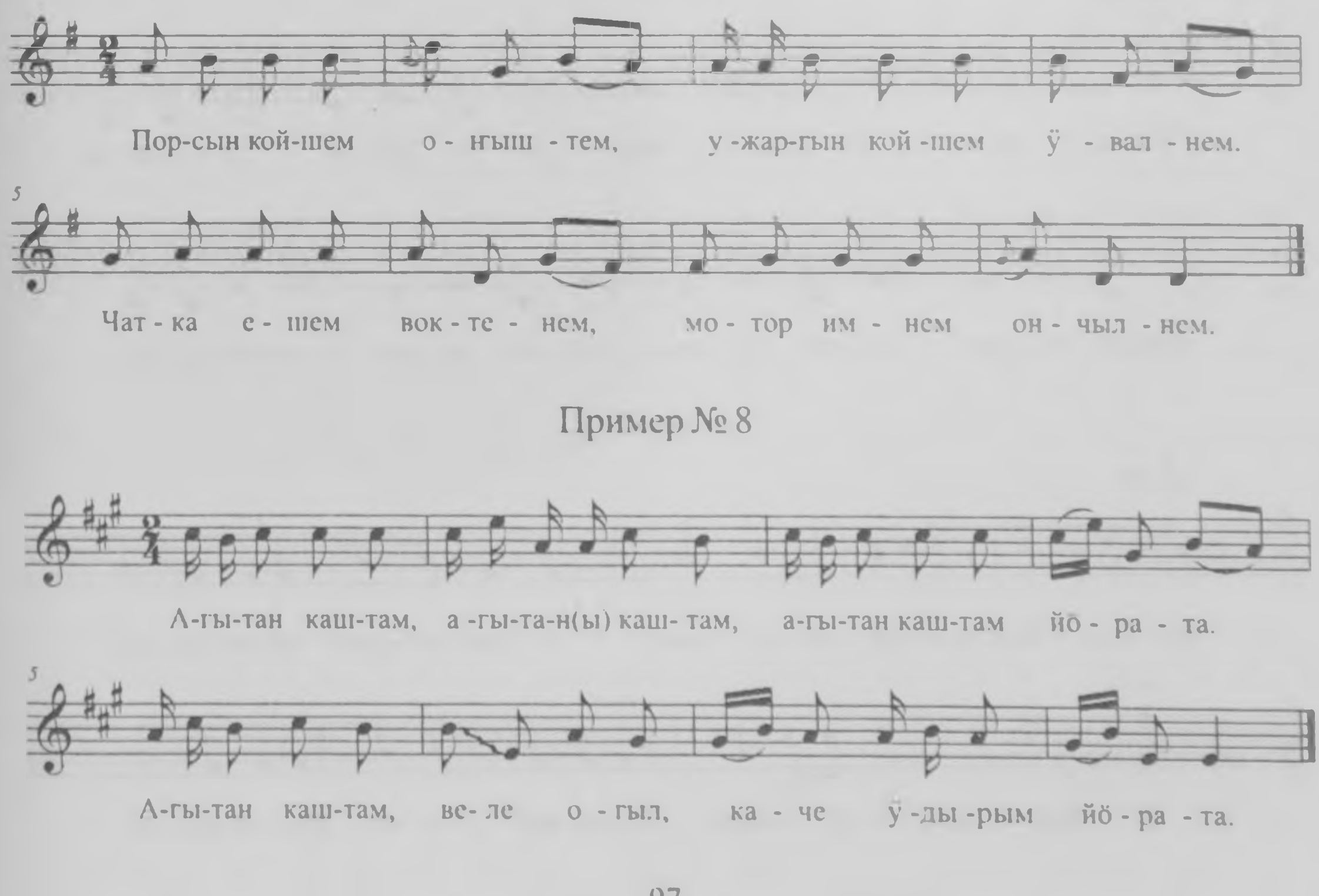
Пример № 5

Пример № 6

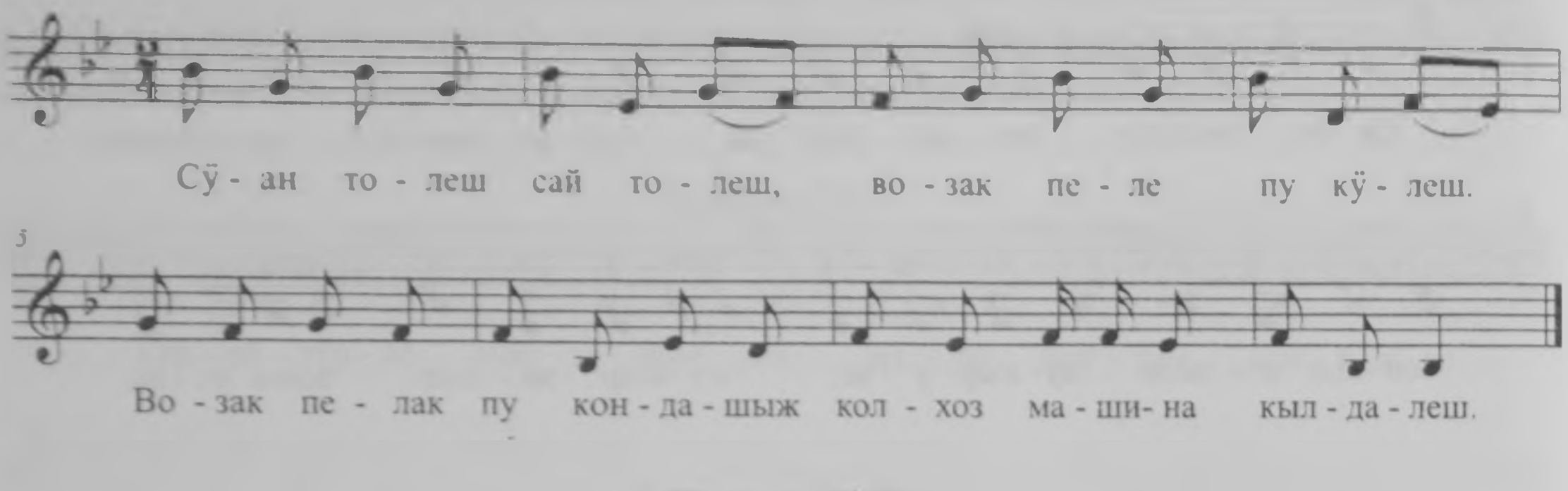

Пример № 7

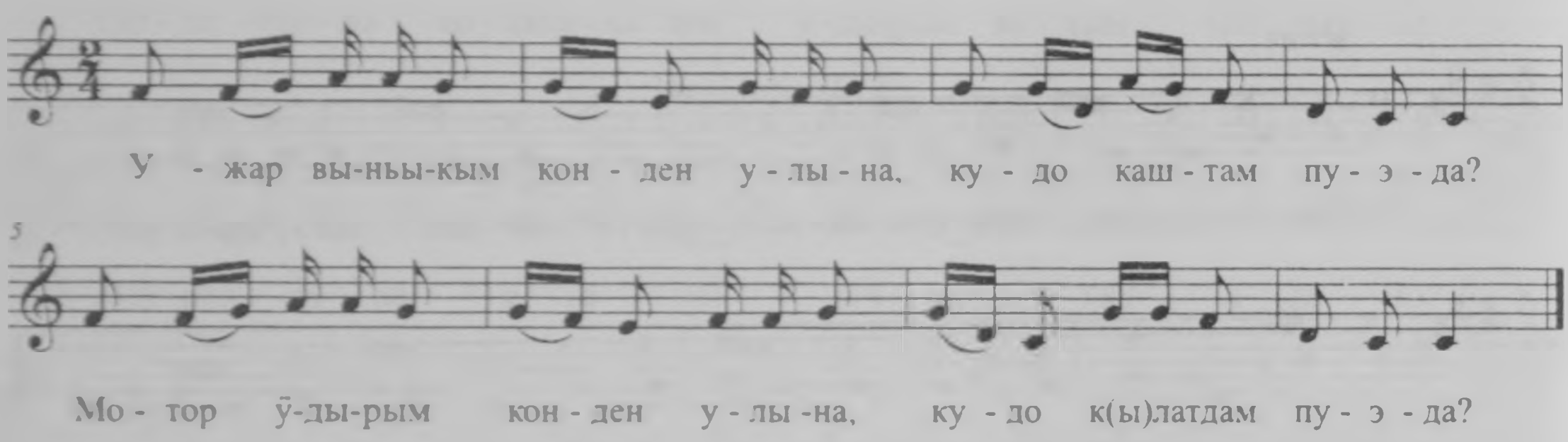

Пример № 8

Пример № 9

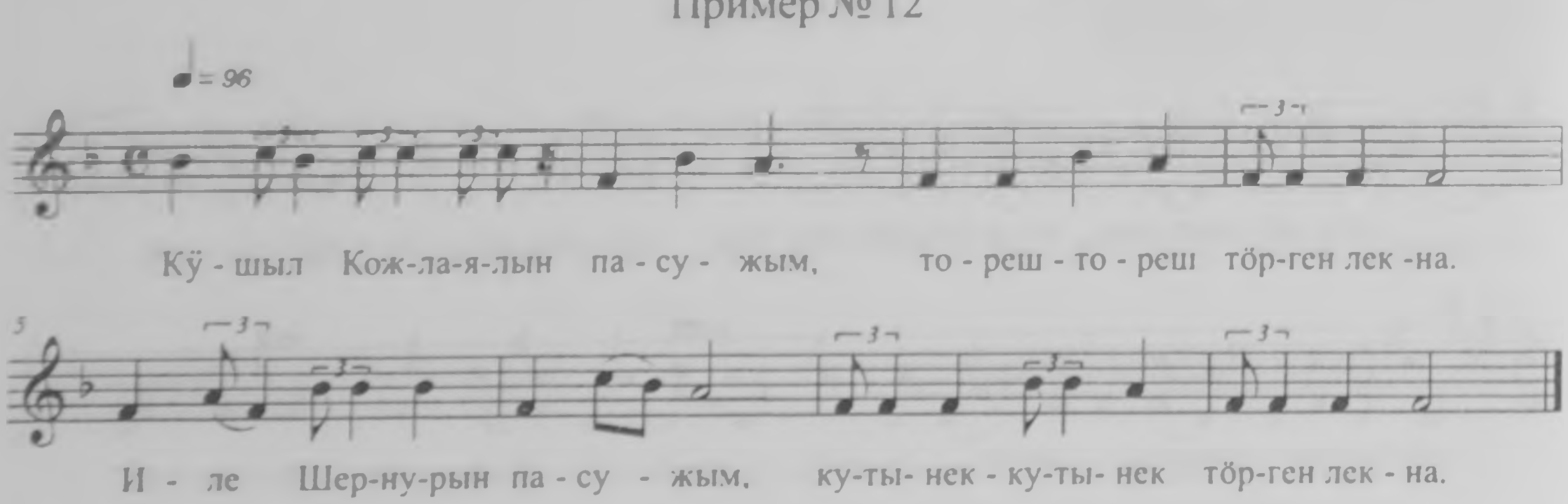
Пример № 10

Пример № 11

Пример № 12

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шабердин И.Г.* Шернур вел калык муро. – Йошкар-Ола, 1980
2. *Кульшетов Д.М.* Шернур корнет. Ч.1 и 2. – Йошкар-Ола, 1990.
3. Полевые материалы автора, записи разных лет (с 1987 г.) в Новоторъяльском, Сернурском, Куженерском, Параныгинском, Мари-Турекском районах РМЭ.

Maya Mamayeva

MELODIC AND COMPOSITIONAL STRUCTURE OF «SERNUR» WEDDING TUNES

In the article it investigates the wedding song tunes of sernur dialect group of Mari. The author identifies and discusses two main types of melodic tunes in this building: the type with height-shift register and type with sekvent descent. The genesis of the two types of melody associated with the various regional groups of settling in sernur and toryal edge.

Татьяна Душенкова
Ижевск

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «КАРГАСЬКОН» И «ЮРИСЬКОН» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В каждой культуре существует такое понятие, как проклятие. Это «словесная формула, содержащая пожелания бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т.п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком – нарушителем законов и обычаев» (1, с. 286).

Об этической стороне данного вопроса трудно судить. Как правило, подобные действия осуждаются, их боятся и т.д., но в практике используются часто. Самым сильным считается чтение молитвы в церкви, сопровождающееся ломанием попо-лам свечи, которую оставляют там же. Проклятие воспринимается как грех, а проклявшие каются на исповеди. Тех, кто проклинает, постигнут наказания на земле или на том свете. По народным поверьям, они «попадают в ад и вместе с другими грешниками находятся в огненной реке. Одно произнесенное проклятие при этом перевешивает все совершенные человеком благодеяния» (1, с. 286–287).

Таким образом, с христианской позиции данный акт резко осуждается. Хотя сама Библия пестрит проклятиями и проклинающими: Благословляйте, а не проклинайте (2, Рим. 12.14); Они проклинали, а Ты благослови (Пс. 108.28); Проклинающие тебя – прокляты (Быт. 27.29); Благослови проклинающих вас (Мф. 5.44; Лк. 6.28); Землю, которую проклял Господь (Быт. 5.29); Иов проклял день свой (Иов. 3.1); Смоковница, которую ты проклял (Мр. 11.21); Кого ты проклянешь, тот будет проклят (Чис. 22.6.); Злословящих тебя прокляну (Быт. 12.3); Как прокляну я? Бог не проклянет (Чис. 23.8); Я призвал тебя проклясть врагов моих (Чис. 23.11); Наняли Валаама, чтобы проклял (Неем. 13.2); Из уст исходит благословление и проклятие (Иак. 3.10); Не позволял я устам грешить проклятием (Неем. 10. 29) и т.д.

Кроме того, существуют церковные проклятия: анафема, интердикт, отлучение от церкви (например, Л.Н. Толстого). Как правило, проклятие действует до третьего колена (наиболее экспрессивные удмуртские «тексты» заканчиваются словами: *ныл'пиедлэн ныл'пиосызлы мед луоз* ‘чтоб детям твоих детей было’), а если взять Библию, то у израильтян доходит до седьмого. При этом проклинающие боятся

возмездия высших сил, а проклятые исполнения сказанного. Таковы магия слова и последствия фидеистического отношения к произнесенному слову.

Если проклятие рассматривать как вербальный текст, то он близок к благопожеланиям. От последних отличается ярко выраженной оппозицией добра и зла, представленной на уровне лексики, тематики, на особенностях коммуникативного акта и нравственной оценки этих текстов. Проклятие в отличие от благопожеланий носит окказиональный характер и вызвано к жизни конкретной ситуацией. С другой стороны, как вербальный ритуал, он близок к порче.

Считается, что текст произносит проклинающий, а наказывают бог, высшие силы. Поэтому так часто используются молитвенные выражения: *дай Бог; пошли ему, Боже* и т.п. Исполнителями воли проклинающего человека могут быть и нечистые силы, вредоносные духи, опасные стихии.

Основная часть текста проклятия строится как формула желательного наклонения, вводимая союзами и частицами побудительного значения *пусть, дабы, чтобы*; также могут использоваться императивные конструкции: *стань, будь, пропади пропадом*. Побудительные клише часто опускаются, и пожелание зла формулируется как уже свершившийся акт. Многие проклятия включают в себя отрицание положительного или наиболее ценного.

В функции проклятий обычно выступают и бранные выражения в форме «отсылок» (*иди ты к черту!*), которые легко могут быть заменены оптативными конструкциями (*чтоб тебя черти побрали!*). Они считались менее опасными и воспринимались как ругань, например, в удмуртском языке: *Калера басьтон!* ‘Чтоб тебя Холера взяла!’; *Кыль басьтон!* ‘Чтоб тебя Кыль (дух болезни) взял!’; *Му ньылон!* ‘Чтоб тебя земля проглотила!’; *Му пыр виян люкет!* ‘Чтоб ты сквозь землю просочился/провалился!’; *Пери шуккон!* ‘Чтоб тебя Пери (дух болезни) стукнул/поразил!’; *Убир басьтон люкет!* ‘Чтоб тебя Убир взял/утащил!’ (3, с. 248).

Цели проклятия: 1) причинение вреда виновному лицу, наказание его ради восстановления справедливости – сильные проклятия (при этом проклинающий ведет себя агрессивно, призывает высшие силы покарать обидчика); 2) в условиях словесного поединка; 3) вербальный оберег от порчи, от опасных контактов, вредоносных сил. Можно отвергнуть черное слово, переадресовав его тому, кто проклинает: *симмад юрсир* ‘типун тебе на язык’ (*букв.* ‘смола тебе в глаз’), *кыл йылад пöськы мед потоз* ‘типун тебе на язык’ и мн. др.

В удмуртском языке для обозначения проклятия существует два слова: *юриськон* и *карган/каргаськон*; кроме того, имеется сложное образование *каргаськон-юриськон*. Обе единицы являются отглагольными существительными, которые образованы при помощи суффикса *-он* с отвлеченным значением действия, состояния, орудия действия или объекта. Первое существительное (*каргаськон*), по данным словаря Т. Борисова (4), употребляется в южных говорах и диалектах, а второе (*юриськон*) – в срединных и северных. Действительно, первая лексема заимствована из татарского языка и широко распространена в тех говорах и диалектах, где были тесные контакты с тюркским населением. На сегодняшний день обе

лексемы активно функционируют в литературном языке, причем как абсолютные синонимы: *карган, юриськон* 'проклятие' (5, с. 850).

Имеется ли между ними семантическое различие? Безусловно, если учесть, что они образованы от разных глаголов: **Юриськыны** – 1) накликать беду, навлечь (навлекать) беду; 2) проклясть, проклинать, пожелать (желать) зла кому-л. (6, с. 817). **Каргаськыны** – 1) браниться, ругаться; 2) проклинать (6, с. 282). Интуитивно чувствуется превосходство *каргаськон*, что подтверждают фоносемантические измерения; *юриськон* представляется мягче (7).

Носители языка дифференцируют семантику двух слов. Психолингвистический эксперимент показывает, что *каргаськон* имеет более сильную негативную коннотацию, оно покрывает большую площадь охвата действия. *Юриськон* более соотносим с личностными переживаниями и желаниями навлечь/накликать беду, пожеланиями зла другому.

Следует отметить, что проклятия (*юран кыл, карган кыл*) наряду с заклинаниями-порчей (*сӧрон кыл*) относятся, по классификации Т.Г. Владыкиной, к вредоносной магии (8, с. 68).

Каргаськон.

Данная лексема, как указывалось выше, была заимствована. Исследователь удмуртско-тюркских языковых контактов И.В. Тараканов отмечает, что «тюркско-удмуртские языковые связи были постоянными, это привело к сильному взаимопроникновению языковых материалов. Поэтому не случайно в отдельных диалектах, особенно в местах интенсивного контактирования, исследователями обнаружено 2800 тюркских заимствований (см. Р.Ш. Насибуллин, 1972)» (9, с. 23). Если влияние тюркских языков не ограничилось лексическим и семантическим уровнями, оно распространилось как на фонетику, так и на грамматический строй удмуртского языка, то воздействие удмуртского языка на соседние татарский, чувашский и башкирский языки ограничено в основном сферой лексики (9, с. 26). В монографии по поводу интересующей нас лексемы приведен следующий этимологический пример: «*каргау* (Мункачи) 'проклятие' < тат. *каргау*, башк. *каргау* 'проклинать, быть проклятым' ...» (9, с. 76).

Если сравнить статьи татарско-русского и удмуртско-русского словарей, то выявляются весьма любопытные вещи (11; 6) (см. табл. 1).

Известный удмуртский фольклорист Т.Г. Владыкина выделяет как отдельный жанр *каргаськонъёс* 'проклятия' (в книге приведено 50 выражений): *Албасты басьтон люкет!* 'Чтоб тебя албасты забрал!'; *Быдэс улонэд зукыртыса мед ортчоз!* 'Чтоб тебе всю жизнь скрипеть!'; *Вералод ке – вера, кылыд мед сисьмоз!* 'Говоришь – так говори, пусть твой язык отсохнет!'; *Вордйськоно нуныед сэрегпум мед луоз, нылдэ-пидэ шайтан мед вошtоз!* 'Чтоб ребенок твой головешкой родился, чтоб детей твоих шайтан подменил!'; *Гудэм гуад ачид мед усёд!* 'В вырытую тобой яму тебе же и провалиться!'; *Зеч улонэз медад адзы: куке гур выл шоры сяська потӥз, кырым пыдсад гон ке потӥз, соку зеч улонэз мед адзод!* 'Чтоб тебе хорошей жизни не видать; только тогда пусть хорошую жизнь увидишь,

Таблица 1.

Татарско-русский словарь (1966)	Удмуртско-русский словарь (2008)
карга 1. ворона; // вороний…; 2. *перен.* разиня; 3. пики (масть в картах); // пиковый; ◊ **кара карга** грач <…>; **карга кузе** *бот.* паслён чёрный; вороний глаз; **карга милэше** бузина; волчья ягода; **карга оясы** пустая, бестолковая голова; **каргалар** *неодобр.* вороньё; вороны (накликающие беду) <…>	**карга** I 1. злая старуха; ведьма; карга *разг.* 2. *диал.* пьяница **карга** II *диал. зоол.* 1. ворон, ворона 2. чеглок **каргетйсь** каркающий; ~ **куакаосты но ӧз кылылы** не слышал даже каркающих ворон **каргетон** карканье **каргетыны** каркать * С образом ворона связана примета: если над хозяйством пролетает каркающий ворон (*кырныж, кӵака*), то вслед ему обязательно произносят слова: *Зэм ке вераськод, куарадэ вошты!* ‘Если говоришь правду, измени голос’; или: *Умой иворен ке – шундыӝужан пала лобзы, аламаен ке – ныӵыд мед чагаськоз!* ‘Если с хорошей вестью – лети в сторону востока, если с плохой – нос пусть расщепится’. Считается, что ворон несет проклятие, а данные фразы помогут отвести беду. Следует отметить, что в мифологических представлениях многих народов ворон считается вещей птицей, наделяется эпитетом *зловещий*. Однако «за вещую душу его не больно-то любят, и люди охотно верят, что ворон приносит несчастье своим прилетом к жилью» (10, с. 51)
каргалу *страд. от* **каргау** проклинаться, быть проклятым	
каргану 1. проклинать, проклясть, говорить проклятия; // проклятие; 2. божиться, побожиться, клясться, поклясться; // клятва; 3. *перен. см.* **сукрану** (роптать, сетовать ворчать, выражать недовольство; брюзжать – *Т.Д.*)	**карганы** проклясть, проклинать **карган** *сущ. от* **карганы** **каргаськон** проклятие **каргаськыны** 1. браниться, ругаться 2. проклинать **каргаськыны-юриськыны** проклинать
каргату *понуд. от* **каргау** допускать (допустить, позволять, позволить) проклинать, проклясть себя	**каргась** проклинающий
каргау проклинать, проклясть, клясть; накликать *(на чью-л. голову)* бедствие; // проклятие, проклинание	
каргашу *взаимн.-совм. от* **каргау** проклинать друг друга; проклинать *кого-л.* вместе *с кем-л.*	
каргыш 1. проклятие, зложелательство <…>; 2. *перен.* ругань, брань	**каргуш** *диал.* проклятие; заклинание **каргыш** *ср. юж.* проклятие (4, с126)
каргышлау *см.* **каргау**	
каргышлы проклятый (11, с. 234)	**каргам** проклятый || проклятие; ~ **тушмон** проклятый враг (6, с. 282)

когда на печи цветы вырастут, когда на ладони шерсть вырастет!'; *Инмар мед чапъёз!* 'Чтоб тебя молнией поразило!'; *Каргаськем кылыд аслыд мед луоз!* 'Чтоб твое проклятье на тебя же пало!'; *Сэпед мед пöсьтоз!* 'Чтоб селезенка у тебя лопнула!'; *Убир мед басьтоз!* 'Чтоб вампир тебя унес!'; *Чагпис кадь мед куасьмод!* 'Чтоб тебе высохнуть, как сухое полено!'; *Ымад куаки мед пыроз!* 'Чтоб в твой рот ворона залетела!' и др. (11, с. 250–253).

Юриськон.

Что касается слова *юриськон*, то Т. Борисов (4) указывает его распространение в северных и срединных говорах. Он приводит еще одну лексему – *юриськем* 'проклятие', а рядом поговорку: *Шырлэн юриськемез кочышлы уз усьы* 'Проклятия мыши на кошку не упадут' (4, с. 366–367).

В коми языке имеются соответствия: *ёрöм, ёрсьöм* 'проклятие', *ёрны кодöскö* 'предать кого-н. проклятию' (13, с. 531). Относительно данных корней приводится следующая справка: «**ёрны** II 'клясть, проклинать, проклясть'; *jor-* вс.; *jor-* з., *jord-* п., *jur-* кя. / удм. *юриськыны* 'тж'; *jwr-* (Wichm.-Uot., 81); jөr- бес. – Общеп. *jör- 'проклинать' // ? мар. В. *ираш* 'бранить, ругать' / ? эрз. *эрдекстамс* 'побранить, проклясть'. К. ? < иранск., ср. осет. *ard, ärd* 'клятва'» (14, с. 101). Таким образом, данная лексема относится к общепермскому пласту.

Кроме того, встречаются и другие лексемы, выражающие понятия *проклятие, проклинать* и др. В словаре синонимов В.М. Вахрушева находим уже знакомые слова *карганы, юрыны, юриськыны, каргаськыны* и новые единицы *касаны, каршыны*, все они употребляются в значении 'проклинать, клясть, проклясть' (15, с. 113).

Согласно удмуртско-русскому словарю, глагол *касаны* имеет значения '1) питать зло; 2) *диал.* завидовать, разносить сплетни из-за зависти', а диалектное слово *касланыны* – 'злобствовать, питать чувство злобной (чёрной) зависти'. От них образованы существительные *касан* и *касланон*. Кроме того, существует прилагательное *кас*, которое широко используется в литературном языке: «*кас* 'злой, враждебный, завистливый; *кас тушмон* 'злой враг'; *кас мурт ассэ но адзöнтэм каре* погов. 'злой человек и сам себя ненавидит'» (6, с. 285).

Диалектной лексеме *каршыны* свойственны значения '1) выступать против, возражать, противиться; упрямиться; 2) браниться, ругаться'; от нее образовались существительное *каршон* '1) возражение, выступление против; упрямство; 2) брань, ругань || бранный'; *каршон кылъёс* 'бранные слова') и определительное слово *каршы* (*каршы кыл* 'бранное слово, брань, ругань') (6, с. 284).

В удмуртском литературном языке для обозначения проклятия чаще всего используются лексемы *юриськон* и *каргаськон*. До сих пор, как указывал Т. Борисов еще в начале XX в., удмурты отдают предпочтение своему варианту: южные – слову *каргаськон*, северные и срединные – слову *юриськон*. Такой выбор обусловлен историческими, межэтническими, социальными и другими факторами, а также языковыми контактами.

Хотя удмурты отмечают, что *адямиос вылэ юриськыны умой ӧвӧл* ‘нехорошо желать людям зла’, *мурт вылэ эн юриськы – ас вылад усёз* ‘не рой другому яму, сам в неё попадёшь’, но тем не менее довольно часто обращаются к проклятиям. Тексты проклятий поражают своим разнообразием и богатством форм, а также устрашающими «последствиями». И не дай Бог испытать на себе подобные пожелания.

К сказанному следует добавить, что «религиозно-мифологическое мировосприятие видело угрозу для человеческого здоровья и благополучия в проклятьях (*юриськон/каргаськон*) и неисполненных обетах и обещаниях богам, божествам или духам. Считали, что если кого-то прокляли, словесно пожелали ему всех бед и несчастий (в том числе – и болезней), проклятье обязательно сбудется. Особой силой наделяли проклятья матери в адрес детей, поэтому рекомендовалось воздерживаться от любых сказанных в сердцах злых пожеланий в адрес детей» (16, с. 90).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 3 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. – М., 2009. – Т. 4.

2. Библия. Симфония.

3. Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет / Люказ. радъяз но валэктонъёссэ гожтйз Т.Г. Владыкина. – Ижевск, 2004.

4. *Борисов Т.* Удмурт-зуч кылбугор. – Ижевск, 1991.

5. Русско-удмуртский словарь / гл. ред. В.М. Вахрушев – М., 1956.

6. Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л.Е. Кириллова. – Ижевск, 2008.

7. *Журавлев А.П.* Звук и смысл. – М., 1991.

8. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематика: Монография. – Ижевск, 1997.

9. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. – Ижевск, 1993.

10. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород, 1995.

11. Татарско-русский словарь. – М., 1966.

12. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / сост. Т.Г. Перевозчикова. – Устинов, 1987.

13. Русско-коми словарь. – Сыктывкар, 1966.

14. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

15. *Вахрушев В.М.* Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор. – Ижевск, 1995.

16. *Никитина Г.А.* Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология / под ред. В.Е. Владыкина. – Ижевск, 2003.

Tatyana Dushenkova

THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPTS «KARGAS'KON» AND «YURIS'KON» IN THE UDMURT LANGUAGE

The article is devoted to verbal curses in the Udmurt language. Native speakers differentiate the semantics of two words, because they are formed from different verbs. Ethnic groups prefer their own version of the word: the southern Udmurts – kargas'kon, northern and median – yuris'kon. This choice is due to historical, social factors, and language contact.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Наталья Носкова
Оренбург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЗВИЩ В МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Имена и названия играют важную роль в жизни человека. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. От нарицательных слов их отличает тенденция к универсальности использования. Таким образом, имена собственные становятся как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым в изучении мордовского языка и переводе с него. Они исполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика (1).

Стоит отметить тот факт, что одной из отличительных особенностей современной языковой ситуации является частое употребление прозвищ вместо имен и фамилий. Причем эта тенденция наблюдается не только среди молодежи. Наш язык чутко реагирует на малейшие изменения в обществе, культуре, истории. При нынешнем ритме жизни язык должен максимально быстро приспосабливаться к тем условиям, в которых он функционирует. Так, чем меньше по объему, но содержательнее информация, тем она более действенна и доступна.

Прозвище, кличка – неофициальное имя человека, животного, предмета и т. п. В отличие от имени, прозвище отражает не желательные, а реальные свойства и качества носителя, происхождение их носителей и фиксирует, таким образом, особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих. Людям прозвища могли даваться в разные периоды их жизни и во многих случаях были известны довольно ограниченному кругу. Еще в Древней Руси мирские прозвища прекрасно уживались с христианскими именами. Они выполняли функцию индивидуального называния человека по его внешности, характеру, профессии, образу жизни: Черный, Беда, Попович, Дорога. Разумеется, при крещении эти люди получили совершенно другие имена – греческие или латинские, привязанные к «своему» святому. При этом данные сородичами прозвища употреблялись наравне с крещеным именем и даже активнее и охотнее (2).

Мордовский язык привлекает внимание ученых самобытностью, уникальностью языкового материала, имеющего вековые традиции.

Ученые указывают, что дохристианский именник у мордвы состоял преимущественно из самобытных имен, хотя, разумеется, включал и ряд заимствованных: славянских, арабских, тюркских и др. Он насчитывал более тысячи имен (3).

С семантической точки зрения основы традиционных мордовских личных имён можно разделить на несколько групп:

1. Черта характера. *Кежай, Кежут* от *кежей* «злой»;

2. Передают отношение к ребенку, чувства родителей. *Вечкас, Вечкуш* от *вечкемс* «любить»;

3. Называют место рождения ребенка. *Паксяй, Паксют* от *пакся* «поле»;

4. Содержат намек на время рождения. *Нуят, Нуянза, Нуякша* от *нуемс* «жать» (3).

Структурно дохристианская антропонимическая модель у мордвы была двучленной. Она включала имя отца (отчество), стоящее на первом месте в родительном падеже, и индивидуальное имя, например: *Пивцаень Нуянза, Учватонь Паксют, Тумаень Виряс, Кежеватонь Сюмерьге, Ведяень Коломас, Вечкомасонь Чамза, Кирдяень Куляс* (3).

Дохристианские имена в настоящее время мордвой почти забыты. Это объясняется периодом христианизации, начавшемся с середины XVI в. Среди народности стали распространяться церковные имена. Однако, попав в мордовский язык, заимствованные имена подверглись звуковой адаптации и стали звучать несколько иначе. Так, имя Федор приняло в эрзянском языке форму *Кведор*, Филипп – *Квилё* и т.д. (2).

Однако мордовские дохристианские имена бесследно не пропали. Они функционируют в ряде современных мордовских фамилий. Например, *Кемаев, Кемайкин – Кемай, Суродеев, Суродейкин – Суродей* и т.д.

Стоит отметить большой интерес исследователей к кличкам и прозвищам в мордовском языке. Достоинством прозвищ можно считать их малый объем (часто одно слово), что удобно для быстрой коммуникации. Несколько иная ситуация в деревне. Здесь кличка или прозвище создается не столько для того, чтобы ускорить процесс общения, сколько для того, чтобы отразить реальные свойства и качества носителя этого прозвища. Поэтому прозвища и клички здесь не ограничиваются одним словом.

Интересна судьба прозвищ в глухих деревнях, где обновление языка происходит очень медленно. Безусловно, такие глубинки изобилуют бесценным языковым материалом.

Село Аксенкино Северного района Оренбургской области можно считать типичной глубинкой. Языком общения наряду с русским здесь является и мордовский. Клички и прозвища этого населенного пункта исследовались нами по двум аспектам: семантическому и структурному.

Семантический уровень. Полученный языковой материал мы разделили на 4 группы:

1. Прозвища, указывающие на свойства и качества характера носителя.

А) *Терянь Олда.* Так в Аксенкино называли женщину, в привычки которой входило громко разговаривать. Семантика прозвища объясняется следующим образом: «если человек теряется, например, в лесу, то ему приходится громко кричать, чтобы его услышали».

Б) *Сеське Летя*. «Сеське» по-мордовски – «комар». Так называли человека, имеющего специфический голос, «говорит, как будто комар пищит».

В) *Карля Гришань Вова*. «Карля» – «репа». В семействе этого человека любили кашу из репы. Интересна семантика и второй составляющей прозвища. «Гришань Вова» – то есть «сын Гриши – Вова».

Г) *Буржуй Гриша*. Так называли человека за его наглость и пронырство.

Д) *Баран Ваня*. Прозвище не имеет отрицательного оттенка. Человека с такой кличкой отличало упорство в делах.

Е) *Галань Гена*. Галань с мордовского – «гусь», то есть имели в виду «человек задиристый».

Ж) *Попик Толя*. Попик – от поп. Так называли человека, в привычки которого входило много философствовать, поучать и наставлять.

З) *Сукс Ванька*. Сукс – значит «червяк». Называя так человека, имели в виду его юркость, пронырство. Кроме того, так называли людей с ярко выраженной худобой, то есть данное прозвище относится и к следующей группе.

2. Прозвища, отражающие внешние отличительные признаки.

Как правило, прозвища складывались из имени носителя и какой-либо части тела.

А) *Цыпака Ванекынь Надя*. «Цыпака» – «цыпленок». Люди в роду этой семьи были маленькие, щупленькие, как цыплята. Форма «Ванекынь Надя» означает «дочь Ивана – Надя».

Б) *Цыган Нина*. Такое прозвище женщина получила из-за своей внешности: темные глаза и волосы, смуглый цвет лица, что делало ее похожей на цыганку. Интересен тот факт, что это прозвище можно отнести и к первой группе, так как она характеризует еще и качество характера – хитрость, свойственную цыганам.

3. Прозвища, раскрывающие род и вид деятельности, профессию носителя.

А) *Бондарь Вова*. Бондарь – ремесленник, мастер делать бочки. Причем, это прозвище прикрепилось и к потомкам. В настоящее время в деревне это ремесло не функционирует, но всех детей этого семейства называют именно «бондарями».

Б) *Лесник*. Человек с таким прозвищем и его предки испокон веков работали лесниками.

В) *Прораб*. Человек с таким прозвищем и его предки испокон веков работали прорабами на стройках.

Г) *Мельник*. Человек с таким прозвищем и его предки испокон веков работали на мельнице.

4. Прозвища, указывающие на родственные отношения между людьми.

А) *Отонькань Ваня*. Первая часть прозвища семантически указывает на имя жены. Таким образом, прозвище истолковывается так: Ваня – муж Тони.

Б) *Аграньь Коля*. Первая часть прозвища семантически указывает на имя жены. Таким образом, прозвище истолковывается так: Коля – муж Аграфены.

В) *Дригуж Вера*. Первая часть прозвища семантически указывает на мужа. Дригуж – значит «дурачок». Таким образом, прозвище истолковывается так: Вера – жена дурака. То есть недалекого человека.

По *структуре* прозвища и клички можно разделить на две группы:

1. Прозвища, состоящие из одного слова. *Мельник, прораб, лесник и т.д.*

2. Клички и прозвища, состоящие из двух и более слов. Эта группа наиболее многочисленна. Обычно такого рода прозвища имеют следующую структуру:

1. Свойства носителя языка, качество характера/внешние отличительные признаки/род деятельности, профессия/ прозвища, указывающие на родственные отношения между людьми + имя носителя. *Сеське Летя, Аграпь Коля, Буржуй Гриша и т.д.*

2. Однако нередко встречается и прозвища со следующей структурой: свойство носителя, качество характера/ внешние отличительные признаки/ род деятельности, профессия/ событие или поступок, связанные с человеком + имя предка + имя носителя. *Цыпака Ванекынь Надя, Карля Гришань Вова и т.д.*

Отметим, что практически все клички и прозвища в селе Аксенкино употребляются совместно с именем, как неделимое целое. Таким образом, прозвище приравнивается к имени, о чем свидетельствует факт, что прозвища есть практически у всех жителей села.

Итак, можно сделать вывод, что в данном населенном пункте кличка или прозвище является не только удобной формой для быстрого называния, но и раскрывает основные реалии жизни носителя. Кроме того, такие прозвища ценны еще и по своей звуковой оформленности. Мордовский язык образен, богат, полифоничен, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001.

2. Википедия. Свободная энциклопедия. (Электронный адрес http://ru.wikipedia.org/wiki/).

3. *Мокшин Н.Ф.* Тайны мордовских имён: (Историческая ономастика мордовского народа). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991.

Natalya Noskova

THE USE OF NICKNAMES IN THE MORDOVIAN LANGUAGE: SEMANTICS AND STRUCTURE

This paper is concerned with the use of nicknames and bynames in Mordovian. It is worth noting that one of the distinguishing features of modern language situation is the frequent use of nicknames instead of names. Particular attention is drawn to a mechanism for creating nicknames, including ways to determine their education and the purpose of use, points to the semantic and structural features of the village nicknames Aksenkino of the Northern edge of Orenburg region.

ПЕРСОНАЛИИ

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ ЭДЕНА БЕКЕ*
(20.05.1883 – 10.04.1964)

В этом году финно-угорская научная общественность отмечает 130-летие со дня рождения одного из классиков финно-угорского языкознания XX века, выдающегося ученого, неутомимого труженика, борца за процветание хунгарологии и финно-угроведения академика Эдена Беке.

Эден Беке (до 1900 г. Эден Бергер) родился 20 мая 1883 г. в городе Комаром Венгрии, но своим родным городом он всегда считал город Папа, потому что семья его была родом из этого города и со временем снова переехала туда жить. Ученик Эдена Беке профессор Габор Берецки пишет, что даже в пожилом возрасте Беке, вспоминая о родном доме, всегда переходил на свой говор. В июне 1901 г. Беке окончил известную в Венгрии реформатскую гимназию в г. Папа, поступил на философский факультет Королевского венгерского научного университета Будапешта на специальность *венгерский и латинский языки*. По воспоминаниям коллег, вначале он больше интересовался литературой и стилисткой, чем языковыми дисциплинами, а начиная со второго курса почти полностью перешел на изучение венгерского и финно-угорского языкознания. Поворот к языкознанию произошел под вли-

---

*При написании статьи использованы работы: *Bereczki Gábor.* Beke Ödön (1883.V.20 – 1964.IV.10). – NyK 85. – Budapest, 1983. – O. 251–257; *M.Velenyák Zsófia.* A palyakazdő Beke Ödön. – NyK 85. – Budapest, 1983. – O. 272–277; *Lőrincze Lajos.* Beke Ödön és a magyar nyelvtudomány. – NyK 85. – Budapest, 1983. – O. 257–265; *Kniezs István.* Beke Ödön hetvenöt éves. – Magyar Nyelv. LIV évf. 3–4. sz. – Budapest, 1958. – O. 591–593.

янием знаменитого лингвиста профессора Жигмонда Шимони, глубокое уважение к которому Беке сохранил до конца своей жизни. Для интересующихся языкознанием студентов Шимони организовал экспедиции по сбору языкового материала при поддержке Венгерской академии наук и педагогического института. Это был так называемый «Шимони-метод», согласно которому студентам надо было сначала проявить себя, написав работу по определенному говору венгерского языка, только потом они могли изучать уже более «высокие» уровни языкознания. Э. Беке собирал материал по говорам комитатов Веспрем, Ваш и Дёр. Во время каникул 1903–1904 и 1904–1905 учебных годов он обошел и объездил на велосипеде 81 населенный пункт. Работа по сбору полевого материала сыграла в жизни Эдена Беке как будущего ученого огромную роль. Он на практике осваивал технику сбора – опроса и записи материала, познакомился с этнографией как одной из наук, тесно соприкасающейся с языкознанием. Его исследования «A pápavidéki nyelvjárás» («Говор местности Папа») (NyF 17, 1905) и «Kemenesalja nyelve» («Язык Кеменешалья») (NyF 33, 1906) вышли отдельными изданиями. Уже тогда его работы отличались высоким научным уровнем, не потеряли своей актуальности по настоящее время и служат серьезным источником, например, при изучении венгерских диалектов. Приобретенную методику экспедиционной работы Беке успешно применял в дальнейшем при сборе, обработке и анализе марийского языкового материала.

Будучи на четвертом курсе, 7 июня 1905 г. Э. Беке защитил докторскую диссертацию на тему «A vogul határozók» («Обстоятельства в мансийском языке») (NyF 25, NyK 35, 1905). Свой диплом доктора философии дополнил в 1906 г. дипломом специалиста по венгерскому и латинскому языкам. Поэтому его современники подчеркивают, что он начал исследовательскую карьеру «исключительно молодым и с исключительной интенсивностью». Всего им опубликовано более 2000 научных работ по проблемам венгерского, марийского и в целом финно-угорского языкознания.

После завершения учебы в университете Э. Беке работал преподавателем сначала в школе, позже в гимназиях (1906–1919). Во время существования Венгерской Советской Республики читал лекции по финно-угроведению в университете (март – июль 1919 г.). После разгрома Советской Республики в 1920 г. его сняли с преподавательской деятельности. Э. Беке переехал в Вену и только в 1923 г. вернулся в Венгрию. Работал преподавателем в еврейской мужской гимназии (1926–1947), приват-доцентом кафедры финно-угорских языков в университете им. Петера Пазманя (с 1950 г. им. Лоранда Этвёша), преподавал волжские и пермские языки (1948–1953), был заведующим второй кафедрой финно-угорских языков Будапештского университета (1953–1962). Ему было 70 лет, когда он стал заведующим кафедрой.

За высокие заслуги, успехи, достигнутые в области финно-угроведения, он награжден национальными премиями: в 1948 г. премией имени Миклоша Реваи; в 1960 г. премией имени Лайоша Кошута.

Немногие знают, что Э. Беке в молодости пробовал себя как поэт. Его произведения публиковались в различных изданиях – «Magyar Géniusz» («Венгерский гений»), «Hét» («Неделя») и т.д. Всего им опубликовано 16 сочинений. Это песни, элегии, баллады, эпиграммы и, конечно, любовная лирика. Ниже приводится стихотворение Беке, напечатанное в «Hét» (32, 1905, с. 870) (*подстрочный пер. М.К.*):

Csak annyi volt	Только было всего
Csak annyi volt, hogy kéz a kézben	Только было всего, что рука в руку
Állottunk némán, megigézve.	Стояли мы безмолвно, очарованно.
Csak annyi volt, hogy ráhajoltam	Только было всего, что я наклонился
S haját a selymet, megcsókoltam.	И поцеловал твои шелковые волосы.
És bár az álom semmivé lett,	И хотя сон не претворился,
Nem volt hiába ez az élet.	Жизнь эта была не напрасна.

В венгерском языкознании Э. Беке известен в первую очередь как исследователь говоров, диалектов венгерского языка. Интерес к диалектам был характерен для всей его научной деятельности. Беке проводил огромную работу по сбору диалектного материала, использовал диалектные данные почти во всех своих исследованиях, давал им оценку, подчеркивал их важность при решении исторических вопросов венгерского языка. Он говорил: «С точки зрения истории венгерского языка мы допустим непоправимую ошибку, если не поймем, что отдельные говоры сохраняют в себе многие древние черты. И если не предпримем всё для сбора лексического материала говоров, в буквальном смысле, для их спасения». Он был превосходным вдохновителем для молодых исследователей в деле сбора фактического материала говоров и в изучении их особенностей. Умело привлекал к работе и этнографов, и фольклористов, и людей других сфер деятельности. Первый его «призыв» прозвучал еще в студенческие времена в заметке научно-популярного характера о говоре окрестности Папа, опубликованной в местной газете «Pápai Hírlap» («Новости г. Папа»). В заметке Э. Беке сделал примечание, что с большой благодарностью примет сказки, суеверия, обычаи, областные слова (провинциализмы) и профессионализмы и т.п. Такие «призывы» (мобилизовать, поднять интеллигенцию, совместными усилиями спасти еще сохранившуюся лексику народного языка, зафиксировать находящиеся в стадии исчезновения языковые явления) стали хорошим методом сбора материала и во время работы в журнале «Magyar Nyelvőr» (*букв.* «Страж венгерского языка»), редактором которого он был с 1946 по 1953 годы.

Свои научные исследования, статьи Э. Беке писал простым, понятным языком. И бóльшая часть его публикаций представляла интерес не только для специалистов, но и для широкой публики. Работая редактором журнала, Беке не проводил специальных дискуссий по проблемам культуры речи или языковых норм на страницах журнала. Но при необходимости, например, если высказывалось мнение, противоположное опубликованному в «Magyar Nyelvőr», он давал место научному спору.

Соратники подчеркивают, что Эден Беке не шел на компромиссы. Был вспыльчив, иногда раздражителен и субъективен, но никогда в ущерб науке и правде. Он не отказывался от своих научных убеждений. Об этом убедительно говорит следующий факт: на страницах журнала он предоставил место статье о мааризме с целью ознакомления с данным направлением, но когда один из его сотрудников хотел поставить под сомнение достижения венгерского и финно-угорского языкознания своей новой доктриной, Беке отошел от него. Он никогда не принимал участия в недостойных нападках на личность, не позволял подобные нападки и в журнале.

Круг научных интересов Э. Беке был широк, он занимался проблемами фонетики, морфологии и синтаксиса финно-угорских языков. Ценил работы монографического плана, но пробным камнем исследователя считал способность раскрыть языковую загадку. Г. Берецки отмечает, что Беке очень радовался, если ему удавалось выяснить происхождение какого-либо суффикса или окончания. Проблемные статьи подобного рода часто не объемные, например: «A vogul *-təl* rag eredete» («К происхождению мансийского окончания *-təl*») (Nyelvör, 1910); «Geschichte eines tscheremissischen Nominalbildungsuffixes» («История одного марийского именного словообразовательного суффикса») (FUF, 1939) и т.д. В течение всей своей жизни Э. Беке проявлял интерес и к этимологии слов. Бóльшую часть его публикаций составляют именно статьи о происхождении финно-угорских слов.

Г. Берецки пишет, что Э. Беке в своих работах приступал к освещению рассматриваемого вопроса без всякого предисловия, и связывает эту особенность с математическими традициями в семье Беке. Только с этой позиции, позиции математического мышления, можно объяснить то, что его труды не теряют актуальности по настоящее время. В качестве примера Г. Берецки называет такие работы, как: «Finnugor határozós szerkezetek» («Обстоятельственные конструкции в финно-угорских языках») (NyK 43), «Cseremisz nyelvtan» («Марийская грамматика») (Finnugor Füzetek 16), «Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen» («Тюркские влияния в синтаксисе финно-угорских языков») (KSz 15, 1915). В последней обращается внимание на синтаксические явления, которые являются общими для многих финно-угорских языков, но не вследствие родственности языков, а возникли под влиянием разных тюркских языков. В работе «Zur Lautgeschichte der tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen» («К истории звуков чувашских заимствований в марийском») (FUF 23) на основе чувашизмов в марийском языке Беке доказывает тенденцию к открытости звуков *u* > *o*, *ü* > *ö* в западном и пограничных с ним луговых говорах. По наблюдениям ученого, она проявляется в говорах неодинаково: в одних процесс идет до конца, а в других не доходит до конца и тогда на месте *u* и *ü* появляются редуцированные *u* и *ü*, т.е. превращение звуков в открытые и редукция скрещиваются. Данная тенденция наблюдается и в русских заимствованиях. И если бы В. Штейниц в свое время обратил внимание на статью Беке, подчеркивает Г. Берецки, то не стал бы развивать свою теорию, потому что редуцированные гласные в первых слогах не древние, как предполагал Штейниц, а стали появляться с началом влияния русского языка.

Но все же всеобщую признательность Э. Беке получил как великий собиратель – собиратель материала по языку, фольклору и этнографии народа мари. И самым известным, самым выдающимся, заслуженным специалистом он стал в области марийского языка. Еще в 1911 г. была опубликована его «Cseremisz nyelvtan» («Грамматика марийского языка») объемом в 400 страниц, в ней освещаются вопросы и описательной, и исторической грамматики. Для написания книги Э. Беке обработал весь имеющийся к тому времени марийский материал. Своим исследованием Беке сразу вошел в число лучших финно-угроведов мира.

Во время первой мировой войны по заданию Венгерской академии наук он занимался сбором материала у марийских солдат, находившихся в австро-венгерском плену. Для этого он выбрал 29 военнопленных, представителей различных говоров. Как пишет сам Э. Беке в предисловии к книге «Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen» («Марийские сказки, легенды, рассказы») (MSFOu, LXXVI. – Helsinki, 1938. – O. VI), за три года собрал «281 сказку и легенду, 580 песен, 1177 пословиц и поговорок, 658 загадок, 1268 суеверий и примет, 270 данных о язычестве мари, 76 коротких молитв, 12 заклинаний, заговоров, 4 описания жертвоприношений, 4 описания праздничных обычаев, 4 описания похоронных традиций, 7 описаний свадеб, 2 описания из повседневной жизни, 2 описания из пчеловодства, 2 описания приготовления смолы, 1 автобиографию». Только один информант, 35-летний Даниил Лебедев, носитель уржумского говора, рассказал 78 сказок, 196 пословиц и поговорок, 119 загадок, 181 суеверие, 8 небольших молитв и 33 песни. Именно его материалы составили содержание вышеназванного тома марийских сказок, легенд, рассказов, который вышел объемом в 647 страниц с переводом текстов на немецкий язык. Параллельно с обработкой собранного материала Беке публиковал работы по разным проблемам марийского языка. Среди них можно назвать исследования о чувашских элементах, об истории спряжения в марийском языке и др. Но были значительные трудности с изданием марийских текстов. Хотя задание по сбору материала выполнялось по линии ВАН, все же во времена регентства Миклоша Хорти (1920–1944) академия неоднократно отклоняла публикацию собраний текстов. Э. Беке искал возможности издания за границей, так ему удалось опубликовать 4 тома. Уже после второй мировой войны обновленная академия начала издание марийских текстов, но работа продвигалась медленно. При жизни Беке неопубликованными остались второй том текстов и корона его творческой деятельности – марийский диалектный словарь.

Над словарем Э. Беке работал 40 лет. Словарь в 9 томах вышел на кафедре уральской филологии педагогического института им. Д. Бержени (1997–2001). Материал издания отражает целую эпоху из жизни марийского народа, является энциклопедией марийского быта, материальной и духовной культуры. Он представляет собой бесценный источник для изучения истории марийского языка, этнографии и фольклора (см. Кузнецова М. Марийский диалектный словарь Эдена Беке (история создания) // ФУ. 2012, № 1, с. 11–21). В 2003 г. за словарь диалектов марийского языка Эдену Беке посмертно присвоено звание лауреата Государственной премии Республики Марий Эл им. М.Н. Янтемира.

Несмотря на большую занятость обработкой материала, Э. Беке читал все, что публиковалось по специальности, будь это монографии или словари, и старательно их аннотировал. Даже в 80-летнем возрасте, когда его зрение резко ухудшилось и сам не мог читать, ему регулярно читали материалы из венгерских языковедческих журналов.

Ученики и коллеги подчеркивают, что Эден Беке был чрезвычайно твердой личностью. Критику выслушивал, но редко признавал. О себе не любил говорить, скупо высказывался и о предшественниках и современниках. Всегда имел свое мнение, не знал сделки с совестью. И не боялся того, что высказанная правда обернется ему неприятностями. Считал, что языковеду в первую очередь надо быть честным, порядочным человеком, потому что наука – это поиск истины, правды, справедливости, и что не может искать правды тот, который сам не честен, не порядочен. Он был фанатиком науки. Его огромная сила воли, упорство, настойчивость, стойкость вызывают уважение, делают его личность притягательной. В то же время не отказывал в помощи другим. Работая заведующим кафедрой, близко воспринимал жизнь и судьбы своих студентов, часто сам занимался решением их вопросов и проблем.

В течение всей жизни его волновала судьба финно-угроведения. Он хотел, чтобы молодые языковеды из финно-угорских республик Советского Союза имели возможность приезжать учиться в Венгрию.

Последним желанием Эдена Беке было посещение земли народа, исследованию языка которого он посвятил бóльшую часть своей жизни. Ему было 79 лет, когда в 1961 г. осенью вступил на марийскую землю, приехал в Йошкар-Олу. Сопровождал его Габор Берецки. И по рассказам профессора И.Г. Иванова, Эден Беке при выходе из поезда прослезился.

P.S. Автору этих строк выпала огромная честь работать над вторым томом марийских текстов и материалами диалектного словаря марийского языка академика, держать в руках его рукописи, читать его записи, вводить весь материал в компьютер и испытывать при этом самые разные чувства – удивление, восхищение, неловкость, глубочайшее уважение и преклонение перед эрудицией, талантом, удивительной работоспособностью, усидчивостью и кропотливостью, чувство гордости за человека, целиком и полностью отдавшего свою жизнь науке. Автору повезло и в том, что за время работы над словарем посчастливилось познакомиться с учениками Э. Беке, а впоследствии с коллегами, – Габором Берецки, Жофией Веленяк, с его сыновьями и с другими людьми, которые прекрасно знали Эдена Беке как ученого и как человека.

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Василий Вострикov
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ В.М. ВАСИЛЬЕВА

Валериан Михайлович Васильев (1883–1961), 130-летний юбилей которого марийская общественность отметила в январе 2013 года, является фигурой, значение и масштабы которой со временем видятся все более отчетливее. Стоя у истоков марийского национального возрождения, Васильев стал основоположником марийского научного языкознания, фольклористики, публицистики. По сути, он принял на себя функцию вождя, вокруг которого группировалась тогдашняя предреволюционная национальная интеллигенция из народа мари, получавшая образование в таком центре культуры для инородцев царской России, каким была тогда Казань и в меньшей степени Уфа с городом Бирском.

Пример с «Марла календарем» 1907–1910 гг. это доказывает, когда под влиянием революционной бури 1905–1907 годов проснулось национальное самосознание марийской интеллигенции и новое издание на марийском языке стало зародышем нарождавшейся марийской литературы и трибуной для людей, ставших впоследствии основой первого поколения марийских деятелей, строивших марийскую автономию в 20–30-х годах прошлого века.

«Марла календарь» был не только трибуной просветительных идей, но и школой для литераторов, публицистов, ученых. В дальнейшем после революции 1917 года в газете «Ӱжара» многие из них, имевших опыт сотрудничества с «Марла календарем», проявили себя последовательными сторонниками подъема статуса марийского народа и выступали за развитие его до уровня передовых наций.

Валериан Михайлович был редактором первой по существу марийской национальной газеты «Ӱжара» (1917–1918), которая имела читателей среди марийцев и за пределами самого Марийского края. Газета, ведомая Васильевым, была рупором марийского национального возрождения, пыталась разбудить народ и ставила злободневные вопросы, поднимавшиеся в процессе революционной бури, сломавшей прежний уклад Российской империи, до того казавшийся незыблемым.

При этом Васильев отнюдь не считал себя политиком, хотя и находился в центре марийской национальной борьбы за права в новой России. Ему доверено было возглавить черемисскую секцию Общества мелких народностей Среднего Поволжья. Он принимал участие в работе I съезда учителей в Бирске в июле 1917 года и I Всероссийского съезда мари, на котором был одной из ключевых фигур – секре-

тарем названного съезда. Логика стремления к просвещению и прогрессу своего народа, влачившего при царизме приниженное существование «инородцев» вела В.М. Васильева в средоточие политической жизни Марийского края. В разное время он был сочувствующим то социалистам-революционерам, то большевикам, но определялись его пристрастия работать с теми политическими силами, которые имели реальную власть, а значит, и возможность провести в жизнь то, что Валериан Михайлович считал полезным для народа.

По своим наклонностям Васильев был ученым, соединившим в себе таланты собирателя и исследователя. Причем в своих интересах он не ограничивался одним лишь языкознанием. В сфере его научных интересов находились и этнография, и музыкальный фольклор. Всего этого хватило бы с лихвой не на одну научную биографию.

В одном только марийском языкознании ученый оставил работы по основным направлениям данной науки – орфографии, этимологии, синтаксису, фонетике, диалектологии, семантике, грамматике. Пожалуй, не найти в этой области проблематики, которую так или иначе он не затронул в своих трудах по марийскому языкознанию.

Но особое место в научной биографии занимает составление словарей марийского языка. «Марий мутер» 1924 года издания и спустя без малого век сохраняет свое значение, являясь ценнейшим трудом по истории марийского языка. Из этого словаря выросли русско-марийский словарь 1928 года и марийско-русский словарь, выпущенный в Москве в 1956 году.

Обладая уникальными познаниями в области лексики и грамматики марийского языка, Васильев начиная с 20-х годов выступал активным переводчиком на марийский язык, создав несколько интересных терминологических словарей и выработав собственную теорию перевода на марийский язык. Ее Валериан Михайлович успешно реализовал, создав переводы басен Крылова, других русских авторов. В 1945 году он написал статьи «О переводной литературе», «К вопросу о переводах и издании басен И.А. Крылова на марийском языке». В 1947 году он вновь обратился к данному вопросу в статье «Как не надо переводить книги».

В.М. Васильев был прекрасным педагогом, преподавателем и методистом, оставившим после себя множество учебников и пособий, причем его интересовали не только проблемы, связанные с изучением марийского языка, но и способы усвоения русского языка марийцами. Еще в 1909 году был издан васильевский «Первоначальный учебник русского языка для восточных черемис», а в 1946 году уже в преклонном возрасте ученый пишет статью, сохранившуюся в рукописи, «Причины неуспеваемости марийцев в изучении русского языка» – как ответ на проблему, из года в год беспокоившую министерство просвещения и обком партии.

Всего этого достаточно, чтобы имя Валериана Михайловича навечно осталось в истории науки и в памяти народа. Но Васильев проявил себя еще и как талантливый этнограф, снискав себе признание в Обществе археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. В 1916 году он был избран членом-сотрудником Церковного историко-археологического общества. Перу

Васильева принадлежат статьи о секте «Кугу сорта», немало им сделано для изучения обрядов и верований марийцев. Как этнограф, он поставил на профессиональную основу дело собирания экспонатов для научно-краеведческого музея. И в настоящее время нельзя сказать, что все его наследие в этой области изучено надлежащим образом.

Главным же делом своей жизни и заслугой перед марийской наукой сам В.М. Васильев считал собирание марийских песен. Этому делу он в буквальном смысле слова посвятил свою жизнь и ничему так не огорчался, как трудностям в издании марийских песен, которые он записал в великом множестве у марийцев не только в самом Марийском крае, но и на Урале, в Башкирии. Музыкальное дарование Валериана Михайловича (он недурно пел и играл на скрипке) вкупе с его научно-аналитическими способностями позволили совершить подвиг в области музыкального фольклора своего народа.

Не случайно в июне 1958 года его посетил исследователь марийской музыки аспирант Института музыковедения при Академии наук Венгерской Народной Республики Ласло Викар. Авторитет В.М. Васильева в области музыкального фольклора был весом и неоспорим.

Ученый был открыт для контактов, щедро делился своими знаниями. Еще в дореволюционное время он познакомился с финскими учеными – этнографом Альбертом Хямялайненом и языковедом Расяненом. Впоследствии эти знакомства с финскими исследователями Васильеву вменили в вину при фабриковании «дела федералистов» в 1931 году. Это «дело», повлекшее за собой трехлетнюю ссылку, и «Большой террор» 1937–1938 гг., во время которого Валериан Михайлович скрывался от неминуемого ареста и гибели, наложили отпечаток на его последующую жизнь. Не прибавила Васильеву положительных эмоций и борьба с последователями марровского учения о языке, которая развернулась после выхода сталинской брошюры «Марксизм и вопросы языкознания». Васильев, как бывший аспирант Яфетического института АН СССР, которым до 1934 г. руководил академик Н.Я. Марр, сделался объектом нападок со стороны своих коллег. И только заступничество члена-корреспондента АН СССР Б.А. Серебренникова, принявшего участие в работе научной сессии по развитию марийского литературного языка (г. Йошкар-Ола, 27–29 декабря 1953 г.), прекратило травлю старейшего ученого. А в следующем году, спустя год после смерти «вождя всех времен и народов», Васильев пытается добиться своей полной реабилитации по пресловутому «делу федералистов», которую удается получить лишь в 1956 году после XX съезда КПСС.

Но сил после борьбы за честное имя гражданина и ученого оставалось все меньше, и в ноябре 1956 года патриарх марийского языкознания, отягощенный болезнями, отправляется на заслуженный отдых.

На исходе 1957 года В.М. Васильеву присвоили ученую степень доктора филологических наук, кстати, первому в Марийской республике.

Признание пришло к нему поздно, на самом закате долгой и трудной жизни. 3 января 1958 г. доктора наук Президиум Верховного Совета Марийской АССР

награждает в связи с 75-летием со дня рождения высшей наградой республики – Почетной грамотой.

На I съезде писателей республики (29–31 августа 1958 г.) Васильев – среди делегатов съезда, которые признали Валериана Михайловича одним из старейших марийских литераторов. На нем он выступил как создатель «Марла календаря», бывшего предтечей марийской литературы. Первые произведения С.Г. Чавайна увидели свет именно в этом альманахе. Да и сам Васильев оставил немало переводов, несколько книг для чтения на марийском языке, ряд басен, по праву заняв место в истории марийской литературы как один из первых писателей.

Этому ученому-просветителю марийский народ обязан еще и тем, что Васильев воспитал немало деятелей науки и культуры, продолживших дело развития и подъема марийской автономии. Круг интересов Валериана Михайловича был столь широк и масштабы сделанного им таковы, что они спустя многие годы будут предметом освоения и осмысления для новых поколений исследователей марийского мира.

Не случайно Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, которому ученый отдал более 15 лет жизни, носит с 1983 года его имя. Не забыто его имя на родине, в д. Сусады-Эбалаке, где земляки организовали дом-музей В.М. Васильева. Без упоминания о нем не обходится ни одно справочное и энциклопедическое издание по финно-угорскому миру.

Понимание значимости его фигуры и масштаба личности приходит к нам только сейчас. К его 125-летию выпущены были сразу три историко-биографических исследования, и интерес к Васильеву не падает, а растет по мере понимания его заслуг перед своим народом.

К ЮБИЛЕЮ А.Н. ТУРУБАНОВА

26 января 2013 г. исполнилось 75 лет ученому-историку, главному научному сотруднику сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, профессору, заслуженному деятелю науки Республики Коми Афанасию Николаевичу Турубанову.

Афанасий Николаевич Турубанов родился в 1938 г. в селе Кобра Койгородского района. В 1962 г. окончил историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института, в 1973 г. – заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «История СССР». В 1974 г. А.Н. Турубанов защитил в Петрозаводском государственном университете кандидатскую диссертацию «Создание Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в Коми АССР (1959–1972 гг.)», а в 1990 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР – докторскую диссертацию «Индустриальное развитие и рабочий класс Коми АССР в 60-е – первой половине 80-х годов».

В системе Академии наук А.Н. Турубанов работает с 1966 г., вначале – младшим научным сотрудником. В 1979 г. избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника, а в 1981 г. – на должность заведующего сектором истории советского периода. С 2008 г. – главный научный сотрудник сектора отечественной истории.

А.Н. Турубанов является одним из крупных специалистов в области отечественной истории на европейском Севере и в Республике Коми. За 46 лет работы в системе Академии наук А.Н. Турубанов показал роль Коми республики в деле создания мощного военно-промышленного комплекса в СССР в 20–30-е гг. XX века и в последующие годы прошлого столетия: проанализировал ход создания одной из северных баз крупной промышленности страны, особенно в развитии ее добывающих производств, изучил проблемы создания производственно-технической базы развития всех индустриальных отраслей народного хозяйства Республики Коми XX века, выявил особенности функционирования важнейших отраслей индустрии Республики Коми в специфических условиях нашего Севера, научно-технического прогресса, кадровых проблем, уровня жизненных условий работников республики, рас-

крыл основные формы новаторских починов индустриальных рабочих, инженеров и техников, которые порождались потребностями производства и были направлены на устранение причин, тормозящих его дальнейшее развитие.

А.Н. Турубанов создал научную школу в Коми историографии, щедро делится своими знаниями с коллегами по работе и учениками. С 1981 по 2007 годы в секторе отечественной истории (нынешнее название) было подготовлено около 30 кандидатов и докторов наук, из них у шести соискателей научным руководителем или консультантом был Афанасий Николаевич. За 1966–2012 гг. А.Н. Турубанов опубликовал свыше 150 научных работ общим объемом более 260 п.л., в числе которых 19 монографий (значительная часть из них в соавторстве). Под редакцией А.Н. Турубанова вышло 14 научных сборников статей и монографий

В 90-е годы XX века ученые Республики Коми под руководством А.Н. Турубанова разрабатывали тему «История Коми с древнейших времен до конца XX века», результатом чего явился выход двухтомной коллективной монографии. В 2000–2012 гг. А.Н. Турубанов осуществлял руководство и принимал непосредственное участие в разработке таких научных проблем, как история потребительской кооперации Республики Коми, лесной, топливный и строительный комплексы региона и др.

А.Н. Турубанов является научным редактором, автором или соавтором целого ряда документальных и учебных изданий для учащихся школ, профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений. Он четверть века осуществляет координацию научных исследований с другими научными учреждениями Республики Коми, Российской Федерации, являясь организатором ряда форумов ученых. За подготовку специалистов высшей квалификации ВАК Российской Федерации в 2002 г. присвоила А.Н. Турубанову ученое звание профессора по специальности «Отечественная история».

Заслуги А.Н. Турубанова отмечены медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, грамотами Президиума АН СССР, Президиума Верховного Совета Коми АССР и рядом других. Он – заслуженный деятель науки Республики Коми, лауреат премии Правительства Республики Коми в области науки.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 244 с.

В мордовской лингвистике есть имена, напечатанные золотыми буквами. Одно из них принадлежит Дмитрию Васильевичу Цыганкину.

Природа щедро наделила видного сына мордовского народа. Он прошел Великую Отечественную войну, сумел вернуться из этого ада, стал одним из ведущих финно-угроведов России, крупнейшим специалистом по мордовским языкам, заслуженным деятелем науки Мордовской АССР, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, действительным членом Международной академии информатизации, почетным членом Финно-угорского общества, доктором филологических наук, профессором.

Дмитрию Васильевичу 88-й год, но до сих пор он, бодрый, стройный, по-настоящему красивый мужчина, по-прежнему в строю. В настоящее время является ведущим профессором кафедры эрзянского языка ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева».

В 2011 году ученый сделал замечательный подарок для мордовских филологов. Издательство Мордовского университета выпустило сборник его избранных статей. Все, кто знает автора, отмечают энциклопедичность и фундаментальность его познаний, что нашло отражение и в содержании этой работы.

В целом сборник представляет собой многолетний труд исследователя и является многоплановым. Он предназначен для студентов-филологов, учителей, методистов и всех тех, кто интересуется проблемами финно-угорских языков.

Структурно книга состоит из нескольких разделов. Профессором М.В. Мосиным написана вступительная статья, в которой отмечаются несомненные заслуги Д.В. Цыганкина как ученого-лингвиста, преподавателя вуза, наставника молодежи.

Самым обширным является первый раздел под названием «Лингвистика». Известно, наиболее ценны и актуальны исследования Д.В. Цыганкина в области диалектологии и истории мордовских языков. Ученый всю жизнь с любовью собирает диалектный материал, совершенно справедливо полагая, что это живая история народа, языка. Симптоматично, что сборник открывают статьи, посвященные этой проблеме: «Свидетельства диалектологии как источник изучения истории мордовского народа» (с. 13–19), «Грамматическая категория определенности и ее формы

в диалектах эрзя-мордовского языка» (с. 19–39). При описании диалектного материала автор больше внимания обращает на фонетические и морфологические характеристики, а лексические и особенно синтаксические по существу оставлены в стороне. Однако это справедливо, так как объективно фонетика и морфология дают наиболее отчетливо выраженные изоглоссы. Большой интерес в этом разделе вызывают статьи, в которых поднимаемые проблемы выходят за рамки мордовских языков: «Об общих древних корнях в мордовских и хантыйском языках (опыт сравнительного анализа)» (с. 40–45), «О некоторых этимологически общих мордовско-хантыйских языковых особенностях» (с. 51–57), «Отражение гласных финно-угорского языка-основы в лексических соответствиях мордовских и хантыйского языков (опыт сравнительного анализа) (с. 58–66), «Обстоятельственные слова, возникшие из этимологически общих местоименных корней в мордовских, марийском, саамском и хантыйском языках» (с. 92–95) и др. В них ученый показал себя лингвистом широкого профиля, в равной мере владеющим материалом различных финно-угорских языков.

Во втором разделе представлены результаты топонимических исследований Д.В. Цыганкина. Раздел открывает статья «Топонимическая система мордовских языков» (с. 106–117). В ней рассматриваются мордовские топонимы с точки зрения образования на основе принципов номинации, выявляются их структурно-словообразовательные типы, предлагается ряд новых этимологий. Следует отметить, что с толкованиями большинства единиц можно в полной мере согласиться. Конечно, категорическое исходное значение от нас скрыто прошедшими веками и тысячелетиями, и нет абсолютных критериев для подтверждения той или иной расшифровки. Исследователь в этом случае рассчитывает лишь на надежность знаний и верность своей интуиции. В статье «Из наблюдений над структурными особенностями топонимов на территории Республики Мордовия» (с. 125–140) автор, говоря о том, что «современная топонимика Республики Мордовия … представляет собой многослойное образование, состоящее из разноязычных элементов, трансформированных в результате изменения исторических условий, сложных общественных процессов», выделяет «три слоя наименований: 1) древнейший (мордовский); 2) тюркский (татарский); 3) поздний (в основном русский)» (с. 126). На наш взгляд, специалисты оценят и такие работы, как «Мордовская микротопонимия (семантико-лексический и словообразовательный анализ)» (с. 140–145), «Мордовская архаическая лексика и топонимия Мордовии» (с.145–149), «Ойконимия Мордовского Заволжья» (с.156–162) и др. Приводимый в статьях материал интересен и с той позиции, что многие из топонимов сейчас начинают исчезать из памяти людей, поэтому их сохранение имеет особое гуманитарное значение.

Третий раздел включает заметки ученого, рецензии на книги и диссертации. В них трепетное отношение к родному языку, родной этнической культуре, мысли об их сохранении и развитии. Искренней болью за судьбу родного языка и родной культуры наполнена статья «О некоторых факторах, способствующих сужению языкового пространства мокшанского и эрзянского языков как государственных»

(с. 187–192). Об этом же работа «Некоторые размышления о значимости родных мокшанского и эрзянского языков в школьной практике» (с.192–195). Доброй памяти своих друзей финно-угроведов, тех, кого знал, с кем дружил Д.В. Цыганкин на протяжении многих лет, посвящены статьи «Пауль Аристэ. Памяти Учителя» (с. 199–200), «К.Е. Майтинская и мордовское языкознание» (с. 200–202), «Александр Павлович Феоктистов – один из виднейших финно-угроведов» (с. 203–207). В разделе помещены отзывы на диссертации: докторские – В.К. Кельмакова, Г.И. Ермушкина, Т.Н. Дмитриевой, Г.В. Федюневой, кандидатские – В.И. Лешкиной, Т.Д. Блашкиной, Н.М. Шепелевой, Е.М. Девяткиной (с. 207–242). Д.В. Цыганкин видит перспективу развития высшей школы Мордовии и готовит подступы к ней, формируя базу своей повседневной, кропотливой работой. В различных диссертационных советах страны (Тарту, Саранск) успешно защищали диссертации его ученики. Завершает раздел список диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, подготовленных под руководством профессора Д.В. Цыганкина с 1970 по 2008 годы.

В заключение следует отметить, ученый обладает счастливым даром облекать творческие идеи, глубокие и многообразные наблюдения в кратчайшую, чеканную, но емкую по содержанию словесную оболочку. Для всех его работ характерен безупречный стиль, блестящий и лапидарный язык. Несомненно, сборник является заметным вкладом в мордовское языкознание, т. к. он дает возможность вновь и вновь приобщиться к исследовательским мыслям и мастерству известного финно-угроведа Д.В. Цыганкина.

Любовь Водясова
Саранск

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Рец.: Ошаев А.Г. Общественно-политическое движение в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 2012. – 175 с.

История общественно-политического движения в Марийском крае до настоящего времени остается слабо изученной, к тому же она до недавнего времени рассматривалась лишь с точки зрения марксистско-ленинской концепции. Выступления крестьян периода первой российской революции оценивались главным образом на основе сопоставления с общероссийским революционным движением. На своеобразие общественно-политических, социально-классовых настроений и отношений в самом регионе обращалось мало внимания. Поэтому упускались из внимания многие внутренние, не связанные с общероссийскими событиями, факторы, обусловившие общественные выступления местного населения. При характеристике общественно-политического движения в крае необоснованно выпячивалось значение и роль революционной пропаганды и политического просвещения. Нередко завышался уровень общественно-политической активности и классового расслоения крестьянства. Стремление выделить руководящую роль большевиков в революции мешало объективно оценить деятельность других политических партий и объединений. Усилия марийской интеллигенции, направленные на пробуждение общественного сознания народа и становление марийского национального движения, оценивались лишь с негативной стороны.

В своей монографии Алексей Григорьевич Ошаев на основе обобщения теоретических наработок современных отечественных историков и критического анализа результатов предшествующих исследователей дает комплексную характеристику общественно-политическому движению в крае в годы первой российской революции. С этой целью он изучил социально-экономическую и политическую обстановку в крае накануне революции, осветил деятельность политических партий и организаций, их место и роль в общественно-политическом движении, выявил региональные особенности общественных выступлений, причины, характер и формы их проявлений. В монографии раскрывается роль и значение марийских просветителей в консолидации марийского народа, влияние революции на формирование национального движения.

Монография написана на основе изучения неопубликованных архивных материалов административных и полицейских учреждений Казанской и Вятской губерний (жандармских и полицейских управлений, судебных и прокурорских учреждений, канцелярий губернаторов), протоколов революционных организаций, воспоми-

наний участников выступлений. В работе нашли отражение публикации периодических изданий политических партий, губернских средств массовой информации и т.д.

В книге дается развернутое представление об особенностях модернизации социально-экономической сферы в Марийском крае на рубеже XIX–XX веков. Автор отмечает, что в начале XX века край представлял собой аграрную провинцию со своими особенностями в землепользовании и землевладении. Здесь, по мнению А. Ошаева, реформы проходили с опозданием, аграрный сектор был слабо вовлечен в рыночные отношения, в сельскохозяйственном производстве преобладали традиционные методы хозяйствования. Промышленность же края находилась в начальной стадии развития и не могла оказать серьезного влияния на традиционный уклад местного населения. Поэтому классовые черты общества в крае проявлялись слабее, чем в центральных районах страны. Выступления недовольного своим экономическим положением населения носили единичный характер, они не доставляли серьезного волнения властям. Поэтому, как считает автор, применительно к Марийскому краю начала XX века о «нарастании классовой борьбы говорить не приходится» (с. 49).

Действительно, общественное движение в крае находилось в зачаточном состоянии. Распространением революционных идей занималась лишь небольшая группа административно-ссыльных, некоторые учителя, врачи, студенты. Революционных кружков было мало, их периодическая деятельность не могла существенно повлиять на сознание рабочих и крестьян. Автор на основе изученных многочисленных материалов делает вывод о том, что в Марийском крае накануне революции 1905–1907 годов социально-экономическая и политическая обстановка оставалась стабильной.

Во второй главе прослеживаются особенности проявления общественно-политической и социальной активности населения в 1905 году. Автор убедительно показывает, что забастовочное движение, пронесшееся над Россией осенью этого года, нашло в деревнях края лишь слабый отклик. В начальный период революции внимание населения края было больше приковано к событиям русско-японской войны. Революционный кризис в Марийском крае нарастал медленнее, чем в других регионах страны (с. 65). Активность крестьян стала возрастать лишь после выступлений в губернских центрах. Автор считает, что предыдущие исследователи расценивали выступление рабочих поселка Юрино против местных властей и помещика Шереметева как восстание. По мнению А.Г. Ошаева, это был бунт. Крестьянское движение в крае носило стихийный, локальный, разрозненный, слабоорганизованный характер.

В книге приводятся многочисленные факты участия представителей интеллигенции, социал-демократов и социалистов-революционеров, активистов Крестьянского и Учительского союзов в развертывании революционно-демократического движения. Участники движения ратовали за модернизацию политической, экономической, социальной и культурной сфер жизни общества. Несмотря на это, по мнению автора, основная масса трудящихся оставалась политически индифферентной и готова была бороться лишь за улучшение своего экономического положения.

В третьей главе «Марийский край в 1906–1907 годах» говорится, что общественное недовольство стало активизироваться лишь весной 1906 года, а открытые протесты, сопровождавшиеся бунтами, политическими митингами прошли ле-

том. По мнению автора, накал борьбы в крае был слабее, а спад движения наступил раньше, чем в целом по России. Автор считает, что эти выступления были связаны как с объективными (неурожаи, увеличение податей, роспуск Думы), так и с субъективными (приобщение населения к выборам в Думу, деятельность политических партий, местных властей, распространение слухов и т.д.) причинами.

Одним из несомненных достоинств монографии нужно считать раскрытие автором культурологического значения первой российской революции для марийского народа. Революция действительно всколыхнула жизнь российской провинции, пробудила движение народов за освобождение от социального, национального и духовного гнета. В монографии приводится немало свидетельств активного участия марийских учителей в переводе и распространении нелегальной литературы среди марийских крестьян. Марийская демократическая интеллигенция, воспользовавшись революционными переменами, развернула активную деятельность по просвещению народа, пробуждению его национального самосознания. Надежным институтом пропаганды культурно-просветительских идей, духовного сближения марийской интеллигенции стал кружок саморазвития и самообразования марийских учителей и учащихся в Казани и издаваемый ими ежегодник «Марла календарь». А.Г. Ошаев отмечает, что марийская интеллигенция по происхождению и социальному положению была крестьянской. Поддерживая коренные интересы марийских крестьян, она открыто или пассивно выражала свой протест против царизма. Ее идейно-политические взгляды формировались под влиянием революционно-демократических и либеральных идей. Автор отмечает, что этнокультурная мобилизация народа осуществлялась в процессе диалога культур. Деятельность марийской интеллигенции разворачивалась в тесном контакте с представителями национально-освободительного движения соседних народов.

В заключительной части монографии даются общие выводы автора об особенностях революционного движения на провинциальной национальной окраине России. В конце книги приводится список сокращений, постраничный указатель имен. К сожалению, в этом указателе допущена одна досадная неточность: поэт Герасимов М.С.(Микай) оказался ошибочно объединен с однофамильцем Герасимовым Михаилом – инициатором создания марийского монастыря в Козьмодемьянском уезде.

В целом монографическая работа А.Г. Ошаева значительно расширяет имеющиеся в исторической литературе представления о революционных событиях в крае. Она дает достаточно выдержанную оценку деятельности политических организаций и крестьянских выступлений, раскрывает особенности идейно-политических, национально-демократических взглядов представителей марийской интеллигенции, что, несомненно, вызовет большой интерес у читателей. Монография может стать большим подспорьем для дальнейших исследований истории развития общественного движения, многопартийности в Марийском крае. Наблюдения и выводы автора могут быть востребованы также в процессе совершенствования многопартийной системы и развития демократии в обществе.

Никандр Попов
Йошкар-Ола

Рец.: Сушкова Ю.Н. Под небом Канады. Монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 304 с.: ил. + цв. вкл.

Новая монография доктора исторических наук, заведующего кафедрой международного и европейского права, декана юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева Ю.Н. Сушковой посвящена анализу жизни наших зарубежных соотечественников – российских духоборов в далекой северо-американской стране Канаде, ставшей для них после эмиграции из России второй родиной. Книга написана на базе широкого круга разнообразных источников, в основном материалов, собранных автором среди духоборов во время экспедиционной поездки в канадскую провинцию Британская Колумбия в 2004 г. с помощью методов непосредственного наблюдения и опроса. Кроме того, она работала в архиве и библиотеке Университета г. Ванкувер Британской Колумбии, где также выявляла источники из жизни духоборов в Канаде, главным образом это статьи в англоязычных периодических изданиях, книгах, а также фото- и видеоматериалы.

Структурно монография включает в себя предисловие, введение, одиннадцать разделов, заключение, список источников и литературы, список сокращений и приложения. Работа богато иллюстрирована фотографиями, а в одиннадцати приложениях приводятся документы на русском и английском языках – переписка автора с духоборами, списки фамилий духоборческих семей, тексты переговоров между канадским правительством и духоборами о выделении земельных участков, карты поселений духоборов в Канаде, списки духоборов-свободников, отбывавших наказание в разных тюрьмах Канады, материалы о сохранившейся у духоборов мордовской песне, отчет о порядке заключения брака по ритуалам и обрядам духоборов, публикации в канадских газетах о духоборах и др.

Во **введении** автор анализирует источники и научную литературу по духоборам, указав, что большую помощь в исследовании ей оказали работы В.Д. Бонч-Бруевича, П.И. Мельникова (Печерского), А.И. Клибанова, П.И. Малова, С.А. Иниковой, Н.Ф. Мокшина, О.Е. Казьминой, Е.Н. Мокшиной и др.

В **первых двух разделах** книги «Возникновение секты, идеология, ее учение» (с. 16–20) и «Духоборы в Закавказье» (с. 21–37) рассмотрена история возникновения секты духоборов в России, их религиозные взгляды, переселение и жизнь в Закавказье, хозяйственные занятия и культурные традиции, рассказано о лидерах движения.

Третий раздел «Л.Н. Толстой и сектанты» (с. 38–43) посвящен духовным исканиям знаменитого русского писателя, его связям с духоборами. Как известно, Л.Н. Толстой симпатизировал духоборам, оказывал им поддержку в сложных ситуациях, когда царское правительство преследовало их. Свой гонорар за роман «Вос-

кресение» писатель передал духоборам на покрытие расходов на эмиграцию в Канаду. Более того, переселявшихся духоборов в путешествии на корабле «Супериор» сопровождал сын писателя Сергей Львович Толстой.

В **четвертом и пятом разделах** «Миграции в Канаду» (с. 44–47) и «Духоборы в Канаде» (с. 48–51) рассказывается о процессе переселения духоборов в Канаду, их адаптации на ее территории, выявляются путем анализа фамилий мордовские семьи среди переселенцев-духоборов.

Шестой раздел «Община и ее организационно-правовые структуры» (с. 52–79) освещает то, как проходило обустройство духоборов в Канаде, наделение их землей, организовывались поселения. Традиционно для духоборов было характерно общинное устройство жизни, которое сохранилось и в Канаде, обретя уникальные черты. Наименьшей единицей поселения духоборов в Британской Колумбии было село (village), состоявшее из двух больших двухэтажных общинных домов (communal houses). Оно представляло собой одну общину по распределению сельского оборудования. Так, пара лошадей, фургон, сани, плуг, бороны и другие земледельческие принадлежности приходились на все село, хотя огород возделывался каждым домом отдельно. В общинном доме обычно размещалось от 35 до 50 человек, а в некоторых и более. Расселение в домах осуществлялось по семьям. Общинный дом состоял из двух этажей. Члены семьи жили на втором этаже, а старички – в кладовушках (нижних комнатах). Считалось, что внизу жить почетнее, поэтому там селились самые старые члены семьи. Каждая семья жила отдельно, в доме было много комнат. Сейчас в общинных домах духоборы не живут, семьи имеют индивидуальные дома. Сохранилось немного общинных домов, многие из них проданы, перестроены, другие сгорели и разрушились (с. 58–59).

Мордве традиционно были присущи большие неразделенные семьи, которые после переезда в Канаду размещались в одном доме. Про жителей этих домов говорили, что в них живет мордва, говорящая на непонятном для окружающих языке. Села объединялись в участки. Отдельные участки духоборы по сей день называют мордовскими, а их жителей мордвой (например, у. Луговое). Другие участки – Пазморо (Passmore), Салмо (Salmo) даже официально носят мордовские ойконимы, причем уникальные, связанные с традиционным мордовским мировидением и миропониманием. Так, этимология ойконима Пазморо, бесспорно, восходит к мордовским словам *паз* – бог, *моро* – песня и связана с дохристианскими традициями богослужения, сопровождавшимися песнями-молитвами (эрз., мокш. *пазморо*), адресованными тому или иному языческому божеству. Многие духоборцы, проживающие на этих участках (Шерстобитовы, Новокшоновы, Рязанцевы, Озеровы), на расспросы об их этнической принадлежности отвечали, что в них течет «мордовская кровь» (с. 59–63).

В **седьмом разделе** «Юридические традиции в сфере семьи и брака» (с. 80–104) рассматриваются внутрисемейные отношения духоборов. Автор книги отмечает, что традиционно семьи духоборов строились на патриархальных началах. Главой в семье был старейший мужчина – отец, свекор, который у духоборов назывался старичком, а женщинами управляла мать, свекровь – называемая соответственно старушкой.

Глава семьи являлся блюстителем обычаев, оплотом домашнего правопорядка. Старожилов глубоко почитали, и эта традиция до сих пор не утратила своей значимости. Серьезное внимание обращалось на этикет духоборов, их взаимоотношения друг с другом. Хозяйство в селе и семье велось совместно. Трудовые функции разделялись следующим образом: мужчины работали в поле, дворе, ухаживали за садами, женщины в доме и на огородах, дети ходили в школу, а также помогали своим родителям. Каждый старался быть аккуратным, блюсти тишину в доме. Опоздание к столу, уклонение от очередной молитвы, шумное поведение или другие «неприличные вольности» строго порицались. В воспитании насилия не применяли (с. 80–87).

Свадьба духоборов обязательно проводится публично, тем самым утверждается брак. Начинается все с того, что молодые сообщают родителям о желании вступить в брак; каждая из сторон на семейном совете обсуждает кандидатуру. Затем осуществляется обряд сватовства, на котором назначают день свадьбы. В оговоренное время молодые выходят к собравшемуся народу, держа друг друга за руки. Им преподносят символичные подарки. Невеста получала приданое. Свадьба обязательно проводилась в присутствии хлеба, соли и воды – священных символов духоборов. Необходимо было также благословение родителей. Около духоборческих символов молодые произносили обещания хранить друг другу верность и любовь. Молодая жена переходила жить к родственникам мужа. Брак рассматривался как необходимая составляющая жизни каждого человека, существенно влияющая на сохранение веры и традиционного уклада. Образцом духоборческой семьи считалась супружеская пара, у которой рождалось много детей. Высокая рождаемость была одной из ключевых норм брачных отношений. В целях ее повышения применялись многочисленные заговоры, смысловое значение которых к настоящему времени забыто. Один мордовский заговор был зафиксирован во время экспедиции к духоборам С.А. Никовой (1, p. 46).

Мордовской традицией, долгое время существовавшей у духоборов, было внесение женихом выкупа (морд. *питне*) за невесту. Этот обычай входил в противоречие с духоборческим представлением о браке, когда обе стороны считались равными, и никто не должен был вносить никаких денежных сумм, кроме небольших подарков, сделанных своими руками. Но отцы, по рассказам старожилов, упорно требовали платы за дочь и брали ее в тайне от лидеров Духобории, запрещавших такие поступки (с. 89–92).

Существенное значение в соционормативном укладе духоборов придавалось культу предков, которые считались блюстителями порядка в загробном мире. У духоборов обычно хоронили на третий день. Поминки устраивали через 6 недель, иногда через год. Раньше хоронили по семьям, родам, а теперь принято хоронить по рядам. На похоронах родственникам умерших много помогают, обязательно поют псалмы. На могилах ставятся памятники с указанием фамилии умершего, даты его рождения и смерти. В одних случаях надписи делаются на русском языке, в других – на английском. Практиковалось указание имени на двух языках. В обустройстве духоборческого кладбища присутствует немало символов, одним из которых является расту-

щая на нем сорная трава. «Russian tassel» – русская трава, сорная, возросшая из множества сорных семян. Духоборы считают это образом их судьбы, поскольку среди них люди разных национальностей, исторических корней (с. 103–104).

Восьмой раздел «Обычаи уголовно-правового характера и наказания» (с. 105–112) посвящен рассмотрению правовых традиций в жизни духоборов. Автор отмечает, что преступлений в общинах практически не было. «Такие явления, как пьянство, мясоедение, курение, танцы, разврат, сифилис, разбои, грабежи, убийства и тому подобное отсутствовали в общине...» (2, с. 110). Тем не менее единичные случаи преступлений происходили и надолго сохранялись в памяти. Считалось, что наказание должно исправить человека, наставить его на путь истинный. В общине практиковались разные виды наказания виновных. Чаще всего таковым запрещалось выдавать муку сроком от трех дней до одного месяца, в зависимости от серьезности нарушения. Самое легкое наказание: публичное порицание виновного. В случаях серьезных проступков духоборы подвергались исключению из общины. Некоторые из старших духоборов, особенно строгие по характеру, даже пробовали ввести телесное наказание в виде порки. Но большинство посчитало этот способ слишком суровым для христианского общества, и потому он не был введен в обычай (с. 109–112).

В **девятом разделе** «Дело» Кинякиных» (с. 113–156) рассказывается о борьбе, которую вели духоборы, особенно представители их радикального крыла – «свободники», против ассимиляторских мер и разрушения общины, призыва на военную службу, предпринимаемых канадским правительством. Исследование показало, что среди активных представителей так называемых «сыновей свободы» было немало мордвы и людей, имеющих «мордовские корни». Так, одним из известных родов канадских свободников был мордовский род Кинякиных. Его представитель Г.В. Кинякин (Джордж Кинякин, 1924 г. рожд.) отсидел в различных канадских тюрьмах суммарно 14 лет, но и там вместе со своими единомышленниками не отказался от духоборчества, от своих представлений о правде и справедливости (с. 123, 135).

Десятый и одиннадцатый разделы книги «Духоборы и советская власть» (с. 157–159) и «Духоборы сегодня и завтра» (с. 160–176) посвящены рассмотрению взаимоотношений канадских духоборов с советской властью, освещению жизни общин духоборов Канады в настоящее время, перспективам развития духоборчества. Современные духоборы испытывают беспокойство о будущем развития Духобории. Их тревожат ассимиляционные процессы, утеря многих морально-этических и культурных ценностей. Автор указывает, что новое поколение духоборов существенно изменилось, оно не просто адаптировано, как поколение их родителей, к условиям жизни в Канаде, а является ее органичной частью. Молодые люди получают хорошее образование, большинство работает в городах за пределами духоборческих общин. В то же время это не означает, что молодежь отказалась от духоборчества, напротив, она рассматривает его не только как веру, но и в целом как мировоззрение, во многом являющееся морально-нравственной основой ее бытия. В повседневной жизни молодые люди не носят духоборческий костюм, но на праздники, моления обязательно надевают его с гордостью (с. 174–176).

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Ю.Н. Сушкова отмечает, что российские духоборы, переселившись более века назад в Канаду, пережив многотрудный процесс адаптации, стали ныне составной частью канадского общества, не утратив особенностей своего религиозного культа. Они продолжают развивать идеи свободы, мира и трудолюбия, во многом опираясь на учение Л.Н. Толстого, который сам преклонялся перед духоборчеством, называл духоборов людьми XXV века и большую часть своего состояния отдал за то, чтобы их дело восторжествовало на земле (с. 181).

В предисловии к книге, написанном доктором исторических наук, профессором кафедры этнологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова О.Е. Казьминой, верно подмечено, что «до последнего времени в этнологии практически не рассматривался этнический состав духоборов, поскольку сформировалось представление о них как об особой группе русского этноса. Лишь в немногих исследованиях говорилось об этнической неоднородности духоборов, объединивших в своих рядах не только русских, но и мордву, поляков, цыган, татар, украинцев и др.» (с. 3).

Монография Ю.Н. Сушковой посвящена прежде всего изучению мордовского аспекта духоборов Канады. Автор книги убедительно показывает, что несмотря на множество общих, присущих всем канадским духоборам черт, возникших на основе религиозного культа, а также в результате совместной жизнедеятельности, одного языка (русского) и общей многотрудной судьбы, духоборы-мордва, давно проживая за пределами своей исторической родины, и поныне помнят об этнических корнях, сохраняя и некоторые черты мордовской традиционной культуры.

Конечно, современная мордва – народ христианский, православный. Русское православие глубоко вошло в жизнь, культуру, традиции мордовского народа, тесно сблизив, объединив русских и мордву. Глава Мордовской митрополии митрополит Варсонофий не раз образно говорил по этому поводу, что «душа мордовского народа по натуре – христианка, добрая душа», что в Мордовии «основной процент верующих в селах, деревнях именно мордовских» (3). Эти наблюдения подтверждаются и нашими многолетними экспедиционными исследованиями, которые мы со студентами-историками ежегодно проводим в разных селах Мордовии во время летней полевой этнографической практики.

В то же время следует отметить, что религиозная сфера жизнедеятельности мордовского народа, как и его история, этнография, археология, сложна и многопланова. Как известно, мордва – народ древний, в России автохтонный, аборигенный, исторически широко расселенный в государстве, издавна живущий вперемешку, по соседству с другими народами и главным образом с русскими. И вполне естественно, что мордва вместе с русскими включалась и в их разнообразные религиозные, часто в литературе называемыми сектантскими, движения, в России довольно многочисленные и географически широко распространенные.

Эти главным образом крестьянские движения были оппозиционны, хотя и в разной мере, господствующей церкви, политическому режиму, являлись своеобраз-

ной формой социального протеста, борьбы с несправедливостью, угнетением, эксплуатацией, искали альтернативные пути с их точки зрения более справедливого, правильного образа жизни, общественного устройства. В их общинах и других ячейках вместе с русскими находилась и мордва, представители других народов, т.е. движения эти являлись полиэтничными. По наблюдениям исследователей, в эти движения больше включались государственные крестьяне, активно участвовавшие в рыночном обороте (4, с. 54–56.). А, как известно, категория государственных (ранее ясачных. – *Е.М.*) крестьян состояла в основном из народов Поволжья, в том числе мордвы.

Следует отметить, что своих собственных (этнических) религиозных движений (сект) у мордвы не было. Она, как правило, будучи уже крещеной, вступала в различные российские религиозные движения, основную массу приверженцев которых составляли по преимуществу русские крестьяне из соседних с мордовскими сел и деревень. «Сектантство, – писал большой знаток мордвы М.Е. Евсевьев, – у мордвы явление новое. Оно появилось среди нее около ста лет назад. Живут сектанты большею частью в одних селениях с православной мордвой. Сектантская и православная молодежь играют на улицах вместе, поют одни песни. То же самое бывает и на свадьбах: если выходит замуж сектантка, приглашают на свадьбу и православных подруг, только кормят последних за отдельным столом и из особой посуды, которую для этого берут у православных соседей. На православную свадьбу сектантки приходят с собственной посудой. Свадьба сектантская ничем не отличается от православной, мордовской, кроме венчания… Пируют на свадьбах и сектанты и православные вместе. По словам православных, после перехода в сектантство сектанты некоторое время держали себя изолированно от прочей мордвы: молодежь свою на улицу по вечерам не пускали и на свои свадьбы православных не приглашали, и спиртных напитков не употребляли. Но это продолжалось недолго. Молодежь сначала украдкой от родителей стала выходить на улицу и петь мордовские песни, а потом открыто. Православные стали жениться на сектантках, сектанты – на православных, и снова все перемешались между собою, и на свадьбах сектантских стали употреблять спиртные напитки» (5, с. 336–337).

Степень распространения сектантства среди мордвы до сих пор изучена мало. Можно приводить лишь фрагментарные, выборочные данные. Так, по выявленным мной в разного рода источниках материалам, среди мордвы в дореволюционный период довольно широко были распространены некоторые направления старообрядчества, в основном беспоповского толка, такие как «Спасово согласие», «староверы-поморцы», «блаженные», «собеседники», «люди божии» и др. Однако наибольшую популярность среди мордвы приобрели религиозные течения духоборов, молокан и хлыстов, исторически действовавшие на территории Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Воронежской, Самарской, Нижегородской, Казанской, Оренбургской и некоторых других губерний. Эти религиозные направления, возникшие в России еще в XVII–XVIII вв., в литературе получили название духовных христиан (6, с. 52–69).

Замечу, что нахождение мордвы в составе духовных христиан, особенно в разных странах – за рубежом, куда часть из них в силу многих причин эмигрировала еще в дореволюционный период, а некоторые и в ранний советский – вскоре после революций 1917 г., до сих пор практически не изучено. В этой связи огромную научную ценность представляет исследование Ю.Н. Сушковой, проведенное среди духоборов Канады, в котором она впервые так подробно проследила мордовский аспект.

Замечу также, что изучать религиозную сферу жизнедеятельности любого народа весьма непросто, ибо эта сторона жизни людей является закрытой от постороннего глаза, конфиденциальной, рассказывать о которой не принято. Еще М.Е. Евсевьев отмечал, что мордва крайне неохотно пускает исследователей на свои моления (озксы), другие религиозные обряды и действа, либо вообще не пускает. Так остается и поныне. Поэтому исследователю стоит больших трудов, душевных сил, чтобы так расположить к себе людей, чтобы они начали ему доверять и делиться самым сокровенным. Это очень непросто и требует высоких человеческих качеств, терпения, этнографического исследовательского таланта.

Поэтому материалы, собранные Ю.Н. Сушковой среди духоборов Канады и так профессионально, с большим пониманием, уважением и добром изложенные в книге, поистине уникальны и ценны. Ведь ни для кого не секрет, что время скоротечно и люди – носители истории, традиций, культуры тоже не вечны, смена поколений происходит непрерывно. А то, что записано, изложено в книгах остается в сокровищнице знаний об окружающем нас мире на века.

Конечно, духоборы заслуживают, чтобы их изучали, писали о них. Они вызывают большое уважение за стойкость, глубокую преданность своей вере, ту борьбу, которую они ведут против насилия, милитаризма, войны, за мир во всем мире. Позитивен их образ жизни, основанный на гуманистических ценностях, взаимном уважении, огромном трудолюбии, отказе от вредных привычек, здоровом образе жизни.

Книга Ю.Н. Сушковой «Под небом Канады» приоткрыла нам еще одну доселе неизвестную страницу в судьбе мордовского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Inikova S.* Doukhobor Incantations Through the Centuries // Translated from Russian and edited by Koozma I. Tarasoff. Foreword by Robert b. Klymasz. – New York; Ottawa; Toronto: Legas and Spirit Wrestlers Associates.

2. *Малов П. И.* Духоборцы, их история, жизнь и борьба. К 50-летию пребывания духоборцев в Канаде. Кн. 1. – 1948.

3. *Варсонофий.* Отечеству нужны чистые люди // Мордовия. – 1994. – 18 февраля.

4. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1965.

5. *Евсевьев М. Е.* Избранные труды. В 5 т. Т. 5. Историко-этнографические исследования. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966.

6. *Мокшина Е. Н.* Религиозная жизнь мордовского народа во второй половине XIX – начале XXI века. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Саранск, 2006.

Елена Мокшина
Саранск

«Финно-угроведение», 2013, № 1

ХРОНИКА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ»

В соответствии с решением Комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве РМЭ от 31 мая 2012 года и распоряжением Главы Республики Марий Эл от 2 июля 2012 года № 180-рг 6 декабря 2012 года в ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева» прошла научно-практическая конференция «Марийский язык в компьютерных технологиях», организованная МарНИИЯЛИ при содействии Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл при финансовой поддержке Правительства Республики Марий Эл. Данную конференцию можно считать продолжением международной конференции «Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи, перспективы», которая состоялась в апреле 2011 года в городе Йошкар-Оле. Конференция нацелена на обсуждение актуальных проблем в области внедрения марийского языка в компьютерные технологии.

На открытии с приветственной речью выступил директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Александр Сергеевич Казимов. Участников конференции приветствовали заместитель Председателя Правительства, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Михаил Зиновьевич Васютин, заместитель Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл, Председатель (Оньыжа) Всемарийского Совета Анатолий Николаевич Иванов.

В работе конференции приняли участие 54 человека – представители Правительства, Государственного Собрания, Министерства культуры, печати и по делам национальностей, Департамента информатизации и связи Республики Марий Эл, сотрудники МарНИИЯЛИ, высших и общеобразовательных учреждений республики, ученые и специалисты в области информатики и компьютерных технологий Республики Марий Эл, Республики Коми, Чувашской Республики, Кировской обла-

сти (городов Йошкар-Ола, Сыктывкар, Киров, Чебоксары). Также представлены видеодоклады интернет-участников из Финляндии, Австрии, городов Казани и Сыктывкара. Всего видеоучастников было 5 человек: Джек Рютер, д-р философии, Хельсинский университет (Финляндия); Джереми Мос Бредли, доктор философии, исследователь Финно-угорского отделения Венского университета (Австрия); Федина Марина, начальник Центра инновационных языковых технологий Коми республиканской академии государственной службы и управления; Тронд Тростеруд (Норвегия), руководитель Центра саамских языковых технологий «Гиеллатекно»; Джавдет Сулейманов – вице-президент Академии наук Республики Татарстан.

На заседании заслушано 11 докладов по различным проблемам: А.С. Смирнов «О локализации программного обеспечения на марийский язык», А.В. Чемышев «Современное состояние цифрового обеспечения марийского языка», М.В. Чемышев «К вопросу об использовании марийского языка в интернет-ресурсах», Е.И. Игнатьева «Из опыта использования дистанционных технологий в повышении квалификации учителей марийского языка», Г.Н. Сидорова «Электронный образовательный ресурс (8 класс)», Э.В. Гусева «Электронный марийско-английский словарь (опыт создания)», Ӧньӧ Лав (В.А. Степанов) «О создании национального корпуса коми языка», А.В. Болтачев «Разработка системы перевода с русского на удмуртский язык», В.В. Килеев «Лингвистические технологии «МарлаМутер», А.Л. Пустяков «О некоторых проблемах создания морфоанализатора марийского языка», А.А. Кузьминых «Анимационные проекты на марийском языке».

Исследователь Финно-угорского отделения Венского университета Джереми Мос Бредли ознакомил участников конференции с марийским веб-проектом Венского университета. Сотрудник Хельсинкского университета Джек Рютер выступил с предложением о свободном источнике для создания морфологического анализатора. Следует отметить, что такой формат заседания характеризует в целом высокий уровень организации и технического оснащения конференции.

В ходе работы конференции были затронуты такие значительные темы, как локализация программного обеспечения на марийский язык, современное состояние цифрового обеспечения марийского языка, некоторые проблемы создания морфоанализатора марийского языка.

В числе иностранных участников в зале заседаний присутствовал находящийся в длительной командировке в городе Чебоксары преподаватель испанского и французского языков из Барселоны (Испания) Эктор Алос и Фонт.

На конференции присутствовали и учителя, выступления которых были посвящены использованию информационно-коммуникационных технологий в школе на уроках родного языка и литературы, марийского государственного языка (из опыта работы), а также в повышении квалификации учителей марийского языка.

На заключительном заседании конференции были приняты рекомендации, в соответствии с которыми, в частности, предложено шире развивать сотрудничество и обмен накопленным опытом с коллегами из других регионов в области наци-

ональной информатизации. Кроме того, поступили предложения о создании специального структурного подразделения компьютерной (математической) лингвистики в составе МарНИИЯЛИ или Департамента информатизации и связи РМЭ, работающего на штатной основе и осуществляющего целенаправленную деятельность по обеспечению функционирования марийского языка в компьютерных технологиях, в т.ч. по разработке: автоматических переводчиков на марийский язык и с марийского языка (прежде всего русско- и англо-марийских и наоборот), систем поиска, проверки правописания, сканирования текста (со словарем поддержки), программ по изучению и исследованию языка и т.д., морфологического и синтаксического анализаторов, синтезатора речи; по созданию машинного фонда марийского языка. Принято решение провести межрегиональную конференцию на тему «Финно-угорские языки в компьютерных технологиях» в 2014–2015 гг. Соответствующим органам обеспечить реализацию проектов, связанных с использованием марийского языка в компьютерной технологии, в деятельности по целевой программе «Этнокультурное развитие республики», организовать массовое обучение учителей-предметников по использованию разработанных ресурсов по марийскому языку и на марийском языке, осуществлять подготовку национальных кадров по компьютерным и сетевым технологиям, в т.ч. и для общеобразовательных учреждений; организовать спецкурсы по основам компьютерной лингвистики, определить механизм и план реализации данной резолюции.

По итогам конференции планируется издать сборник материалов конференции, в который будут включены доклады участников. Присутствующие отметили продуктивную работу, высокий уровень конференции, активное участие большого количества молодых исследователей.

Эльвира Пекшеева
Йошкар-Ола

ПРЕДСТОЯЩИЙ XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

На XI Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в венгерском городе Пилишчаба в августе 2010 года, было принято решение организовать следующий XII конгресс через пять лет в Финляндии, в г. Оулу.

Этот высший научный форум специалистов всего мира, занимающихся исследованием языков и культур финно-угорских народов, сначала проводился поочередно в трех странах, а с 2000 г. – в четырех: в Венгрии (I и IV конгрессы в Будапеште в 1960 и 1975 гг., VII – в Дебрецене в 1990 г., XI – в Пилишчаба в 2010 г.), Финляндии (II – в Хельсинки в 1965 г., V – в Турку в 1980 г., VIII – в Ювяскуля в 1995 г.), России (VI – в Сыктывкаре в 1985 г., X – в Йошкар-Оле в 2005 г.), Эстонии (III – в Таллинне в 1970 г., еще в составе Советского Союза, IX – в Тарту в 2000 г.).

Таким образом, Финляндия, как и Венгрия, будет организовывать международный конгресс финно-угроведов четвертый раз. Губерния Оулу находится на северо-западе Финляндии. По историческим данным, с 1323 года земли губернии принадлежали Новгородской республике. Затем в течение многих столетий они находились под властью Шведского королевства. Во время Северной войны были заняты Россией и в 1809 году вместе со всей Финляндией перешли к Российской империи, в составе которой находились до 1917 года, когда после Октябрьской революции Советское правительство признало государственную независимость Финляндии.

Город Оулу – столица одноименной губернии, где состоится XII Международный конгресс финно-угроведов, расположен при впадении Оулуйоки в Ботнический залив Балтийского моря. Находится в 600 км от Хельсинки. Он был основан в 1605 году. Основным занятием местного населения являлся промысел лосося, который поставлялся в королевские дворы центральной Европы. Вторым важным экспортным товаром была древесная смола, которая требовалась для парусных кораблей. Жители Оулу добывали ее и продавали англичанам, голландцам и другим морским государствам. Статус города это северное поселение Финляндии получило от шведского короля Карла IX в 1610 году. В 1612 году в Оулу открылась первая школа. В 1651 году здесь проживало около 400 человек, а в 1682 году население было уже в два раза больше. В конце XVIII века Оулу становится вторым по величине городом Финляндии, уступая лишь тогдашней ее столице Турку.

Первый мост через Оулуйоки, протекающую по территории города, был построен в 1869 году, благодаря ему жители города могли за плату пересекать реку без

лодок. В 1919 году, когда здесь проживало 15200 человек, состоялись первые выборы в городской совет, куда были избраны 36 человек, в том числе 5 женщин.

Во время второй мировой войны в Оулу располагались обслуживающие части и штабы финских и немецких войск. В черте города находились также два концлагеря (финский и немецкий) для пленных красноармейцев, которых использовали на строительстве ГЭС Мерикоски и моста на остров Хитасаари. Большие разрушения городу нанесли февральские бомбежки 1944 года. После подписания 19 сентября 1944 года мирного договора между СССР и Финляндией, в соответствии с которым финны обязались вытеснить из страны иностранные войска, немецкий гарнизон был вынужден покинуть Оулу. После войны город быстро рос. В 1973 году здесь был открыт первый филиал компании Nokia, а в начале 1980-х городской совет принял стратегическое решение сделать из Оулу центр высоких технологий.

В настоящее время площадь городской территории составляет 1500 кв. км при численности населения 143860 человек. Климатические условия в регионе достаточно холодные. Средняя температура воздуха в зимние месяцы составляет минус 11 градусов. При этом снег выпадает регулярно и в больших количествах. Самым теплым месяцем является июль, когда температура воздуха поднимается до 16 градусов. Осадки летом выпадают нечасто, их основная доля приходится на июль–август.

Большой туристический интерес к Оулу вызывает наличие отличных условий для занятия зимними и летними видами спорта, а также превосходные возможности для рыбалки и морских круизов по Балтике. Кроме того, здесь имеется множество интересных музеев, развлекательных центров и великолепных парков.

Среди архитектурных объектов выделяются грандиозный кафедральный собор, построенный в 1777 году, здание городского театра и городская ратуша. В роли своеобразного символа города выступает бронзовая статуя полицейского, установленная на территории городского рынка. Памятник был сооружен на средства, собранные горожанами. Вызывает восхищение ботанический сад, где в закрытых галереях растут тропические деревья и растения. В музее под открытым небом Туркансаари представлены экспонаты деревянного зодчества, среди которых самыми старыми являются церковь, возведенная в 1694 году, и главный корпус фермы Юликярпа постройки 1894 года. В музее естествознания представлены 1000 экспонатов позвоночных и 4100 экспонатов беспозвоночных животных. Большую ценность для поклонников раритетов представляет собой автомобильный музей Оулу, где выставлены более 50 различных моделей автомобилей и мотоциклов, самые старые из которых были выпущены еще в начале прошлого столетия. В городском театре Оулу ежегодно бывает до десяти премьер и около 350 спектаклей. Панораму всего города можно увидеть со смотровой площадки башни, находящейся в научно-познавательном центре Тиетомаа. Она была построена в 20-х годах прошлого столетия для кожевенного завода в качестве водонапорной башни, высота составляет 45 метров.

Университет г. Оулу основан в 1958 году. Он состоит из 6 факультетов: педагогический, бизнес и экономика, медицинский, естественные науки, технологический,

гуманитарный. Из них только медицинский факультет находится в самом Оулу – при городском госпитале. Остальные факультеты расположены в местечке Линнамаа – пригороде Оулу. Выпускники факультета гуманитарных наук получают дипломы бакалавра искусств, магистра искусств, лицензиата и доктора философии. На факультете преподаются следующие учебные дисциплины: археология, антропология, английская филология, финский язык, немецкая филология, история, история скандинавских стран, культура саамов, язык саамов.

Университет г. Оулу является одним из крупнейших высших учебных заведений Финляндии, ежегодно в нем обучается около 17 000 студентов. Штат преподавателей состоит из 3 000 сотрудников, 236 из них имеют звание профессора. Основная масса студентов является жителями севера Финляндии и Лапландии. Но немало молодых людей ежегодно поступает и из других регионов и зарубежных государств, так как университет принимает участие в ряде программ обмена с высшими учебными заведениями различных стран, в том числе и России. Преподавание в университете ведется на финском языке, но также существует 12 программ, преподаваемых только на английском. На разных подразделениях продолжительность обучения не одинакова: для получения степени бакалавра – 3–4 года, магистра – 2 года, лицензиата – 1–2 года, доктора философии – 3 года. Абитуриенты сдают вступительные экзамены или на финском, или на английском языке. ЕГЭ здесь не практикуется. В настоящее время для всех студентов университета учеба является бесплатной. Но в ближайшей перспективе планируется ввести плату за обучение для иностранных студентов, прежде всего из тех государств, которые не являются членами Европейского Союза. Предполагается, что эта плата будет намного ниже по сравнению с другими европейскими вузами.

На кафедре финского языка университета Оулу 16–17 августа 2012 года состоялось заседание исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов. В нем приняли участие все члены исполкома: Марта Чепреги – председатель Национального комитета финно-угроведов Венгрии, Сиркка Сааринен – председатель Национального комитета финно-угроведов Финляндии, Тыну Сейленталь – председатель Национального комитета финно-угроведов Эстонии, Анатолий Ракин – председатель Комитета финно-угроведов Российской Федерации, Ларс-Гуннар Ларссон – председатель комитета финно-угроведов нефинно-угорских стран. Председательствовал на заседаниях Президент XII Международного конгресса финно-угроведов профессор Харри Мантила.

Главным вопросом повестки дня являлась организация подготовки и проведения XII Международного конгресса финно-угроведов. Прежде всего надо было определиться со сроками проведения конгресса. В соответствии с принятым решением он состоится с 17 по 22 августа 2015 года в Оулу. Большую дискуссию вызвало предложение организаторов конгресса отказаться от традиционной структуры всех предыдущих конгрессов и провести будущий форум только в виде симпозиумов без секционных заседаний. Большинство членов исполкома высказалось против данного предложения. В результате обмена мнениями пришли к договоренности, что, как

и раньше, работа конгресса будет проходить в форме пленарных и секционных заседаний, будут организованы также симпозиумы по наиболее актуальным проблемам современного финно-угроведения.

Следующим важным пунктом повестки дня заседания было установление количества пленарных докладов на конгрессе и утверждение кандидатур докладчиков. Принято решение, что будут представлены по одному основному докладу от четырех финно-угорских стран – Венгрии, Финляндии, Эстонии, России, одно место будет выделено для доклада от научных центров, находящихся вне финно-угорских государств.

Относительно циркуляров конгресса утверждены следующие сроки. Первый официальный циркуляр рабочим оргкомитетом конгресса будет подготовлен к весне 2013 года. В нем будут сообщены общие сведения о будущем конгрессе, о месте и времени его проведения, будет выражена просьба присылать заявки для участия в нем, указан сайт конгресса. Второй циркуляр будет подготовлен к февралю 2014 года. В нем будут указаны сроки представления тезисов докладов, которые будут приниматься до 31 августа 2014 года. Все поступившие в оргкомитет конгресса тезисы, как и раньше, должны будут пройти научную экспертизу. Третий циркуляр будет подготовлен к январю 2015 года. В нем будет сообщено об утвержденных тезисах докладов, а также о размерах оргвзноса для участия в конгрессе, стоимости проживания и питания, экскурсионных мероприятиях и т.д.

Информация о конгрессе и сведения, предназначенные для его участников, будут размещаться на сайте конгресса. Все документы конгресса будут составляться на двух языках – английском и русском.

На последнем заседании исполкома рассмотрен примерный график проведения пленарных и секционных заседаний, симпозиумов на каждый день работы конгресса, обсужден вопрос об издании материалов конгресса. Решено все материалы конгресса, в том числе тексты тезисов и тексты самих докладов, размещать в Интернете. Печататься в бумажном варианте в сотнях экземпляров и рассылаться по адресам участников конгресса, как это делалось раньше, они не будут.

Все научные мероприятия конгресса и размещение его участников будут осуществляться на территории главного кампуса университета в Линнамаа, где находятся корпус гуманитарного факультета и студенческие общежития.

В рамках конгресса будет предложена интересная культурная программа. Мероприятия будут проводиться как на территории города Оулу, так и за его пределами. Желающие участники конгресса смогут совершить также двухдневное путешествие в столицу Лапландии (земли саамов) – город Рованиеми.

Задача всех финно-угроведческих центров России – принять активное участие в будущем конгрессе и достойно представить на нем свои научные достижения за последние пять лет.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Водясова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

Востриков Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Гаврилов Николай Никандрович – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью факультета международных отношений Марийского государственного университета

Гаврилова Валентина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Душенкова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной лингвистики МарГУ

Мамаева Майя Николаевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Маслихин Александр Витальевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Марийского государственного университета.

Михеев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии ГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»

Носкова Наталья Юрьевна – аспирантка ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Пекшеева Эльвира Ивановна – младший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора МарНИИЯЛИ

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Сахарова Людмила Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных наук ГБОУ ВПО «Кировская государственная медицинская академия Минздравсоцразвития России»

Сурнина Лидия Егоровна – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Шляхова Светлана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

CONTENTS

ARTICLES

Maslikhin A.V., Gavrilov N.N. Ethnic and cultural integration of the Finno-Ugric peoples (the end of XX – beginning of XXI centuries). 3
Gavrilova V.G. Problems and perspectives of language planning in the Republic of Mari El. 15
Shlyakhova S.S. Iconicity of reduplication in the Komi-Permian language. .. 24
Mikheyev A.V. Defense of Paygusovo settlement. 44
Surnina L.Ye. The theme of youth in the I.A. Kuratov's poems. 59

REPORTS

Sakharova L.G. Religious life of Vyatka Maris in the 1920s and early 30s of the XX century. 70
Penkova M.V. Folklore data of Siuhinskiy altar and its surroundings (materials of the expedition). 75
Ziyavadinova O.S. Artistic realization of the theme of man and nature in prose sketch of V.T. Chistalyov. 84
Mamayeva M.N. Melodic and compositional structure of «semur» wedding tunes. 89
Dushenkova T.R. The implementation of the concepts «kargas'kon» and «yuris'kon» in the Udmurt language. 100
Noskova N.Yu. The use of nicknames in the Mordovian language: semantics and structure. 106

PERSONS

Kuznetsova M.N. The anniversary of Eden Beke. 110
Vostrikov V.G. V.M. Vasilyev's anniversary. 116
To the anniversary of A.N. Turubanov. 120

SURVEYS AND REVIEWS

Vodyasova L.P. Rev.: Tsygankin D.V. Mordovian languages by the eyes of linguists Finno-Ugrists: collection of selected papers. – Saransk: Publishing House of Mordovian University, 2011. – 244 pp. 122
Popov N.S. Rev.: Oshayev A.G. Socio-political movement in the Mari region during the First Russian Revolution (1905–1907). – Yoshkar-Ola, 2012. – 175 pp. 125
Mokshina E.N. Rev.: Sushkova Yu.N. Under a sky of Canada. Monograph. – Saransk: Publishing House of Mordovian University, 2012. – 304 p.: ill. + col. ins. 128

CHRONICLE

Peksheyeva E.I. Scientific-practical conference «The Mari language in computer technologies». 135
Rakin A.N. The upcoming XII International Congress of Finno-Ugric researchers. 138
Information about the authors. 142

«Финно-угроведение», 2013, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 30.04.2013. Формат 70x100/16.
Усл.п.л.11,61. Тираж 300 экз. Заказ № 264.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве ИП Мерзляковой Г.Г.
425000, РМЭ, п.Медведево, ул.Совстская, 5